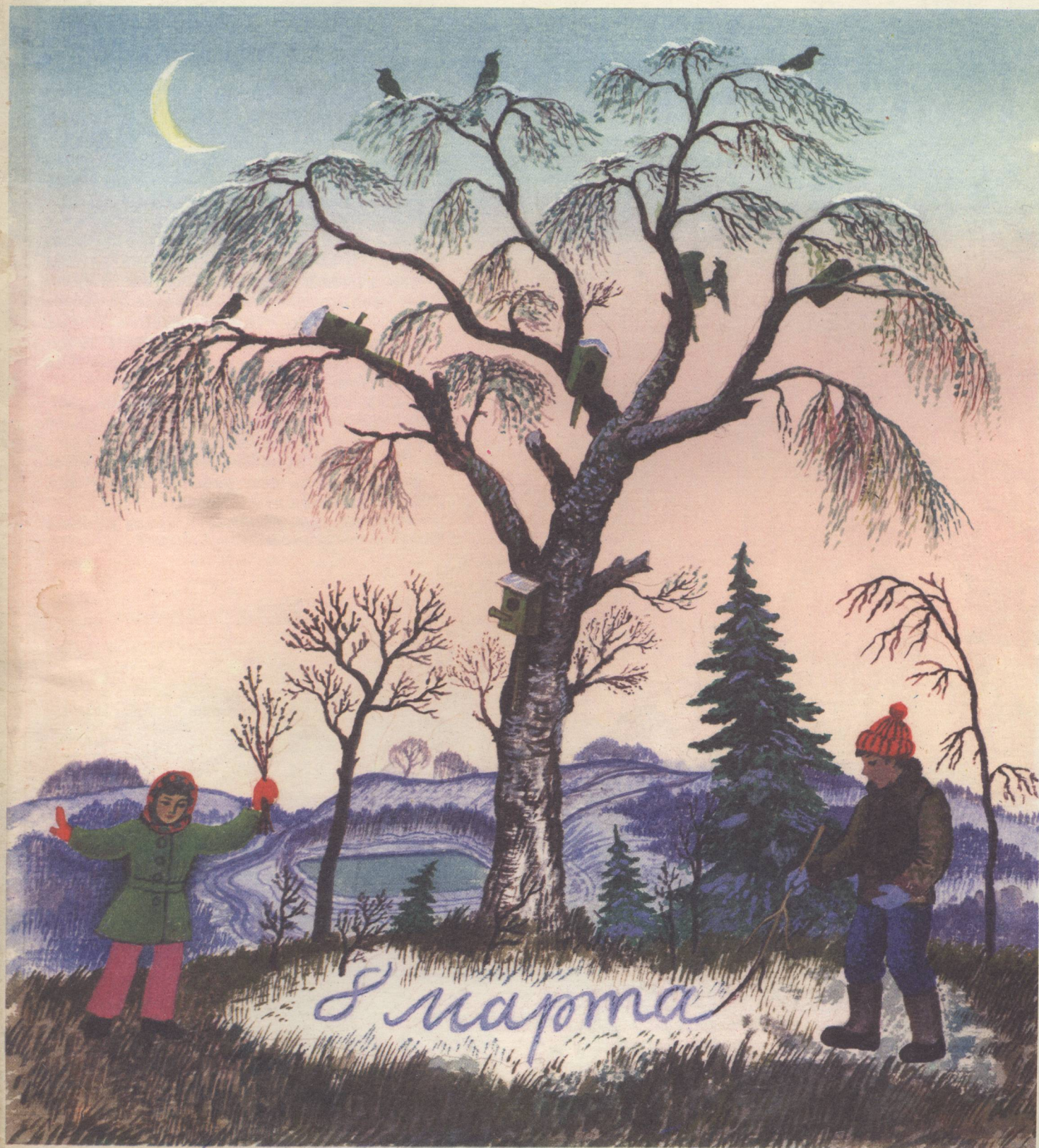

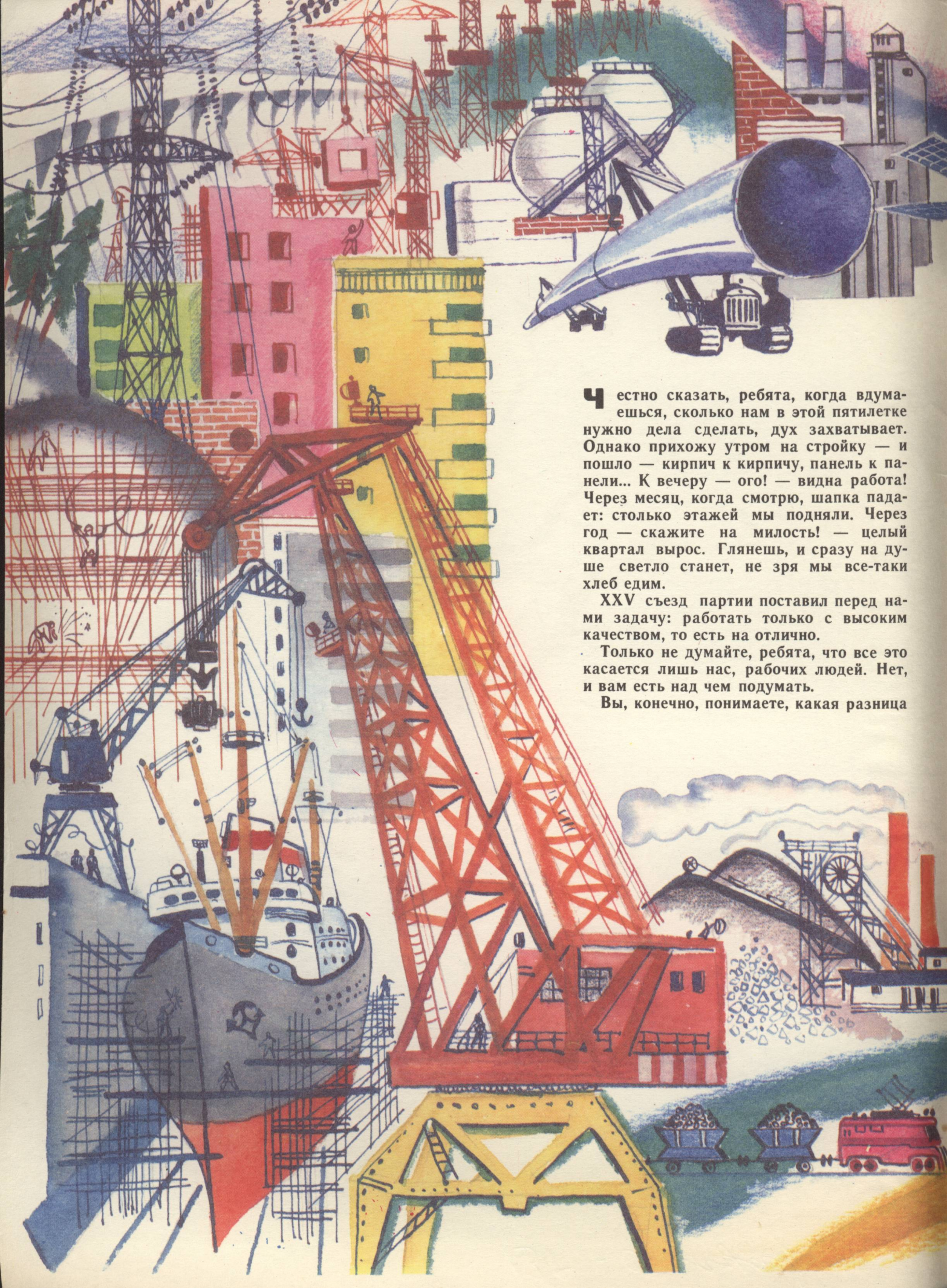
КОСТЁР

3

МАРТ 1976

130-0500000

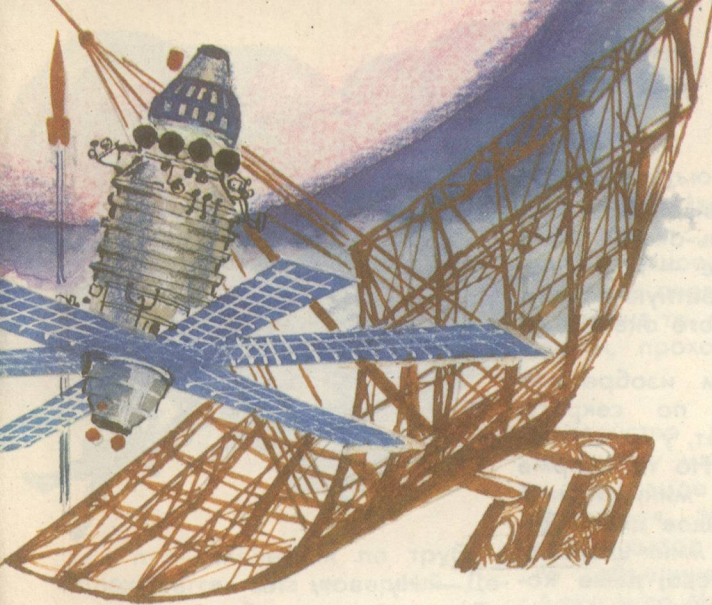

Честно сказать, ребята, когда вдуматься, сколько нам в этой пятилетке нужно дела сделать, дух захватывает. Однако прихожу утром на стройку — и пошло — кирпич к кирпичу, панель к панели... К вечеру — ого! — видна работа! Через месяц, когда смотрю, шапка падает: столько этажей мы подняли. Через год — скажите на милость! — целый квартал вырос. Глянешь, и сразу на душе светло станет, не зря мы все-таки хлеб едим.

XXV съезд партии поставил перед нами задачу: работать только с высоким качеством, то есть на отлично.

Только не думайте, ребята, что все это касается лишь нас, рабочих людей. Нет, и вам есть над чем подумать.

Вы, конечно, понимаете, какая разница

КОСТЕР

3
МАРТ
1976

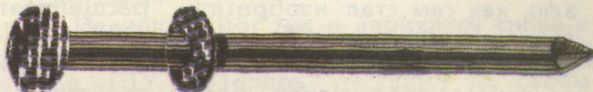
Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина

Союза писателей СССР
Издается с 1936 года

© „Костер“, 1976 г.

ГВОЗДЬ С ДВУМЯ ШЛЯПКАМИ

У НАС В ГОСТЯХ ТОКАРЬ-ИЗОБРЕТАТЕЛЬ
Михаил Афанасьевич ЗАЙЦЕВ

Гвоздь о двух шляпках? Вот, скажете, чепуховина? И верно: то, что в первую секунду нарисовало наше воображение, ни в какую стену не лезет. И все же могу вас уверить: есть такой гвоздь! Придумали его рабочие города Конакова. Изобретение оказалось чрезвычайно полезным — оно ежемесячно сберегает строителям сотни и сотни рублей.

Что же это за странный гвоздь? Как он выглядит? Попробуйте поразмыслить и догадаться самостоятельно. А я тем временем поясню, к чему веду разговор.

Я часто встречаю мальчишек и девочек — конструкторов летающих и плавающих моделей, строителей «настоящих»

между троечным ответом и ответом на отлично. Так и в работе.

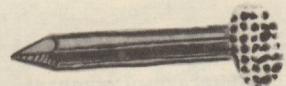
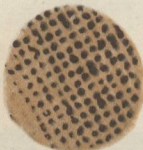
Иногда я смотрю, как мастерски работает какой-нибудь монтажник, и думаю, что он и пекарем был бы превосходным, и слесарем отменным, и моряком не из последних... Вся соль в том, что этот человек привык все, что бы он ни делал, делать отлично. Это вошло в его плоть и кровь.

Потому я и считаю, что если вы, ребята, тоже выработаете такую привычку, то станете счастливыми и уважаемыми людьми. Ваша будущая работа будет приносить государству пользу, а вам — радость.

Иван ШЕВЦОВ,
бригадир строителей,
Герой Социалистического Труда

Рисунок А. Януса

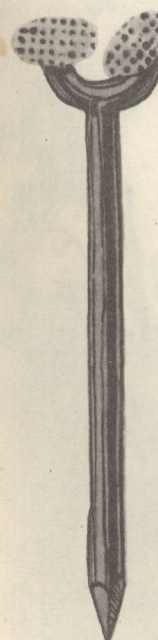
роботов, радиоприемников, автомобилей. Золотые руки у этих ребят! Но как часто в ответ на мою похвалу слышу от юных умельцев уже знакомые «безнадежные» слова:

— Модели — это что! А вот сделать бы что-нибудь такое. Чего никогда не было! Но все на свете давно открыто, все вещи изобретены...

Ну как тут не разубедить?

Обыкновенно я рассказываю, как сам стал изобретателем.

На заводе, куда пришел после войны, предложили место у единственного свободного станка — расточного. Работать на таком станке мог только один человек на всем предприятии — дядя Костя. Но названный «дядя» никому ничего не показывал. А свои приспособления, уходя с работы, всякий раз прятал под замок.

Свои действия он окружил таинственностью. Например, на виду у всего цеха доставал нечто вроде микроскопа или подзорной трубы и этой оптикой в конце смены обследовал готовые детали. Начальство с его чудачествами мирилось: ведь детали-то были сверхсложными. За внешний вид их называли в цехе сердито — «пауками».

Меня пожилые рабочие предупредили: «Смотри, Зайчонек, не схватывайся с Костей — зубы обломаешь!» Но именно это меня и подзадорило.

Началось негласное соревнование. Мой соперник выдает за смену обычную норму — шесть «пауков». Я же... всего одного. Через месяц, работая до седьмого пота, я так и не мог изготовить за день больше пяти деталей. Мой сменщик делал их семь, но тоже достиг потолка. Я призадумался: а нельзя ли какое-нибудь приспособление изобрести, чтобы в работе помогало? Получилось. И стал я снимать со станка по двадцать два «паука» за смену.

Итак, чтобы изобрести новое, надо очень-очень этого захотеть. И еще — иметь перед собой конкретную задачу.

Впрочем, и этого оказывается мало.

Вторым моим изобретением, признаюсь по секрету, был... гвоздь. Нет, у него была одна шляпка. Но по форме он напоминал миниатюрный штык. К чему такое диво? Дело в том, что мини-штык не расщепляет дерево, даже когда его забиваешь в самый край доски. Замечательное свойство!

С волнением я запечатал описание своей поделки в конверт и отправил его в Москву — в Комитет по делам изобретений и открытий. Спустя некоторое время получаю ответ: точно такая конструкция запатентована в одной из стран Западной Европы ровно два века назад.

Впору было впасть в отчаяние. Но я не унывал, а засел за изучение родословной своего стального «героя». Начинается она, как известно, с костей рыб и шипов колючих растений, которыми первобытные люди скрепляли части построек, орудий труда.

Не хватило бы и книги, чтобы подробно рассказать обо всех превращениях простого гвоздя. Как вы, например, отнесетесь к гвоздю, заостренному с двух концов и со шляпкой посередине? Или к гвоздю, начиненному взрывчаткой? Или к стерженьку, обвитому заостренными стальными пружинками? При забивании гвоздя пружинки, ввинчиваясь в дерево, расходятся в стороны и служат как бы удерживающими якорьками.

Знакомство с подобными чудесами пошло мне на пользу. Я внес-таки свою лепту, сконструировав гвоздь совсем необычный. Но об этом чуть позже.

Чувствую, что кое-кто из читателей огорченно вздыхает:

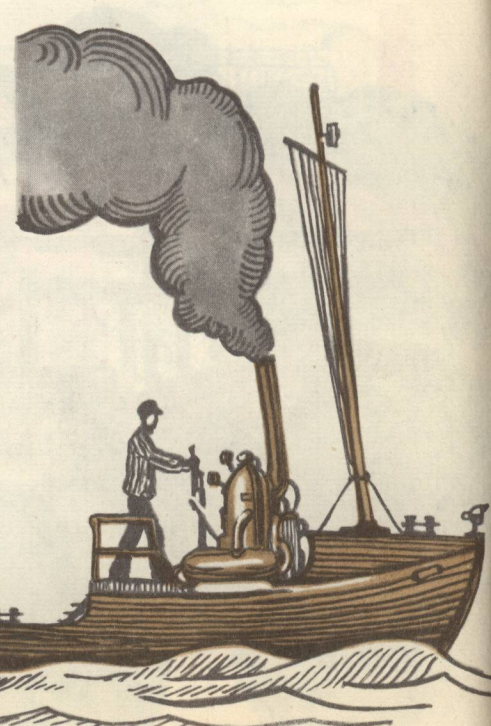

— Ну вот, так я и знал! Прежде чем изобрести, надо стать академиком...

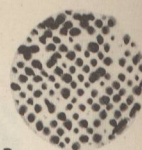
Что ж, успокою этого маловера.

Великий физик Альберт Эйнштейн, когда у него спросили, как делается изобретение, сказал: «Все знают, что это неосуществимо. И вот находится невежда, который этого не знает. Он-то и делает открытие!»

Именно таким «талантливым невеждой» оказался один мой знакомый паренек, который пришел к нам в цех из профтехучилища на практику. Пришел и в первый же день перекрыл норму... в двадцать раз!

Колю поставили на простейшую операцию — клеить детали. То есть молотком и особым стерженьком ставить на них простейшую метку. Коля не долго думая возьми да

и пусти железяки по трубе с третьего этажа на первый. Детали стукались о клеймо и уже с меткой отскакивали прямо в подставленную тележку...

Детям вообще свойственны особые качества, которым мы, взрослые изобретатели, нередко завидуем.

Недавно я прочитал, как один африканский мальчик открыл, экспериментируя дома с холодильником, интересное физическое явление. Он поставил заморозить два стакана воды — в одном крутой кипяток, в другом вода обычной комнатной температуры. Каково же было его удивление, когда первой, и очень быстро, в лед превратилась горячая вода. Можете проверить — все так и есть. Ученым, для которых открытое явление стало маленькой сенсацией, потом удалось его объяснить особой

способностью горячих молекул к перестройке в кристаллики льда.

Но главное все же не в этом. Мальчик первым обратил внимание на то, мимо чего, не замечая, проходили сотни ученых!

Свойство удивляться окружающему миру, может быть, и есть самое важное для изобретателя. Мой коллега слесарь-новатор с ленинградского объединения «Светлана» Александр Михайлович Иванов не так давно из цеха перешел работать в подшефное ПТУ. «Пришел от мальчишек заряжаться идеями», — так он объяснил мне смысл своего перехода. Опыт получился удачный. Двадцать пять медалей недавней выставки научно-технического творчества молодежи получила бригада юных искателей этого училища, возглавляемая опытным наставником.

Удивление... Кто из вас не видел, как дворник, бросив на асфальт шланг с бьющей из него струей воды, идет закрывать кран? Между тем наконец шланга, словно живая змея, выделяет на земле хитроумные выкрутасы. Видели это многие. А кто удивился?

Знаю точно: удивился мой друг слесарь — заслуженный изобретатель РСФСР Николай Николаевич Васильев. Удивился — и предложил на основе того же эффекта лодочный движитель в виде... рыбьего хвоста. Никакого мотора — только баллон со сжатым воздухом или простая, как самовар, паровая установка. Изобретение Васильева носит название «эффекта дворника дяди Вани». Почему именно дяди Вани? Но так зовут дворника у них во дворе.

Удивление... Кто из вас пришел в изумление от такой простой вещи как камертон? Многим из вас удавалось держать

его в руках. Но кому он показался загадкой?

Могут засвидетельствовать: от камертона в восторг пришел другой ленинградский новатор — Александр Михайлович Федотов. В этой упругой стальной вилке он, ничуть не сомневаясь, увидел... молоток. «Музыкальный» молоток за счет дополнительных ультразвуковых вибраций легко загоняет обычный гвоздь в бетонную стену.

Вот мы и вернулись снова к гвоздям.

Теперь расскажу о своем гвозде, который я изобрел.

Гвоздик — пружинящий. Он уходит в поверхность наполовину, и сбоку прижимает к стенке деталь. Пустяк, вроде бы. Но мне эта шпилька помогла создать самую простую в мире сборную фрезу. Режущие пластинки гвоздик удерживает на инструменте при самых высоких скоростях. Он же гасит вредные вибрации. Хрупкая фреза теперь не боится «грызть» даже прочнейшую нержавеющую сталь.

Укрепить моим гвоздем режущий зуб на резце или фрезе — секундное дело. А экономия в промышленности составит сорок миллионов рублей. Вот вам и гвоздь! Вот вам и мелкое изобретение!

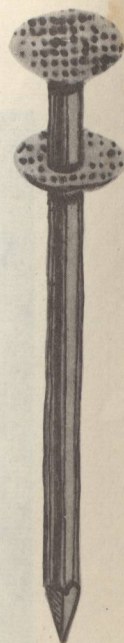
Теперь о двух шляпках. Расположены-то они на стерженьке сразу друг под другом. Догадались? Кто догадался, наверняка понял, зачем такое нововведение. Новый гвоздь легче вытащить из доски неповрежденным. А значит, можно пустить его в дело еще много раз.

Но «гвоздь» моей беседы не в этом.

Ты ведь, тоже удивляясь, задумывался над многими вещами в жизни, их устройством и принципом работы.

И что же ты придумал?

Беседу записал В. ЧЕТКАРЕВ
Рисунки Н. Андреева

Не правда ли, какие они непохожие — «Крым» — величественный океанский красавец, и «Бакы», похожая на перевернутую вверх ногами гигантскую табуретку! Но вот что интересно: рассказы их строителей оказались очень похожими.

— «Крым» — это первый советский супертанкер, самый большой наш корабль. Его длина — 295 метров, грузоподъемность — 150 тысяч тонн. Танкер имеет двойное дно, чтобы при аварии нефть не попала в море. Погрузка и выгрузка осуществляется одним человеком из центрального пункта управления.

— «Бакы» — это первая советская плавучая бурильная установка. Она оснащена самым новейшим оборудованием. Контейнеры для хранения отходов бурения полностью исключают загрязнение моря. «Бакы» может вести разведку нефти даже в шторм. Ее массивные стометровые ноги прочно стоят на морском дне и при необходимости поднимают рабочую площадку на такую высоту, при которой не страшны любые волны.

И команды у «Крыма» и «Бакы» тоже похожи — это люди по-настоящему влюбленные в свое дело. Вот два примера.

Капитан танкера Сергей Николаевич Варавко с морем познакомился еще в детстве, когда во время войны был юнгой на военном корабле. А начальник «Бакы» Орхан Селимханов — известный специалист по морской разведке нефти. Селимханов говорит, что о такой буровой установке он мечтал всю жизнь.

„Б а к ы“ и „К р ы м“

ГОЛОВА АНТИЧНОЙ БОГИНИ

ГЛАВЫ ИЗ ПОВЕСТИ

Илья ДВОРКИН

Рисунки А. Слепкова

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

— Слушай, — сказал Андрей, когда ему показалось, что Вите надоело валяться на крыше мазанки, — айда в город. Хоть покажу тебе его.

Город был красив. Он стоял на высоком, выдающемся далеко в море мысе и весь утопал в зелени. Тротуары были выложены потрескавшимися желтоватыми плитами ракушечника. Из-за заборов свешивались незрелые еще яблоки, абрикосы, груши. Вдоль тротуаров часто, почти переплетаясь кронами, стояли акации.

Андрей шел и удивлялся — получалось, что не он показывает город Вите, а она ему. Он слишком привык к своему родному городу и не замечал того, чем восхищалась Витя. Он будто впервые видел и эти тротуары, и дома, и деревья...

Вдруг Витя подалась вперед. Невдалеке стоял ее знакомый железнодорожный попутчик, важный и лохматый. Он о чем-то быстро говорил мрачному дядьке с неприятным одутловатым лицом, с заплывшими глазами-щелочками. Витя хотела подойти поздороваться, но Андрей неожиданно схватил ее за руку чуть повыше локтя, сильно сжал.

— Вот он, — сказал Андрей.

— Я знаю. Мы с ним в одном купе ехали. Он меня за мальчишку принял. Смешной такой дядька.

— Кто? — изумился Андрей.

— А вот тот лохматый, с трубкой в руке.

— Да не о нем я! Ты знаешь, с кем он разговаривает?

— Нет.

— С Геннадием Савельичем. Ну с тем, с Генкой, я же тебе говорил, с которым наши отцы

враждовали в детстве, с отцом Жекете, — почему-то шепотом проговорил Андрей.

Собеседник «покровителя искусств» вдруг резко обернулся, будто услышал разговор или просто что-то почувствовал. Но реакция Андрюхи оказалась быстрее. Он резко дернул за руку Витю, и оба спрятались за куст.

— Ты чего? — удивилась Витя. — Чего прячешься?

Лицо Андрюхи стало растерянным.

— Сам не знаю.

Витя оцарапала щеку. Сидеть на корточках было неудобно, да и вообще она не любила прятаться и подслушивать. Противное и неприятное занятие. Она стала подниматься.

И вдруг что-то остановило ее. Она даже не поняла сразу — что. Вновь взглядела в беседующих мужчин, наконец, сообразила: лицо железнодорожного попутчика было теперь другое — жесткое, властное, не похожее на то знакомое, добродушное, которое она знала.

Говорил Аркадий Витальевич:

— Это слишком ценная вещь, чтобы держать ее там долго. Значит, вскорости ее увезут. А у меня именно сейчас есть покупатели, для которых, когда они встречаются такой уникалом, деньги почти ничего не значат.

— Ну да, не значат! — ухмыльнулся Геннадий Савельич. — Они для всех значат. Главнее денег еще не придумали.

— Твоя кулацкая философия мне не интересна, — холодно отозвался «свободный художник». — Тебе этого не понять. Слишком для тебя сложно.

Геннадий Савельич хмыкнул.

— Да, да, молодой человек! Я делаю все это исключительно ради того, чтобы человечество познакомилось с красотой. Красоты так мало, и ее надо ценить!

— И где вы только таким словечкам научились? — пробормотал Геннадий Савельич. — Уж не там ли?

Витя не верила своим глазам и ушам! Перед

Окончание. Начало в „Костре“ № 2, 1976 г.

ней вновь был ее знакомый художник — увлеченный, чуточку смешной человек. Ему очень понравились слова собеседника. Он картинно отставил ногу, взъерошил волосы, улыбнулся. Добродушие так и сочилось из всех пор его большого лица.

— Ну, хватит волю хвост крутить, — буркнул Геннадий Савельич. — Меня зачем позвали — байки слушать? Красота! Человечество! Будто мало я вас знаю! — он смачно плюнул себе под ноги. — Деньги где?

И тут же «свободный художник» исчез, будто его и не было вовсе. На Генку насмешливо и твердо глядел совсем другой человек — ему бы дубину в руки. Вместе с одухотворенностью исчезла и надетая на лицо маска. Даже голос изменился.

— Какими способами прибудет товар, меня не интересует, — сказал он, — вот задаток.

«Покровитель искусств» вынул пухлый, туго набитый деньгами бумажник. Геннадий Савельич втянул голову в плечи, резко, как-то позвериному оглянулся, но, очевидно, «свободный художник» имел в этих делах опыт, и немалый. Он усмехнулся, но тут же лицо его напрялось, сузились глаза.

— А ну, спокойно! Стоять! — жестко приказал он.

«Как собаке, — подумала Витя, — как им только не стыдно — одному говорить, другому слушать».

— Отойди на три шага, — приказал Аркадий Витальич, — мало ли что может случиться. Человек ты жадный и глупый. А по глупо-

сти, сдуру, возьмешь и захочешь разбогатеть на малое время. Придется ломать тебе руку.

Геннадий Савельич как-то странно хлюпнул носом.

Аркадий Витальевич отсчитал много денег, взвесил их на ладони, поглядел на Федькиного отца, словно раздумывая, стоит давать или не стоит, и половину снова сунул в бумажник.

Федькин отец взвыл.

— Да чего ж вы! Чего ж вы, Аркадий Витальич? Уговор дороже денег.

— Правильно. Будет все сделано, получишь остальное.

Он сделал вид, что собирается спрятать в бумажник остальное. Геннадий Савельич испуганно метнулся к нему.

— Ладно, ладно. Не бойся. Получи.

Брезгливо сунул деньги в его трясущиеся руки.

— А теперь, голубчик, запомни: шутить со мной не надо. Ты ведь помнишь меня, — пробормотал он и громче уже продолжал: — Но я всю жизнь мечтал быть художником. Прекрасное занятие, знаешь ли.

Геннадий Савельич хмыкнул.

— С тобой что со столбом разговаривать. Короче. Завтра, и чем раньше, тем лучше, чтоб все было на месте, вы меня понимаете, Геннадий Савельич? — деловито осведомился Аркадий Витальич.

— Да чего уж там, Генка я, как прежде, — засмутился Федькин отец. — Все будет как договорились.

— Для Генки ты уже староват — сын вон

уже какой вымахал, а насчет кое-чего другого не сомневаюсь. Не враг же вы себе, Геннадий Савельич, — вежливо отозвался «художник».

Но было в его голосе, в этой нарочитой вежливости что-то такое, от чего у Вити мурашки по спине пробежали. Ей было страшно. Она вцепилась в ладонь Андрюхи и не выпускала до тех пор, пока те двое не свернули в боковую аллею. Они выбрались из кустов, сели на скамью так, чтобы видеть спины «художника» и Федькиного отца, долго молчали.

— Что это они? Ну и папаша Федьке достался! — Витя передернула плечами.

— Да уж! Не позавидуешь.

— Тут что-то затевается! Надо сказать папе! — решительно заявила Витя.

— Ну, и что ты ему скажешь?

— Как что?! Наверняка ведь они жулики и что-то затевают!

— А что?

Витя задумалась. Ей хотелось бежать, что-то делать, кого-то спасать, но все разбивалось о спокойную правоту Андрея. И она прекрасно понимала — это не было равнодушием. Наверняка он уже перебрал все возможные и невозможные варианты.

А тем временем те двое приближались к воротам парка. А там главная улица, народ — ищи-свищи. Растворятся, как сахар в воде.

— Я пойду за сенбернаром, а ты за Геннадием Савельичем, — заявила Витя и метнулась вперед.

Но в этот день новоиспеченным сыщикам не повезло.

Правда, Витя узнала, где живет «покровитель искусств». К ее удивлению, вовсе не в гостинице, а в опрятном одноэтажном домике, который едва можно было разглядеть сквозь густые листья яблонь, груш, абрикосов.

Спрятавшись за стволом одной из акаций, которые росли на улице вдоль тротуаров, она увидела, как «объект наблюдения» спокойно включил свет в своей комнате, перекусил и стал раздеваться.

Витя отвернулась. А когда вновь приступила к обязанностям сыщика, дом был темен и тих. Витя подошла поближе к изгороди из металлических прутьев. Даже на улице был слышен знакомый по купе могучий храп «покровителя искусств». Стало ясно — делать здесь больше нечего.

Со вторым сыщиком, с Андрюхой, произошло почти то же самое, за исключением одного: в доме Геннадия Савельича долго, привычно ругались, потом слышались две звонкие оплеухи и Федькин рев. Именно рев, а не плач — злой и непримиримый. Минут через пять весь красный, шмыгая носом, с хозяйственной сумкой в руке прошел Жекете. Губы его бесшумно и зло шевелились. Федор яростно, шепотом ругался.

«В магазин пошел, — подумал Андрюха. — Ну, надо же, бездельник! Даже в таком пустяковом деле — в магазин слетать — и то без скандала обойтись не смог. Доигрался до опле-

ух! Вообще-то папаша его тоже хорош гусь — лупить человека из-за таких пустяков. Тут поневоле вредным сделаешься».

В душе его шевельнулась жалость к Федьке. Как ты ни относишься к человеку, но когда его чуть ли не каждый день за дело и без дела лупцует собственный папаша...

Андрей прождал час — полтора, Геннадий Савельич не показывался. И «сыщику» надоело. Он взобрался на развесистый платан, росший перед домом, и осторожно заглянул в окошко третьего этажа. Глазам его открылась грязнувшая комната. Пол был усеян окурками, а на столе рядом с чайником валялся дырявый носок.

Все это так поразило Андрюху, привыкшего к корабельной чистоте у себя дома, что он не сразу разглядел раскладушку, а на ней спящего Геннадия Савельича.

Спал Геннадий Савельич беспокойно — вертелся, натягивал на голову одеяло, вскрикивал во сне. Андрею стало ясно, что следить за ним нет никакого смысла.

Обдирая ладони, живот и колени, Андрюха соскользнул на землю, оглянулся тайком: не видел ли кто, и припустил домой.

ЧЕРДАК (1946 год)

Костик и Стас возвращались из школы самым далеким путем. Делали большущий круг — проходили Чеховским садом, по глинистой тропинке спускались к морю, потом пустырями, мимо консервного завода, где теперь работал заклятый враг Генка, добирались до своей улицы.

Они миновали пляж, поднялись наверх и шли вдоль высокого забора консервного завода. Стас подбросил камешек, хотел наподдать его ногой, да так и застыл в нелепой и неудобной позе. Костик увидел, что он побледнел, а улыбка стала будто приклеенная.

Костик поглядел вдоль забора и успел заметить чью-то спину с горбом туго набитого рюкзака. В руке человек нес большой чемодан. И тут же спина завернула за угол.

— Костик, это он, — быстро сказал Стас, — Генка. Нагруженный, как верблюд. Видел?

Они одновременно добежали до угла забора и осторожно выглянули. Генка стоял у подъезда пятиэтажного дома на другой стороне улицы. Рюкзак он уже снял и держал его в руке, чемодан поставил на землю. Генка все время воровато оглядывался, и лицо его было подозрительное и немного испуганное. Он зашел в подъезд и сразу же снова выглянул, повертел головой, пошевелил губами, будто разговаривал сам с собой.

Улица была пустынной. Генка закурил и исчез в подъезде.

— Чего это он? — Костик недоумевал.

— Чего, чего! Тут дело нечисто. Видал, как он оглядывался? Честные люди так не огля-

дываются. И мешок у него тяжеленный. Да еще чемодан.

Стас схватил друга за руку, потащил за собой. У самого подъезда он взглянул ему в лицо своими бесстрашными, светлыми глазами, усмехнулся.

— Боишься?

— Ага, — сказал Костик.

Они вошли в подъезд.

Наверху слышались грузные шаги, железные

перила тихо дребезжали. Мальчишки на цыпочках взлетели на третий этаж. Остановились. Послышался лязг замка и протяжный скрип. Потом все стихло.

Ребята осторожно и медленно поднимались.

С площадки пятого этажа наверх вел еще один пролет лестницы, в желтоватом свете пыльной лампочки виднелась узкая, обитая железом дверь на чердак.

Она была наполовину отворена. В толстом

стальном кольце качался здоровенный амбарный замок.

Стас решительно зашагал по лестнице. У самой двери обернулся, поджидая Костика, и скользнул в темноту чердака. Костик за ним. Под ногами было что-то мягкое — стружки или опилки.

Глаза немного привыкли к темноте, и они увидели совсем рядом основание печной трубы. Мальчишки прошли вдоль нее и выглянули. В дальнем конце чердака, в жидком свете слухового окна, копошился Генка. Он что-то вынимал из рюкзака и осторожно ставил подале, к самой стрехе.

Вдруг он выпрямился и пошел прямо на мальчишек. Они попятились в тень трубы, присели на корточки. Генка прошел мимо них к двери. Резко запахло чесноком.

Затем они слышали скрип и четкий металлический лязг защелкнувшегося замка. Стало тихо-тихо. И жутковато.

— Давай поглядим, что он там принес, и будем сматываться, пока не вернулся.

Костик первым подбежал к слуховому окну, на коленках пробрался в угол и нащупал какие-то банки: четыре железные — круглые и тяжеленные, одну стеклянную, обвязанную тряпкой.

Стас стащил тряпку, сунул руку внутрь. Рука утонула в чем-то густом и вязком. Он испуганно выдернул ее — рука пахла рыбой и была темная, будто в кожаной перчатке. Подтащил банку к свету.

— Черная икра, — сказал Стас.

— Да, — подтвердил Костик. Икринки лежали одна к одной плотно, как дробь. — Он ее с консервного завода украл.

— Какой ты догадливый, — ехидно ответил Стас.

Он аккуратно обвязал банку тряпкой и поставил на место.

— А вон чемодан.

Стас потащил желтый щегольской чемодан к свету. Замки не открывались. Стас огляделся, увидел рыжую черепицу, недолго думая сшиб замок.

— Что ты делаешь? — испугался Костик.

— Тихо. Это жулики. Надо все узнать, — ответил Стас, — раз уж такой случай подвернулся.

В чемодане лежал добротный костюм, штилеты, в углу — перевязанный бечевкой, завернутый в газету пакет. Стас надорвал угол пакета. Там были деньги. Красные, новенькие тридцатки.

Столько денег они никогда в жизни не видели.

— Ого! — выдохнул Костик.

Стас молча вытащил брюки, приложил их к себе — он мог спрятаться в них по подбородок.

Вдруг рука его быстро скользнула в правый карман брюк, вытащила плоский, вороненый пистолет.

— Дела! — сказал Стас. — Браунинг. Они не просто жулики и спекулянты. Это похуже.

И тут им стало страшно по-настоящему. Сами того не сознавая, они столкнулись со смертельно опасной тайной. Игры кончились. Друзья понимали, что Генка просто мелкая сошка. Фальшивый немой! Этот зверюга был посерьезнее. Достаточно вспомнить его разговор с Генкой.

Фальшивый немой сторожил самый богатый в городе поповский сад. Из всего города одни только Костик и Стас знали, что огромный, заросший бородой детина — поповский сторож — лишь притворяется немой. Недавно они наткнулись на него сторожа на глухом городском пустыре. И услышали, как немой вдруг заговорил самыми настоящими человеческими словами, да еще какими! А рядом с ним, трусливо улыбаясь, стоял их враг Генка, мелкий жулик и спекулянт.

Немой что-то требовал от Генки, грозил, грубо ругался.

Стас скомкал брюки, швырнул их в чемодан, задвинул его подале и сунул пистолет в карман.

— Теперь самое бы время отсюда уходить. И как можно быстрее, — сказал он. — А чемоданчик-то для него. Уезжать собрался.

Костик глядел на его отвисший от тяжести браунинга карман и молчал.

— Айда на крышу! — позвал Стас.

Через слуховое окно они выбрались на крышу.

Далеко внизу торопились по домам редкие прохожие, чуть дальше виднелась бурая крыша и кусочек двора рыбоконсервного завода.

Равнодушные прохожие, равнодушная пустая крыша. Никому до них не было дела. И выхода не было. Стас потрогал водосточную трубу — она была старая, проржавевшая.

— Не выдержит, — сказал он.

Они вернулись на чердак. Сидели под слуховым окном и думали.

— Понимаешь, — Стас стиснул Костику руку, и тот почувствовал, что рука его вздрагивает, — понимаешь, после света здесь ничего не видно. Он пойдет за икрой, а мы к двери. Выскочим и поминай как звали!

— Хорошо бы.

— Иначе пропадем, — голос у Стаса был необычно серьезен.

Странное дело — теперь, когда Костик точно знал, что Стасу тоже страшно, ему почему-то стало спокойнее. Ничего не бояться только дураки.

Наконец у двери кто-то завозился. Долго скребли ключом по замку. Потом кто-то выругался и хриплый бас сказал:

— Дай-ка.

Замок лязгнул, заскрипела дверь, и в темноту ворвался яркий луч фонаря. Желтый круг как солнечный зайчик, запрыгал по стропилам, пошарил в дальнем углу, затем уперся в пол и стал медленно приближаться. Костик-то со Стасом видели хорошо, глаза их успели привыкнуть к темноте, а вошедшим ничего не было видно без фонаря.

Перед ними были Генка и немой.

— Ты бы еще в печную трубу вещи засунул, — проворчал немой.

— Дак ведь я как лучше хотел, — пролепетал Генка.

«Немой» с размаху стукнулся головой о стропило.

— Э-э, черт бы тебя взял! — выругался он. — Сколько банок-то приволок?

— Четыре, Аркадий Витальевич.

— Маловато, ну да ладно, времена сейчас голодные, с руками оторвут. Ладно. А то еще не донесу...

Оба прошли так близко от ребят, что, казалось, должны услышать, как колотятся сердца Костики и Стаса.

Мальчишки подождали, пока те отойдут подальше, и юркнули в двери. Через секунду они стояли на лестнице.

— Что делать? Что делать?

Костик поглядел на дверь и чуть не заорал от неожиданной простой мысли.

— Стас, гляди! — прошептал он, одной рукой снял с кольца тяжелый замок, другой из всех сил дернул дверь. Она с грохотом захлопнулась. Костик быстро продел в оба кольца дужку замка и повернул ключ. Все произошло мгновенно.

Дверь затряслась под ударами. Видно, в нее колотили ногами. Но это была крепкая, на совесть сработанная дверь. Те двое лупили и лупили каблуками и ругались.

А Стас начал вдруг хохотать, и Костик, глядя на него, тоже. Они просто корчились от смеха и вместе с этим неестественным смехом из них выходило все напряжение, все страхи этого дня.

Потом Стас одернул рубаху и сказал:

— Айда на завод, в проходную. Там сторож с револьвером. Вот смеху-то! С револьвером! А у него из-под носа таскают.

За дверью примолкли.

А ребята уже бежали, прыгая через две ступеньки, вниз, к людям.

ПРОПАЖА

Витя с недоумением глядела, как по комнатшке мазанки мечется, ломая руки, заливаясь слезами, Елена Алексеевна. Лицо ее было таким необычным, такое отчаяние, такое горе было на нем, что Витя испуганно вскочила.

«Неужели кто-нибудь погиб?»

— Украли... Украли... — в ужасе шептала Елена Алексеевна.

— Да что? Что украли? — спрашивала Витя. «Значит, никто не погиб», — облегченно вздохнула она.

— Это ужасно!.. Какие негодяи!.. У кого же рука поднялась?

— Что украли? — почти кричала Витя.

Будто очнувшись, Елена Алексеевна умолкла, вгляделась в Витю, словно только сейчас заметила ее.

— Голову... Исчезла голова нашей статуи, античной богини, — прошептала Елена Алексеевна и в изнеможении опустилась на табуретку. Она спрятала лицо в ладони и зарыдала так громко, что Витя испугалась. Чтобы так плакали взрослые люди, Витя никогда еще не видела. Она бросилась к полке с находками экспедиции и увидела — мраморной головы нет.

— Как же так? — растерянно пробормотала Витя. — А папа? Папа знает?

Но Елена Алексеевна ничего не слышала.

...Никого еще не было, рабочий день не кончился. Отец, успевший уже перемазаться машинным маслом, возился со своим «упрямым козлом», как он называл газик, что-то тихонько мурлыкал себе под нос.

Витя остановилась. Ей вдруг стало пронзительно жаль отца. Такое у него добродушное, родное лицо! Он чему-то улыбался про себя и оттого казался беззащитным. Она ничего не успела сказать. Отец услышал, как плачет Елена Алексеевна.

Он резко обернулся и увидел на крыльце Витю. Видно, лицо у нее было такое, что отец испугался. Через несколько минут он вылетел из мазанки с белыми от бешенства глазами.

— Воры, мерзавцы!

Он прыгнул в газик. Юркая машина рванула с места и, поднимая осевшую за ночь пыль, стала карабкаться вверх, в город.

Проснувшиеся Серега с Андреем метались по лагерю, выпрашивая Елену Алексеевну, Витю, поспешно натягивали штормовки.

Появился нелепый человек Жекете. Он шел, понурив голову, заплетая по песку ногами, а когда поднял лицо, Витя ахнула. Синяк на синяке.

Витя сбегала в дом, вернулась с двумя ватками — одна пропитана перекисью водорода, другая — зеленкой.

«Не зря я все-таки в этом кружке занимаюсь на санитарку», — с гордостью подумала она.

Жекете сперва упирался, но Витя прикрикнула на него, и он покорно стал пациентом. Витя мгновенно простила ему все его дурацкие выходки и словечки. И отважно приступила к врачеванию. Первым делом заставила снять остатки рубахи. Федька покорно выполнил приказание, обнажил тощее, белое, как сметана, тело. Витя мимолетно пожалела его — вокруг все пропитано солнцем, а тут человек словно прячется от него.

Она протерла ссадины и царапины перекисью, та запузырилась. Федька взвыл от боли, но тут же умолк, закусил губу. Он терпел изо всех сил. Но когда Витя принялась мазать зеленкой, терпение его кончилось и Жекете заорал.

— Ну, потерпи, Феденька, потерпи. Ты же мужчина! Сейчас все кончится и будет не больно. Я точно знаю. Знаю, что пройдет. Сейчас вот перестанет жечь. Ты же мне веришь, Жекете? Честное пионерское, пройдет!

Федьке было очень больно, но он перестал извиваться и вновь закусил губу.

— Уважаю, — сказала Витя, и Жекете улыбнулся во весь щербатый рот.

Федька сделался похожим на тигра. Только у тигра полосы черные, а у Жекете зеленые и не поперек, а вдоль. Все покатились со смеху. Даже Витя фыркнула.

— И ты?... — печально сказал Федька.

Вите стало стыдно. Но только она собралась шепнуть Федьке что-нибудь хорошее, доброе, как он опередил ее и громко сказал слова невероятные, ужасные, которым не хотелось, просто невозможно было поверить.

— Это я украл голову... — И чуточку потише: — Она такая красивая... — И совсем уж тихо, чуть ли не шепотом, одной только Вите: — Она похожа на тебя. Я ее хорошо рассмотрел.

Говоря это, он еще больше опустил голову, съежился, словно ожидал удара. И тогда Витя, схватив его за плечи, потрясла.

— Федька! Федька, скажи что это неправда! — прошептала Витя. — Ну, скажи!

— Правда, — уныло ответил Федька.

— Да ты... ты понимаешь, что натворил! Ты понимаешь?

Жекете печально усмехнулся.

— Что ж я, по уши деревянный — не понимать. Потому я и пришел. Я принести ее хотел. Положить на место... Но он меня поймал и так отметелил — во! — он показал на свое лицо. — А потом запер в чулан.

Олег и Сергей бросились к Федьке, но путь им преградил Семеныч.

— Погодь, ребята! Тут разобраться надо. Парень ведь сам пришел, не убегает, не прячется.

Он обернулся к Жекете.

— Кто это тебя так разукрасил?

— Батя, — с трудом выдавил Федька-Жекете, нелепый, чудной человек, — его заставил кто-то. Он кого-то боится смертно, даже кричит ночью. А так бы ему и в голову не пришло. Он сказал, что тому человеку только эту... копию надо снять с головы, а потом, говорит, на место положишь, и не дал... — Жекете стукнул себя кулаком в узкую грудь. — А вообще-то мой батя никого!.. Никого не боится! Чес-слово, никого! — выкрикнул он, и в голосе его были слезы.

— А дальше что было? — стараясь быть спокойным, сквозь зубы спросил Олег. — Дальше что сделал твой бесстрашный батя?

Федька был так взволнован, что даже не заметил насмешки в словах Олега.

— А дальше... дальше я на эту голову всю ночь глядел: уж больно она красивая и древняя — жуть. И еще думал, а вдруг ее тот тип испортит, когда копию снимать будет... — Жекете всхлипнул. — Я ее в сумку запихал, под утро уже, думал — отнесу назад. Никто и не хватится. А он, батя, проснулся. Ну и выдал мне. Я его еще таким не видал. В чулан меня затолкал и под замок.

Федька показал изрезанные руки и спину.

— Окошко маленькое, — пояснил он, — а под живот я штаны подложил, — с гордостью изобретателя добавил Жекете.

— Да на кой дьявол твоему бесстрашному батя копия эта?! — рывкнул Семеныч.

— Не знаю, это не ему, — сник Жекете, — здорово он кого-то боится. Ей-богу, он таким никогда еще не был. Даже страшно... Ходит вот уже несколько дней сам не свой, лютый, просто дикий какой-то. И чуть поперек ему — по шее, по шее... А уж сегодня... Хоть из дому беги...

Федька заплакал, размазывая зеленку. От прежней его нахальной расхлябанности, кривой усмешки — мол, все-то вы дураки, один я все знаю, от этой противной отмашки рукой — нашли, мол, кому приказывать, ни следа не осталось.

Перед Витей стоял перепуганный человек. И даром что он на несколько лет старше, но мальчишке этому страшно, и отца жалко, и совесть вроде проснулась. Впервые Витя разглядела, что слишком узки его плечи, слишком тонка шея, слишком перепуганные глаза.

Витя никогда не принимала Жекете всерьез, иногда злилась на него и его глупые выходки, а тут разглядела вдруг, что это человек не больно-то счастливый, что и ест он не досыта, и лупцуют его дома за дело и без дела — какая прихоть придет в голову его батя.

— Так вот что, Федька, иди-ка в мазанку и полежи там, отдохни, — сказала Витя, — если сможешь, поспи.

И Жекете послушно поплелся в дом.

— Ты у него хоть адрес спроси, — крикнул Сергей.

— Знаем, — коротко ответила Витя.

Она знала, где искать пропажу, все поняла и собиралась сообщить об этом остальным, но вдруг услышала тонкий, тихий свист. Она подняла голову и увидела Андриюху.

Андриюха сидел, сложив по-турецки ноги на своем излюбленном месте — на крыше мазанки — и прикладывал палец к губам, строил ей рожи.

Витя погрозила ему кулаком, но он поманил ее пальцем.

— Ну что, — сердито начала Витя. — Ты думаешь, если...

Андрей снова приложил палец к губам, и Витя умолкла.

— Мы должны добыть эту голову сами, — сказал он. И голос у него был такой решительный, что Витя поневоле притихла. — Мы знаем, где она находится — раз, а этот твой лохматый даже представить себе не может, что Жекете придет к нам — два, а в третьих, наши отцы, когда им по двенадцать было, не такие штуки проделывали. У меня есть план, — сказал Андриюха, и глаза его сверкнули фиолетовыми искрами. — Для этого нам необходим Жекете.

— Жекете?! —

— Да. Надо его поскорее позвать, пока твой отец не приехал с милицией.

— Да зачем, зачем нам этот несчастный Федька-то нужен? — закричала Витя.

Андрюха улыбнулся.

— Ну рассуди, — сказал он, — сейчас придет с милиционерами твой отец, они заберут Федьку и повезут домой. Там его неустрашимый папа, Геннадий Савельич, поупирается с полчаса и расскажет, кому отдал мраморную голову. И мы сами ничего уже не сделаем. Но суть даже не в этом...

— А в чем? — спросила Витя.

— В том, что где сейчас Лохматый, неизвестно. Может, он уже чемоданы укладывает. А мы пойдем прямо к нему, и Жекете в глаза ему заявит, что все уже рассказал.

— Да Жекете его в глаза не видел!

— И хорошо! Зато мы его в глаза видели, этого... Пусть попробует не отдать! И еще...

— Что еще?

— Еще Федьку жалко, — Андрюха смутился, — хоть он и не очень-то приятный парень. И голову утащил. Но ведь он же сам пришел, у него же совесть заговорила! Запутался он! Ну представь — столько на человека сразу навалилось — с ума сойти! Как же он дальше жить-то будет? Если мы с его помощью голову принесем, совсем ведь другое дело!

...Пришел понурый Жекете.

Вместо крикливого, вихлястого, неприятного всем, глупо-задиристого мальчишки стоял печальный, задумчивый парень. И было в лице его что-то такое...

Витя никак не могла припомнить нужное слово. Прищелкнула пальцами: «Ну же! Ну!» — и наконец вспомнила. Перед ней стоял очень поумневший человек. Она еще не знала, может ли за считанные минуты, ну пусть часы (у него ведь несколько часов было, чтоб выкарабкаться из чулана), может ли так заметно поумнеть человек? Но за то, что Федька поумнел, она бы голову дала на отсечение. «А может быть, он всегда такой был, да мы не замечали? Может, он и кривляется оттого, что не замечали?» — подумала она.

Но на Андрюху новое обличье Жекете не произвело ровно никакого впечатления. Он только хмыкнул.

— Ребята, — прерывающимся голосом сказал Жекете, — ребята, вы... вы даже не представляете... — он махнул рукой, — да я... я... что угодно сделаю. Ведь батю за это... его ведь в тюрьму посадить могут. И вообще... Я же не вор, ребята! Честное слово! Мне нравится здесь работать! Да я...

— Ладно, — прервал его Андрей, — все ясно. Потом поговорим. Пошли.

Он быстро зашагал по крутому склону, потом побежал. Витя и Федька бросились вдогонку. Они бежали, потом переходили на шаг, отдышавшись, снова бежали. За два квартала от дома, где жил Лохматый, под раскидистой старой акацией они остановились.

— Отдохнем, — сказал Андрей, — разговор будет трудный, надо отдышаться.

Витя прислонилась к шершавому стволу дерева, подняла глаза. Акация тонко трепетала своими листочками. И глядя на эти нежные, полупрозрачные листочки (про них и не скажешь — листья), становилось понятно, зачем у этого дерева имеются еще и длинные, острые колючки.

К домику Аркадия Витальича (он же «Лохматый», он же «покровитель искусств») подошли незаметно, вдоль забора. Отворили калитку и, уже не скрываясь, вошли во двор, поднялись на резное крылечко.

Андрей громко постучал. Никто не ответил.

Ребята тревожно переглянулись.

Федька изо всех сил, так, что стекла в окнах задребезжали, грохнул кулаком. Дом молчал.

Отчаяние охватило Жекете, он вновь забарабанил кулаками, потом повернулся к двери спиной и несколько раз саданул в нее каблучками.

Ти-ши-на. Зловещая какая-то, будто притаился кто и не отворяет, подсматривает незаметно за ребятами.

— Неужели ушел, уехал, гад! — чуть не плача прошептал Федька.

Андрей молчал. Витя проследила за его взглядом и поняла, что тот смотрит на открытую форточку во втором от крыльца окне.

— Что ты! — испугалась она. — Этого нельзя!

Андрей понял, что Витя догадалась о его мыслях.

— Без богини мы отсюда не уйдем, — твердо заявил он. — Пусть это неправильно, пусть нельзя, но надо лезть в дом. Вряд ли Лохматый таскает нашу находку с собой. Он ее в доме где-то припрятал.

— Правильно! — тотчас отозвался Федька. — Надо залезть и взять. Он-то сам как ее получил? Обманом. Ведь выманил! Надо лезть в форточку!

— Ни ты, ни я в форточку не пролезем, — тихо проворчал Андрей.

— Ребята, — впервые Витя испугалась настоящего, — а вдруг там ничего нет, а он придет и застанет. Скажет — жулики!

— Не скажет, — усмехнулся Андрей. — Сам он жулик, а мы-то нет! Жулики — это когда для себя тащат и чужое. А мы — свое и для всех!

Витя покачала головой.

И все же она чувствовала — что-то они делают не так, как надо. Но теперь уже поздно было отступать.

И Витя отчаянно махнула рукой.

— А-а, будь что будет! Я залезу, потом открою окно. За мной влезет Андрей.

— А ты, Жекете, стой на улице. Как только подойдет к дому Аркадий Витальич — свисти два раза и попытайся его остановить. Ты его сразу узнаешь — он огромный и лохматый, и еще у него трубка в зубах.

— Как же я его остановлю? — с недоумением спросил Федька.

— Ты ему скажи: так, мол, и так, прислал

отец, Геннадий Савельич, срочно, сию минуту, зовет к себе. Понял?

— Понял, — Федька дернул подбородком.

Но было видно, что стоять на улице ему очень не хочется, а хочется быть со всеми.

— И молодец, что понял! — одобрил Андрей. — Давай-ка подсадим ее мне на плечи.

Он чуть пригнулся, отставил назад ногу.

С помощью Федьки Витя мигом оказалась у Андрея на плечах.

Хорошо еще, что пол был выстлан толстым пушистым ковром, он смягчил удар. Но и упав на ковер, Витя очень чувствительно ушибла плечо.

Сразу вскочила, не оглядываясь, рванула шпингалеты, распахнула окно.

Стремительно сиганул к ней Андрей, обернулся к Федьке.

— Давай на свой пост, живо! — приказал он.

Жекете нехотя, ворча, побрел на улицу.

Первым делом Витя и Андрей внимательно огляделись. Комната была просторна, мебели мало и расставлена она со вкусом, как показалось Вите. В такой комнате, наверное, приятно было жить.

В нее вели две двери. Одна была заперта, другая соединяла комнату с ванной.

В ванной у стены стояло несколько толстых потемневших досок, на внешней доске тускло мерцала позолота, еле угадывались чьи-то лица. Это были иконы.

В углу на стуле стоял пузатый саквояж.

Головы не было.

Снова зашли в комнату, внимательно огляделись. Андрюха раскрыл платяной шкаф, осторожно, стараясь ни к чему не прикасаться, осмотрел его — нету. Нет богини — и все тут.

Андрей вернулся в ванну, приподнял саквояж.

— Тяжеленный, — сказал он и расстегнул застежку-молнию.

Андрей развернул газету, Витя тихо ахнула.

Ничего похожего на голову античной богини. На ребят глядело страшное, грубо вылепленное из гипса лицо — разинутый рот, слепые белые глаза, вместо волос — толстые, взвивающиеся змеи.

— Медуза Горгона! — угадала Витя.

— Фу! Страшная-то какая!

— Она вообще-то и должна быть страшной, — сказала Витя, — все, кто на нее глядел, от ужаса превращались в камень.

— Ну мы-то не превратимся, — усмехнулся Андрей, — может, потому, что слишком она новенькая — вон гипс еще сыроватый, — он непочтительно колупнул ногтем нос Горгоны.

И в этот миг раздались два пронзительных свистка с улицы.

От неожиданности Андрей уронил Медузу Горгону на кафельный пол.

Раздался глухой удар, и страшная Горгона

расколослась, как скорлупа ореха, а под ней, как прекрасное ядро, открылось задумчивое, живое, неповторимое лицо античной богини.

— Вот она! — вскрикнул Андрей.

Витя опустила на колени, бережно взяла в руки мраморную голову, покрытую чем-то жирным, чем-то вроде вазелина.

«Это чтобы гипс не прилип», — успела подумать она.

И в тот же миг с треском распахнулась дверь. Ребята оглянулись.

В дверях стоял разъяренный Аркадий Витальич. Лицо его было багрово, волосы растрепались, здоровенные кулачищи медленно сжимались и разжимались.

— Ну что, гаденыши, пронюхали? — прохрипел он.

Втянув голову в плечи, целясь ею в живот Лохматого, метнулся вперед Андрей. И тут же от жесточайшего удара с грохотом полетел в угол, затих там.

Витя осторожно положила мраморную голову на стул, вытянулась в струнку.

— Вот так «покровитель искусств!» — звонко сказала она. — Вы просто подлец. И не очень-то расходитесь, сюда едет мой отец. И не один.

Аркадий Витальич вздрогнул, резко обернулся к ней, побледнел.

Витя чувствовала, что лицо ее горит, кровь дробными молоточками стучала в висках:

— Он скоро будет здесь.

— Нет уж, дудки, ждать я, простите, мадам, узель, не могу, — сквозь зубы проговорил Аркадий Витальич.

Он схватил доски икон, вынес их в комнату.

Витя прижала к груди голову богини.

— Не отдам! — крикнула она.

Но «покровитель искусств» молча рванул богиню, сильно оттолкнул Витю, и та полетела прямо на Андрея. Андрей стонал.

— Посидите тут. Некогда мне с вами возиться!

И Аркадий Витальич вышел из ванной.

Витя тут же вскочила, с разбега бросилась на захлопнутую им дверь. Бесполезно.

Поднялся, покачиваясь, Андрюха, под глазом его растекался здоровенный фиолетовый синяк.

— Вот и добыли голову сами, — горько прошептал он.

И тут они услышали голос Федьки.

Тот вопил во всю мочь.

— Здесь он! Здесь, собака! И ребята там, Константин Николаич!

В комнате что-то загрохотало, резко хлопнула какая-то дверь и буквально через минуту затряслась другая — в ванную. Витин отец так рванул ее, что чуть с петель не сорвал.

Он бросился к ребятам, ощупал их, и тут впервые Витя увидела у своего отца смертельно перепуганные глаза. За его спиной маячил внешне спокойный, собранный Станислав Сергееч.

— Где этот тип? — спросил он Андрюху.

— Убежал, через эту дверь, наверное, — Андрюха показал на вторую дверь в комнате. В распахнутое настежь окно влезли два милиционера, за ними Жекете.

На полу лежали упавшие иконы, на столе — прекрасная голова античной богини.

Видно, «покровитель искусств» решил, что собственная шкура дороже.

— А ведь я вспомнил его, — сказал Витин отец. — Он сильно постарел, но еще на вокзале показался мне знакомым.

— Капитан, — обратился Станислав Серге-

ич к одному из милиционеров, — надо перекрыть все выходы из города. Здесь орудовал старый рецидивист. Мы его знаем. С сорок шестого года. Я с Геннадием Савельичем разговаривал, он и напомнил.

— Сделаем, — деловито сказал капитан и исчез вместе с напарником. С ними исчез и Станислав Сергеич.

— Что ж ты не задержал Лохматого? — спросил Андрюха у Жекете.

Федька нахмурился.

— Он на такси приехал и сразу увидел раскрытое окно. Я только свистнуть успел. Он и дверь отпирать не стал, в окно прыгнул. А я домой со всех ног. Я уже знал, где сейчас Константин Николаич. Вот привел...

— Вовремя, — серьезно ответил Андрей.

— Ты просто молодец, Федька, ты умница, — Витя обнял Жекете за плечи, тот болезненно поморщился. — Что, больно? Извини.

— Какая там боль! — отозвался Федька и прошептал: — Батя вот... как с батей будет — не знаю... Только нам с ним вместе не жить.

Несколько дней спустя на желтом песке пляжа под яростным солнцем лежали трое: Витя, Андрей и Жекете. Экспедиция сворачивалась: снят был насос, уложены акваланги, тщательно упакованы находки. Экспедиция ехала к новому морю, открывать легендарную страну — Диоскурию.

Витя была счастлива — она ехала к маме.

Счастлив был и Андрюха — он ехал вместе с Витей и остальными участниками экспедиции. А через две недели туда обещали приехать его родители.

Ну как тут не улыбаться!

Грустил только один Жекете.

Но это не мешало улыбаться Вите и Андрюхе, потому что они знали тайну.

— Ты чего это нос повесил, Федька, — сказал Андрей, — ты гляди, как вокруг здорово — море зеленое, небо синее, обрывы рыжие. Красота!

— Дурак ты, хоть и умный, — вяло ответил Федька, — и море мутное, и небо белесое, и обрывы осыпаются. С чего это мне веселиться? Вы уедете, а мне куда? Общежитие надо искать или комнату. И на работу устраиваться, а я к вам привык, мне у вас нравилось.

Витя и Андрей прыснули.

— Сказать ему, Андрюха? — спросила Витя.

— Не стоило бы, раз у него море мутное и небо белесое, и вообще. Ну, да ладно, скажи! — величаво разрешил Андрюха и почесал загорелый дочерна живот.

— Ты же с нами едешь, Жекете! Вчера папа сказал! — выпалила Витя.

Федька подпрыгнул, будто на него капнули расплавленным варом. Не знал еще — верить или нет, уставился на приятелей, внимательно заглянул им в глаза.

И сразу понял, что они не шутят — такие у них были глаза и такое важное это было дело.

Федька завопил на весь пляж и принялся отплясывать непонятный танец. Потом он попытался сделать сальто, нелепо вскинул длинные тощие ноги и шлепнулся задом о песок. И сам первый захохотал над своей неловкостью.

Хохотали все трое, кувыркались, возились, поднимая тучи песка. Со стороны могло показаться, что они с ума посходили, но просто в них бродили нерастратенные силы, и радость, и счастье, и расплавленное солнце в крови.

Впереди было новое прекрасное море, новые люди, новая, полная приключений жизнь.

Летом пионеры охотно работают на совхозном поле, помогают своим шефам

Оформление А. Курушина

...Растут жилые кварталы, заводы, стадионы, парки и скверы по всей Эстонии. На трудовой вахте и эстонские пионеры. В авангарде пионерских дружин страны они встретили XXV съезд КПСС. Трудовыми подарками отмечена работа пионеров на Марше под девизом «Берем с коммунистов пример!».

Рассказывает Юло Тикк, заместитель Председателя Эстонского Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина:

— Вот уже несколько лет наши пионеры несут трудовую вахту под девизом «ОТ ПИОНЕРОВ — РОДИНЕ!»

В апреле и сентябре в пионерских дружинах Эстонии обычно проводятся трудовые недели. В это время пионеры и комсомольцы после занятий приходят на свои объекты Пионерстроя, встречаются с шефами, подводят итоги, намечают планы. Работы ребятам хватает! И сделано уже немало: идет строительство Дворца пионеров. Пионерская дружина 4-й таллинской школы обратилась с призывом ко всем пионерам Эстонии принять участие в стройке. Хорошо откликнулись юные граждане нашей республики: под руковод-

Вырусское школьное лесничество—одно из лучших в Эстонии. О лесных обитателях ребята позаботились заранее

ством строителей быстро прошли практику, а потом уже — кто подсобные работы выполнял, а кто и малярные, штукатурные...

В республике много школьных лесничеств. Даже зимой можно увидеть в лесу ребят в зеленых фуражках, они ведут подкормку животных. Среди лучших — лесничества Первой Вырусской школы и восьмилетней Крабийской этого же района.

Крепнут связи школ нашей республики с совхозами. За

прошлом лето на полях совхоза, соседнего с пионерлагерем имени Тимофея Ромашкина в Вяэна-Йыэсуу, каждый пионер отработал более 20 часов. Десятки килограммов лекарственных трав собрали и высушили, а потом сдали аптечному управлению эти ребята.

Прочная дружба у пионеров Рануской восьмилетней школы с рабочими совхоза имени В. И. Ленина.

Пионеры 46-й таллинской средней школы четвертый год вместе с командиром отряда — преподавателем Ако Рауд работают в совхозе «Койду» Хаапсалуского района. Летом 1975 года эта пионерская дружина ездила на республиканский слет в Ярвеотса.

Фото А. Раммо и Х. Ханкевича

БАРАБАН

ЖУРНАЛ ЮНКОВО

Алый бант, шахтерская наска и книга-эстафета

Алый бант под пионерский значок прикрепляется лучшим активистам школы № 1 города Краснодона, в ней учились комсомольцы-герои «Молодой гвардии».

Пионерская дружина свято хранит память о земляках.

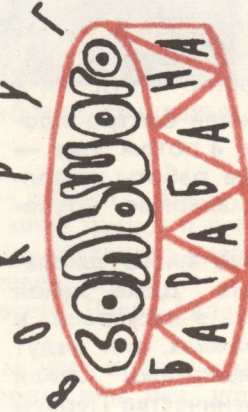
Все пионерские отряды заключили договор о социалистическом соревновании с бригадами коммунистического труда. Каждый месяц отчитываются на совете бригады в успеваемости и трудовых делах, общественной работе и спорте.

Лучший пионерский отряд награждается переходящим призом — шахтерской каской Героя Социалистического Труда А. В. Колесникова. XXV съезду Коммунистической партии пионеры посвятили двадцать пять трудовых дел.

Главные дела отряда записывали в книгу-эстафету «РАСТЕМ КОММУНИСТАМИ-ЛЕНИНЦАМИ» — пионерский рапорт партийному съезду.

Оформление Л. Каминского

Вокруг Большого Барабана происходит разговор, затеянный Ирой Носовой [смотри «Барабан» № 1 «Как исправить ошибку»].

Это письмо горячо обсуждалось в 6 «а» классе 337-й школы Невского района Ленинграда. Вот что говорили ребята:

Миша Коршунов. Эти мальчишки неспроста в побег собрались. Им скучно, вот они и выдумывают всякую чепуху. Им заняться нечем. Нужно, чтобы человек был занят. У нас в классе все ребята ходят в кружки, в секции, а то и в два кружка сразу.

Игорь Данков. Класс у них недружный. Как это так — собрались бежать, а никто в классе не знает! С ребятами не советовались! Им бы объяснить хоть кто-нибудь, что на БАМе от них никакой пользы не будет. Только бы другим мешали! Там специалисты нужны, а не дети.

Сидорова Катя. Я про Иру Носову думаю. Получилось, что она чужой разговор подслушала! Уж если получилось так, нечаянно, так надо было сначала с мальчишками поговорить... признать им, что она в курсе дела.

Вадим Гвоздев. Вот именно поговорить! А у нас-то в классе вы с нами, мальчишками, много разговариваете? У нас все накружки девчонки себе забирают, а потом говорят — мальчишки ничего не делают, неактивные пионеры.

Юля Мирониченко. Можно и отсюда БАМу помогать! Мы вот операцию проводим: «Пионерские рельсы — БАМу». Книжки на БАМ рельсам посылали.

Игорь Данков. Да не только на БАМ, мы и во Вьетнам, в ДРВ, посылки посылали. Можно и в глухой деревне жить, а в курсе всех мировых событий быть. И жить активно. А вот интересно, шефы у этого класса есть? Это же Магнитогорск — там же рабочих полно, настоящих!

ИДЕМ ПИОНЕРСКИМ МАРШЕМ

[Рассказывают пионеры 95-й школы Ленинграда]

В марше «Берем с коммунистов пример!» участвуют ребята из детских организаций других стран. Наша пионерская дружина школы № 95 дружит с польскими пионерами из города Гданьска. Мы давно переписываемся, были друг у друга в гостях. У нас проходят заочные соревнования, например по маршруту «Сильные, смелые, ловкие». Вот как мы подружились: у нас в школе есть музей имени Героя Советского Союза И. Н. Маркеева, он погиб в Польше. Школа, с которой мы дружим, носит имя героя.

Что нового найдем о жизни И. Н. Маркеева, — сразу сообщаем польским друзьям. Они поступают так же.

В ходе следопытского поиска и друг о друге стали больше знать. Поляки уже два раза приезжали к нам, и наши ребята из совета музея тоже были в Польше.

Андрей Каратецкий, 8-й класс

ЗА НАШУ И ВАШУ СВОБОДУ! — так когда-то польские революционеры говорили, а потом и наши, советские солдаты, когда Польшу от фашистов освобождали. Майор Иван Маркеев погиб под Гданьском, спасая город.

...Иван Маркеев возвращался из разведки. С крутого берега он заметил высадку десанта, начал из пистолета стрелять. Хотел подать знак нашим, чтобы заметили и пришли на подмогу. Подмога не шла. Когда он расстрелял все патроны, то последний пустил в бензобак и на горящем самолете ринулся в скопление цистерн с горючим. Был страшный взрыв. Десант не удался.

Алеша Еремин, 4-й класс

ВЕСТИ С ПИОНЕРСКИХ МАРШРУТОВ

Смена караула

Обычно Восьмого марта мы принимаем гостей. Та-кая у нас в школе традиция.

Если бы вы пришли к нам, то увидели бы — везде висят флажки, гирлянды и плакаты. Очень празднично! Около учительской — фотостенд; портреты наших лучших мам, ударников коммунистического труда.

После торжественной линейки мы вместе с мамами расходимся по своим классам. Каждая мама сидит за парты своего сына или дочери.

Саша Гуляев,
6-й класс,
Свердловская обл.,
город Кушва

Одно время у нас в селе к магазину было не пройти. Была возле него промоина. Через нее перебрались мостик, но он быстро обветшал. Сельские плотники взялись ремонтировать. А Вася Алказ предложил им нашу помощь. Мы вооружились лопатами, молотками

Школьный хор

Во многих городах есть посты, где пионеры стоят в карауле у Вечно-го огня. Шестьдесят лучших ребят нашей школы по очереди несут вахту на Посту № 1. У нас памятник поставлен в память борцов, освобождавших Красноярск от колачаковцев. Здесь зимой и летом, в любую погоду, стоят ребята на посту. И в любое время года у памятника живые цветы.

Таня Рыкова,
7-й класс,
город Красноярск

и гвоздями. Всем хватило работы: ямы для столов копали, доски со склада подносили, бревна обтесывали. Теперь возле магазина — новый мостик. А чтобы промоина не стала оврагом, мы обсадили ее деревьями и кустами.

Тамира Георгие,
7-й класс,
Молдавская ССР, село Четырени

Каждую весну у нас проходит операция «Зеленые веточки». Мы собираем березовые почки для аптеки. Собирать нужно, пока не распустились листья.

Наша школа сдала в аптеку 20 килограммов лекарственного сырья. Наш класс собрал почек больше всех.

Оля Аюкина,
6-й класс,
Кемеровская обл.,
зерносовхоз «Красненский»

В нашем селе все знают хор казачат. Казачата — ученики Антиповской восьмилетней школы. Они поют старинные казачьи песни, читают стихи, посвященные Дону. Под песню «Как за Доном, за рекой» исполняют казачий пляс.

Колхозники готовятся к посевной, а мы репетируем программу для выступления на полях станах, в степи.

Вера Кухтина,
7-й класс,
Ростовская обл.,
хутор Антиповский

Мы дружим с польскими красными следопы-тами. Они ухаживают за могилами воинов, по-гибших на территории Польши. У польских хар-церов много таких же дел, как у нас. Есть поль-ская «Зарница», есть спортивные состязания, вро-де нашего ГТО. Чтобы перейти из одной группы харцеров в другую, нужно пройти разные испы-тания. А групп таких три: зухи — это как наши октябрята, старшие харцеры и младшие харце-ры. В польской пионерской организации состоят ребята с 8 до 16 лет.

Марина Артемова, 8-й класс

Гданьск—Ленинград — города побратимы, Связаны дружбой крепчайшей навек.

Узы той дружбы навек нерушимы.

Чисты, как белый наш северный снег.

Гданьск—Ленинград — города побратимы,

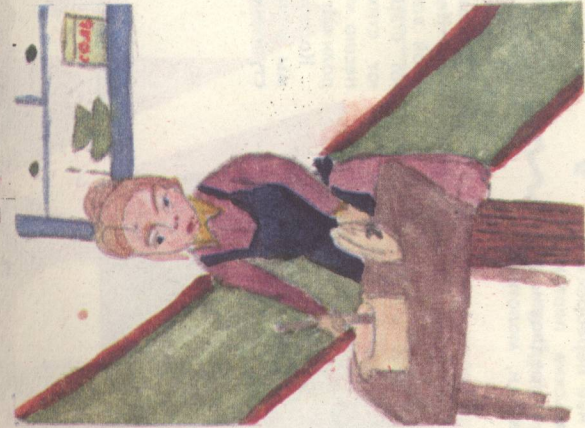
Рады гостям мы из вашей страны!

Таня Раевская, 5-й класс

Мы в гостях у харцеров (Варшава)

Живи, книга!

Я очень люблю книги. И не только новые, знакомые, а и старые, те, к которым привыкла. Когда был жив папа, он всегда следил за тем, что мы читаем. Покупал нам книги, выписывал газеты и журналы. У нас дома своя библиотека. Целый шкаф. Книг у нас много, разных.

Родители многих моих друзей дарят им в торжественных случаях вещи. А наш папа дарил книги. Они у меня все целы. Они для меня самая дорогая память об отце.

*Айгуль Валиева
6-й класс,
Алма-Атинская обл.,
село Аксенгер*

Пионеры нашей школы вызвали октябрят на соревнование: «Больше учебников чистых! Меньше с пятном неопрятным!»

В третьем классе, где я октябрятская вожатая, все ребята сразу подтянулись. Я даже сначала не поняла, почему. Оказывается, они вызов приняли, и у них идет проверка не только учебников, но и внешнего вида.

*Галя Щеткинна,
6-й класс,
Ленинградская обл.,
город Гатчина*

Завя́тная страница

Фомич больше всего про гражданскую любит рассказывать. Может, потому, что он тогда молодой был, а может, потому, что служил у самого Котовского.

Мне вот такая история особенно запомнилась.

МАРУСЯ-ПУЛЕМЕТЧИЦА

Была в полку пулеметчица — Марусей звали. Еще она стирала и штопала — на весь полк! Все успевала. От работы у нее и сила была богатырская.

За силу ее даже красноармейцы побаивались.

Пошла она один раз лесом, просто так, на прогулку, а навстречу два петлюровца.

Петлюровцы увидели, женщина идет, и решили подойти к ней. Подошли.

А она взяла их за шиворот и стукнула лоб об лоб. Они и сознание потеряли. Маруся связала им руки назад и привела в полк. Все удивлялись, а больше всех — петлюровцы. Напуганные. Офицер да еще денщик его.

*Витя Григорьев,
4-й класс,
157-я школа, Ленинград*

Скоро снег убежит ручьями,
Почки рвут кожуру упрямо,
Обнимает землю лучами
Солнце ласковое, как мама.

*Таня Гаенко,
473-я школа, 7-й класс,
Ленинград*

МАМЫ РАЗНЫЕ НУЖНЫ, МАМЫ РАЗНЫЕ ВАЖНЫ
Рисунки Гали Рыбаковой, 13 лет,
Карагандинская обл., город Сарань

ПРО ИЛЬЮ И ЕГО СЕМЬЮ

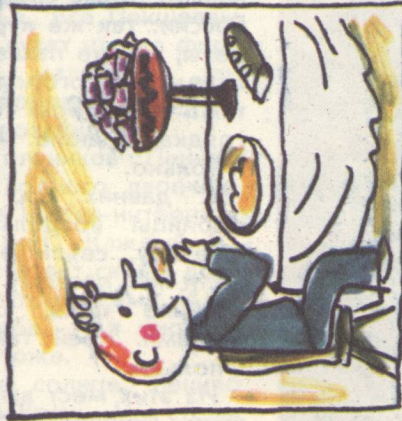
Историю в картинках сочинила Галя Демьяненко
из станции Ново-Деревяниновской Краснодарского края

Вот какую частушку я написала к
Восьмому марта:

Как Восьмого утром рано
Подскочил Семен с дивана.
Он такой испек пирог —
Даже Марсик есть не мог.

Таня Лучкина,
Ростовская обл.,
село Песчанокоское

1. ДОМА СЪЕЛ ИЛЬЯ
ОМЛЕТ
И ДЕСЯТКА ДВА КОНФЕТ

2. НАД ЗАДАЧЕЙ ДЕД
ПОТЕЛ,
А ИЛЬЯ КИНО СМОТРЕЛ

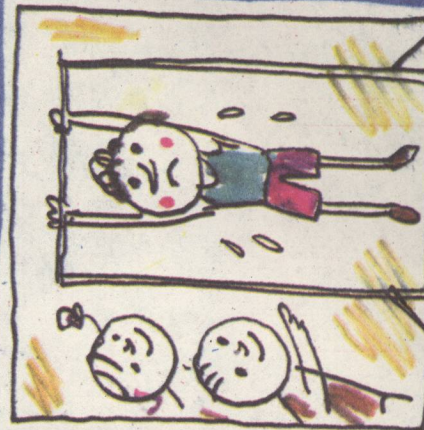
3. ЗАКРЫВАЙ, ИЛЬЮША
ГЛАЗКИ,
БАБУШКА РАССКАЖЕТ
СКАЗКИ

4. СОБРАЛАСЯ ВСЯ
СЕМЬЯ:
— ВСТАНЬ, ПОЖАЛУЙСТА,
ИЛЬЯ!

5. ПАПА С МАМОЮ
СПЕШИЛИ
И В ПОРТФЕЛЬ ВСЁ
УЛОЖИЛИ

6. ФИЗКУЛЬТУРА —
ПЕРВЫЙ ЧАС.
ИНВАЛИД ИЛЬЯ
У НАС!..

Александр Пекшеев рассказывает о поездке в Ленинград

ПЕКШЕЕВЫ ИЗ МАРИ-ВАСЬКОВА

На строительстве колхозного гаража

И спокон веку считали Вятский край северным и холодно-неприступным. На севере Кировской области так и есть, но здесь, на юге, в центре Вятского Ополя, все напоминает более среднюю полосу России: так же кудрявятся березы, так же пахнет укропом и луком из огородов. Да что там! Помидоры созревают на грядках в июле. Астрахань да и только.

С давних пор русские и марийцы возделывали здесь пшеницу, сеяли рожь, конечно, и лен, поэтому кругом бескрайние поля, окаймленные рощами. Край так и зовется Ополем.

Из этих мест вышли художники Шишкин, Рылов здесь когда-то жил Петр Ильич Чайковский; в Уржуме — а это совсем недалеко от Яранска — родился Сергей Костриков — Сергей Миронович Киров. Потом, через годы, мы узнаем об этом по таким вроде бы простым словам — «Кировский», «Кировские», город Киров, имени Кирова...

Мари-Васьково — деревенька в сорок дворов. Мари-Васьково — это Пекшеевы. Дед Пекшеев, бабушка Пекшеева, внуки Пекшеевы. Есть еще Костерины. Но их мало. И все

равно они родственники Пекшеевых.

В Яранской школе-интернате Пекшеевых шестнадцать. С четвертого по десятый класс встретите эту фамилию. Заместитель секретаря комитета ВЛКСМ — Галя Пекшеева. Два редактора школьной стенгазеты семиклассница и восьмиклассница — обе Гали — Пекшеевы. Пятиклассница Юля Пекшеева — круглая отличница. Женя, Поля и Люда — звеньевые. Сергей и Сима — художники, участники всесоюзных выставок. Анисим — трудолюб и человек душевный. Все старики в деревне уверены: поможет и дров наколоть, и воды наносить! Один пятиклассник — Вадим Пекшеев — просто пионер. Старается! Подвести Пекшеевых — это не шутка!

В колхозе «Искра» Пекшеевых почитают. А как же! Сенокос — все младшие Пекшеевы здесь. А на фермах? Опять Пекшеевы. Этим летом Юля, шестиклассница уже, помогала матери в дойке десяти коров. Ну и на сенокосе поработала. 70 рублей получила — помощь семье. Все Пекшеевы работают на лугах или на фермах. Кстати, мальчишки так ловко доят коров, что взрослые доярки позавидуют!

Среди школьников Пекшеевых нет ни одного двоечника. Правда, в школе-интернате их вообще нет. Каждый из Пекшеевых считает своим долгом помочь отстающему. И не только в учебе. И в пионерской жизни тоже.

...На улице солнце. Лениво петляет река Ярань. Мы стоим на берегу и беседуем с ребятами о школе, о делах, о деревне, где они живут.

Шестнадцать Пекшеевых говорят словно в один голос:

— Что там и говорить! Лучше нашей деревни Мари-Васьково не найдешь. Лес — да еще какой! Вы когда-нибудь настоящие рыжики ели? Чу, что вы! Настоящие — это вятские. Или — речка, а в ней язи. Здоровенные! А когда сенокос — дух сennyй до неба достает...

Дежурит по интернату Сергей Пекшеев

И. СЕРГИЧ

Зина и Галя Пекшеевы на опытном пришкольном участке

НАШ ПЕТУХ

РАССКАЗ

Нина КАТЕРЛИ

Рисунок И. Харкевича

Я хорошо помню тот день, когда мы с Колькой решили купить корову. Мы были одни в нашей квартире при госпитале — дед дежурил на отделении, тетю Нюсю, Колькину маму, вызвали на консультацию в районную больницу.

Мы сидели на кухне за обеденным столом и писали в Ленинград моей маме. Вернее, писал Колька.

«Привет защитникам Ленинграда из глубокого тыла!

Дорогая тетя Леля! Наша жизнь не плохая и

не хорошая, а средняя. Мама с дедом каждый день оперируют в госпитале, раненых сейчас много.

...Тетя Леля, — писал Колька дальше, — деньги по аттестату мы получили, и нам с Нинкой мама устроила бал. Было по две лепешки и по полватрушки с картошкой. А еще нам купили молока, и мы его выпили за тех, кто разгромил фрицев под Сталинградом. Смерть немецким оккупантам! Враг будет разбит, победа будет за нами!»

Кончив писать, мы проверили ошибки, положили письмо в конверт, и Колька вывел на нем номер полевой почты.

— Есть охота, — сказала я, вспомнив про бал с картофельной ватрушкой.

Есть хотелось всегда: утром, после завтрака, когда мы ввалили деду, что сыты, потому что иначе он отдал бы нам свою порцию, перед обедом, после обеда и даже во сне. Мне постоянно снился один и тот же сон: большое довоенное пирожное с розой из крема. Попробовать его мне ни разу не удалось, я всегда просыпалась раньше, чем успевала откусить.

— Есть охота, — повторила я. Колька вздохнул и задумался.

— Корова — вот кто нам нужен! — заявил он через минуту. — Тогда не надо никакой еды. Будем пить молоко — утром стакан, на обед — стакан...

— Два! — сказала я.

— Ну, два. И на ужин по стакану. А от коровы можно надоить два ведра в день, я точно знаю, Алька Сидоров в школе говорил.

— Вот здорово! — обрадовалась я. — У нас еще оставаться будет, мы...

— Мы будем в госпиталь ходить и раненых поить, — строго сказал Колька.

— А чем мы ее будем кормить?

— Корову-то? Коров никто не кормит, они сами пасутся. А на зиму мы сена насушим, травы везде полно... Вот только дорогие они, коровы, Алька Сидоров говорил.

— Ничего. Мы денег накопим. Всю зиму будем копить.

Копить деньги мы начали немедленно. Колька склеил из картона большую коробку и прорезал в ней щель. В щель мы опустили двадцать копеек.

Неделя шла за неделей. Деньги в копилке прибавлялись медленно, а коровы дорожали прямо на глазах. Цены на них Кольке сообщал Алька Сидоров.

В апреле мы решили покупать козу.

— Козы гораздо лучше, — сказал Колька, — они меньше едят, а молоко у них гораздо полезнее. Если бы Тимофееву из пятой палаты каждый день давать козье молоко, у него легкие давно бы поправились. Сама Анфиса сказала.

Анфиса была дедова операционная сестра, она приходила к нам каждый вечер и рассказывала все госпитальные новости.

— Давай вытаскивай деньги из копилки и купим молока Тимофееву, — сказала я.

— Не поможет, — покачал головой Колька, — Анфиса говорит — надо каждый день в течение месяца. И еще ему надо пить сырые яйца.

— Тогда купим курицу.

— Правильно, ребята, — сказала нам тетя Нюся, — давайте купим курицу. Я добавлю вам денег, пойдем на базар и купим. А пока готовьте вашей курице дом. Вы подумали, где она у вас будет жить?

Корову и козу мы собирались держать дома, в коридоре, но курицы, сказала тетя Нюся, любят прохладу и свежий воздух. Мы решили поселить нашу курицу в деревянном сарае, где жили соседские куры и где летом у нас с Колькой был штаб. В тот же вечер мы начали оборудовать сарай: к стене Колька прибил ящик от посылки — будущее «гнездо». На дно ящика мы положили старый вязаный шарф, для тепла.

В тот день операций в госпитале не было, и тетя Нюся вернулась рано. Она надела свой единственный парадный костюм и розовую кофту. Мы с Колькой тоже нарядились — я в довоенную матроску, Колька — в бархатную курточку, рукава которой были ему так коротки, что голые руки торчали почти до локтей.

Над рынком стоял гул. Все прилавки были заняты, и те, кому не хватало места, разложили свои товары прямо на земле. Тут продавалось все — лаковые туфли, шляпы, страусовые перья, пожелтевшие кружева со сказочным названием «валансьен», портрет Тургенева в дубовой раме. И продукты — молоко, картофельные пироги, лепешки.

У продуктового ряда мы не останавливались — здесь все стоило слишком дорого. Мы прошли в конец рынка и под хрюканье поросят и блеяние коз выбрали себе курицу. Курица была очень красивая — черная, с большим оранжевым гребнем.

— Круглый год несется, — сказала про нее хозяйка, торопливо пряча деньги за пазуху.

Мы несли нашу курицу домой в клеенчатой сумке, Колька за одну ручку, я — за другую. Дома мы сразу принялись ее кормить: мою обеденную порцию каши разделили пополам, а Колькину отнесли в сарай. Курица сидела в «гнезде» и дремала.

На другой день ни свет ни заря мы уже были в сарае. Яиц в гнезде не оказалось, но поела курица с аппетитом, и мы вынесли ее в сад, где она сейчас же разрыла клумбу...

Курица не неслась. «Гнездо» оставалось пустым и назавтра, и через неделю, и через месяц. Прошло лето. Давно выписался и уехал на фронт Тимофеев из пятой палаты, поправились и наши друзья-танкисты. Мы с Колькой провожали их на вокзал и во весь голос пели про любимый город и новую песню «Темная ночь».

В начале осени наша курица запела.

— Батюшки! Так это же петух у вас! — сказала Анфиса. — Эх, вы! Городские! Посмотрите — гребень-то какой! Разве ж у кур бывает такой гребень?!

Колька заболел воспалением легких. Он лежал в постели, обвязанный шерстяным платком, и бредил:

— Ор-рудия! Наводи! Право руля! По фашистским гадам! Бе-ей!

Потом он начинал бормотать что-то невнятное, кашлял и задыхался.

Целую неделю у Кольки была высокая температура. Тетя Нюся ставила ему банки и горчичники, а дед делал уколы. Тете Нюсе он не доверял:

— Стыдно, — ворчал он, — посмотри на себя: хирург, а руки трясутся, как у истеричной дамочки... Да я понимаю, что сын...

Колька терпел и банки, и уколы. Он ни разу не пожаловался, и, наверное, поэтому температура сдалась и упала. Теперь Колька не бредил, зато сделался вдруг ужасно худым и серым, а голос у него стал тихим и тоненьким, как у девчонки.

— Кормить его надо, а то — кожа да кости, — вздыхала Анфиса.

Однажды утром я пришла в сарай и увидела, что курицы там нет. Я бросилась на поиски. Искала в саду, во дворе за поленницей, в огороде. Курица исчезла.

Когда вся зареванная я прибежала домой, Колька лежал, с головой закрывшись одеялом.

— Курицы нету! — закричала я с порога.

Колька не ответил, и тогда я села ему в ноги и стала реветь. Я редела нарочно громко, чтобы он услышал и проснулся.

— Перестань, — вдруг сказал Колька из-под одеяла.

— Она пропала...

— Она улетела, — сказал Колька, — сейчас осень, и она улетела... в теплые края.

— Курицы не летают.

— Некоторые летают. Ясно? И реветь тут совершенно нечего!

Обед в этот день почему-то был у нас праздничный, совсем как до войны — бульон и котлеты. Я съела полную тарелку, Колька — тоже, только он ни с кем не разговаривал и глаза у него были красные.

— Эх-ма! — дед вдруг махнул рукой и вышел из-за стола, грохнув табуреткой.

Колька отвернулся к стене, а я подумала, что у него, наверное, опять поднялась температура и он бредит.

А через два дня я писала маме:

«Дорогая, милая мамочка! Как ты думаешь — горе или радость? Радость! Дед принес нам с Колей маленького котеночка, он черный с белым треугольником на животе. Его зовут Кузьма. Скоро война кончится, все станет мирному, я вернусь в Ленинград и привезу с собой Кузю. Так что ты, мамочка, не заводи, пожалуйста, кота. Коля поправляется, потому что ему дали куриного супа. Я думаю, что нашу курицу зарезали, а Колька говорит, что она улетела в теплые края. Только я уже не маленькая и знаю, что курицы летать не умеют. Даже петухи и те не умеют. Курицу ужасно жалко, но зато дед сказал, что теперь Колька обязательно выздоровеет... А Коля говорит, что как встанет, так сразу пойдет в военкомат и попросится на фронт к партизанам. Но это секрет. Целую тебя тысячу раз. Твоя дочь.

Смерть Гитлеру!»

Олег ГРИГОРЬЕВ

КОМУ ЧТО

Весь день Петров
На верстаке
Строгал брусок
Рубанком.
А Кадыков
Невдалеке
Пинал ногой
Жестянку.
Петров пилил,
Сверлил,
Строгал,
Дробил,
Долбил,
Соединял
И смастерил

Скворечник
Из струганых
Дошечек.
А Кадыков
Стучал,
Бренчал,
Пылил,
Долбил,
Дробил,
Пинал
Жестянки,
Банки,
Кринки
И разорвал
Ботинки.

КАЧАЛКА

Пять лет назад,
 Пять лет назад,
 Когда мне было пять,
 Я покачался на коне
 И вот хочу опять.
 Сажусь на старого коня,
 Но конь стал что-то мал.
 Пять лет назад,
 Пять лет назад
 Я ног не подгибал.
 Садовник с лейкой и совком
 Меня прогнал с коня,
 А вот пять лет тому назад
 Никто не гнал меня.
 Всего пять лет!
 Всего пять лет!
 Так грустно стало мне.
 Не покачаться никогда
 Теперь уж на коне.

КТО ПРАВ?

Сегодня Клоков
 дежурный у нас.
 Кто не мылся,
 не пустит в класс.
 Коля Сизов,
 его старый друг,
 Чтоб друга проверить,
 не вымыл рук.
 — Пока не помоешь, —
 сказал ему Клоков, —
 Не допущу тебя
 до уроков!
 — Что ты?
 Да мы же друзья!
 С друзьями ведь
 так нельзя!
 — А разве такими руками
 Здороваться можно
 с друзьями?

ПОРТФЕЛЬ

Давно пора сменить портфель,
 Замок грозит сорваться,
 Дыра на дне, на крышке щель,
 Да жалко расставаться.
 Мечом он был мне и щитом
 В отчаяннейших схватках,
 Несет учебники с трудом
 Весь в шрамах и заплатках.
 Он был в походе вещь-мешком
 И штангою в футболе,
 Подушкой, санками, зонтом,
 И просто сумкой в школе.
 Он улетал и вверху, и вдаль,
 Был креслом мне порою.
 Я прикрепил ему медаль,
 Как старому герою.

И вот он раненый теперь
 Грозит совсем порваться.
 Давно пора сменить портфель,
 Да как-то жаль расстаться.

Мастер-наставник будущих грибоводов Антонина Николаевна Евдокимова со своей группой

УЧУСЬ НА ГРИБОВОДА!

— Что же главное в характеристике грибов?

И двадцать семь человек задумываются.

Что это — урок ботаники в школе? Нет, идет разбор работ по микологии.

В сельскохозяйственном техническом училище № 11 города Павловска Ленинградской области готовят специалистов редкой профессии — грибоводов. Уже построены теплицы для выращивания грибов — шампиньонницы. Фирма «Лето» ждет молодых специалистов...

Наш корреспондент познакомился с мастером-наставником группы грибоводов Антониной Николаевной Евдокимовой, ударником коммунистического труда, овощеводом фирмы «Лето», заочницей сельскохозяйственного института.

Вот что говорят будущие грибоводы:

ЛАРИСА КОЛЕСНИКОВА:

— Учусь на грибовода. Каждую неделю наша группа ездит на практику в шампиньонницу фирмы «Лето». Вначале мне было трудно — возиться с землей, составлять питательную смесь для грибов.

Но именно здесь, в училище, мы поняли, что и от нас будет зависеть здоровье многомиллионного города.

ЛЮДА ДОРЕНИНА:

— Изучаем микологию, науку о выращивании грибов в

Лариса Колесникова

теплицах. Пока — шампиньонов, а со временем, наверное, белые научимся разводить.

Просто при первом самостоятельном шаге важны не наставления, а кто с тобой рядом. Антонина Николаевна у нас, по-школьному говоря, классный руководитель. Человек она собранный, обязательный. Рядом с ней чувствуешь себя увереннее. Видишь, как много она успевает: и в сельхозинституте, и с нами целые дни вместе — и на занятиях, и на практике.

Люда Доронина

АЛЬБИНА АРТЮШКИНА:

— На первых порах трудностей было много. Ведь специальность грибовода — совсем новая. Признаться, раньше мы и не слышали о промышленном выращивании грибов. Выращивать грибы всю зиму для такого большого рабочего города — полезная работа!

Всем нашим преподавате-

Альбина Артюшкина

лям мы обязаны тем, что входим в мир вооруженные умением трудиться, интересом к своей будущей профессии.

ГАЛЯ СЯМИЧЕВА:

— Сама удивляюсь, когда успела полюбить училище?

Скоро расставаться, а жаль. Все мне здесь нравится. Училище просто родным домом для нас стало.

Пришло ощущение, что ты нужна людям, твой труд нужен.

А ведь сначала были неудачи: я не смогла поступить в университет...

Галя Сямичева

Теперь все стало на свои места: любовь к биологии помогает мне. А неизвестное, новое всегда заманчиво. Ведь состоялся только один выпуск нашего училища. Этой весной — второй.

В группе у нас подобралась отличная девчонка. Приехали из разных мест страны. По нашему классному журналу можно географию изучать: есть из Сибири, с Урала, из Подмоскovie, Поволжья.

Наш мастер-наставник сразу вызвала к себе расположение. Мы во всем доверяем ей, а это так важно в жизни! На работе Антонина Николаевна очень строгая. Но это и правильно. Зато мы видим, какая она заботливая, внимательная, как готова поддержать в трудную минуту.

САША УСТИНОВА:

— И я серьезно увлеклась своей будущей профессией!

А ведь как было — колебалась я вначале — поступать или нет. Моя старшая сестра Катя после десятилетки пошла работать на «Электросилу». К Катиному мнению я всегда прислушиваюсь. Катя одобрила мое решение, когда узнала, какое полезное городу дело ждет нас, овощеводов и грибоводов. Свежие овощи круглый год!

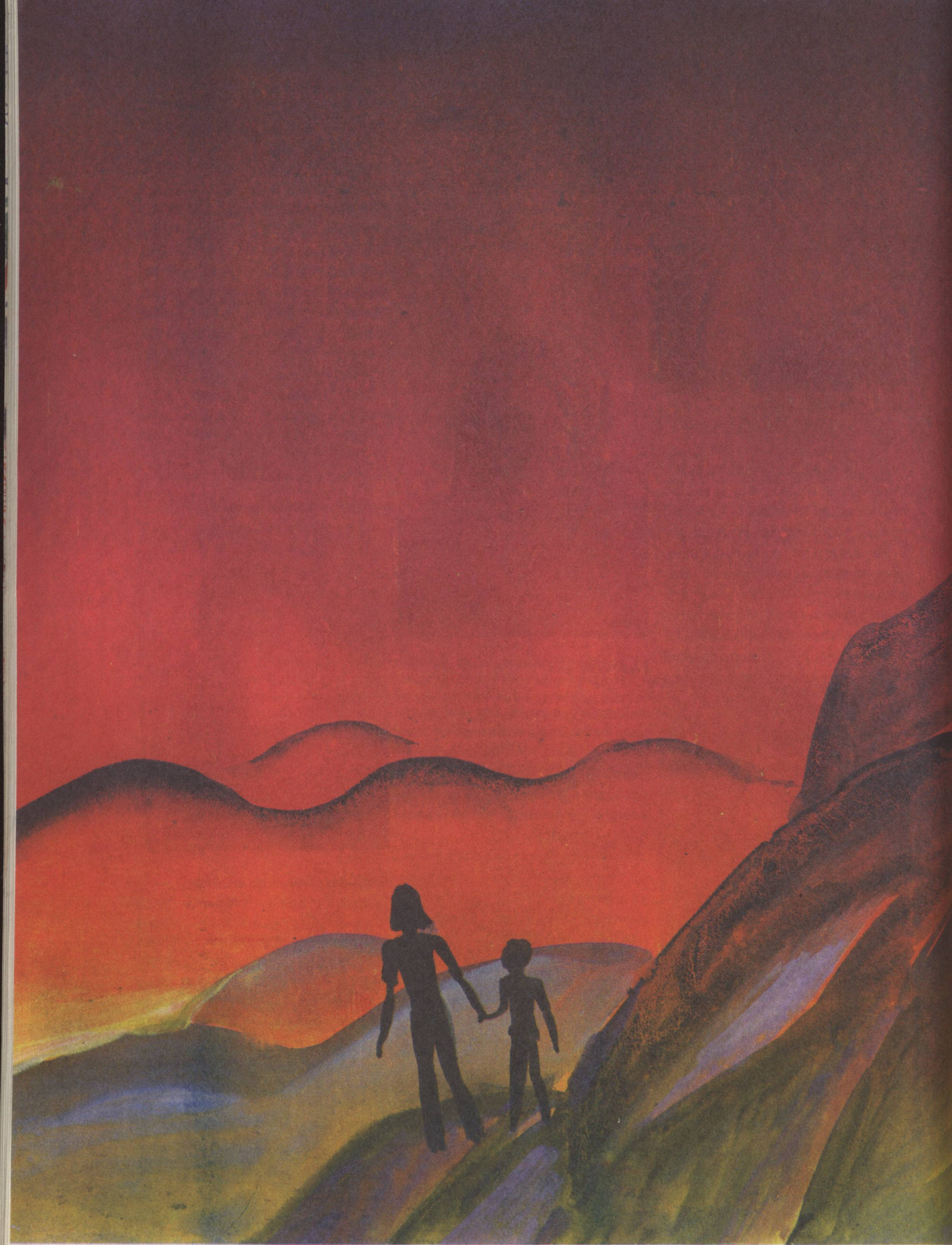
Мне пришлось по душе коллектив нашей группы. Мы живем дружной, сплоченной семьей.

Саша Устинова

О нашем мастере-наставнике можно было бы сказать много хорошего. Мы все полюбили ее за этот год! Но я скажу главное — в Антонине Николаевне никогда не замечала ничего, сделанного на показ, по обязанности. Своей работой наш наставник гордится, любит ее. Это передается и нам.

Записала Л. ПОЖИДАЕВА
Фото И. Колтуна
и Б. Гесселя

АРКОЛОЛА

Джемс Вэнс
МАРШАЛЛ

Рисунки
С. Острова

ПОВЕСТЬ

Вокруг было тихо. Дети испуганно всматривались в темноту. Они сидели спиной к скале, тесно прижавшись друг к другу. Внизу под ними, на дне глубокого ущелья, журчал маленький ручеек, исчезающий в необъятных просторах австралийской пустыни.

Мальчик еще плотнее прижался к сестре. Он дрожал. Девочка нащупала его руку и крепко сжала ее.

— Не бойся, Питер, — прошептала она. — Я тут.

Она почувствовала, что его дрожь стала стихать, он постепенно успокаивался. Когда мальчику только восемь лет, двенадцатилетняя сестра так хорошо утешает.

— Мэйми, — прошептал он, — я голодный. Давай поедим чего-нибудь.

Девочка тяжело вздохнула, потом пошарила в карманах платья и вынула плитку ячменного сахара в красивой обертке. Плитка была последней. Проглотив набежавшую слюну, она разломала сахар, дала половину мальчику, а другую бережно спрятала в карман.

— Соси сахар, — прошептала она. — Так дольше хватит.

Они и сами не знали, почему им понадобилось шептаться. Может быть, потому, что кругом стояла тишина, как в церкви, а может быть, они просто боялись, что их кто-то услышит. Тишину нарушало только журчание воды да негромкое чмоканье мальчугана. Вдруг Питер беспокойно заерзал и вскрикнул. Сестра снова схватила его за руку.

— Что с тобой, Пит?

— Мне больно ногу, и там мокро.

Мэри нагнулась и ощупала его ноги. Платок с правого бедра сполз, и порез кровоточил. Девочка ловко перевязала платок, и они снова прижались друг к другу, взявшись за руки.

Ночь тянулась медленно и неторопливо. Наконец, усталость сделала свое дело. Голова мальчика постепенно опустилась на колени сестры, он судорожно вздохнул несколько раз и заснул.

Девочка не спала. Ведь она старше и обязана охранять брата. Так было всегда. Она всегда была заботливой старшей сестрой, которая накладывала пластыри на разбитые коленки Питера, учила его завязывать шнурки на ботинках и руководила играми в индейцев и ковбоев. Сейчас дети затерялись где-то в глубине неизвестного континента, и ответственность, которая лежала на ней, была более серьезна, чем когда-либо. Теперь она должна заменить ему мать. Мапочка, мапочка, ты плачешь, наверное, сейчас. Найди нас поскорее, а? Господи, как здесь страшно!

Мэри неподвижно сидела, окруженная теплотой, плотной, осязаемой темнотой. Потом она

погрузилась в забытие. События дня были неожиданными и ошеломляющими. Люди, предметы, звуки — все перемешалось и уплыло за грань сознания, подернутое туманом усталости. Ровное дыхание спящего брата действовало успокаивающе. Она тоже заснула...

Ночь была уже на исходе и таяла в предутреннем тумане. На песок легла легкая роса. Дети крепко спали, погруженные в свои ребячьи сны. Девочка спокойно шевелилась, иногда что-то бормотала.

...Они летят в маленьком самолете на юг Австралии, в Аделаиду, к бабушке Глэдис. Там они проведут свои летние каникулы. Они сидят, зажатые со всех сторон корзинами с овощами и морожеными мясными тушами. Вдруг Мэри с ужасом замечает, что из левого мотора тянется шлейф черного дыма... Вот голубым пламенем охвачен уже весь самолет.

Мэри стонет и мечется. Видения сменяют друг друга.

...Вот девочка возле самолета, который пылает, как гигантский факел...

— Дядя Роджер! Дядя Ро-о-оджер! Пит! Да где же вы, — рыдая, кричит она. И вдруг чувствует, как кто-то толкает ее сзади и обнимает за ноги. — Пит! Пит! Милый! Быстрее, Пит! Сейчас может взорваться бензин!

Проваливаясь в сыпучий песок, совсем обезумевшая, девочка тащит брата прочь. Их настигает ослепительная вспышка и обжигающее дыхание огня. Мэри оборачивается и видит, как в пламени взрыва самолет разваливается на куски...

Видение-сон затуманилось и исчезло. Мэри так крепко сжала руку брата, что он, заворочавшись во сне, захныкал.

Восток светлел. В пустыне занимался новый день.

Первый луч солнца робко пробрался в долину, и темнота съезжилась, превратилась в легкую дымку, которая постепенно исчезла, лениво плавая в утреннем воздухе. Пустыня приобретала новые краски: поднимающееся солнце накладывало на ее желтую палитру зеленые, белые, малиновые и золотистые мазки света. Первыми осветились макушки самых высоких деревьев — пустынных эвкалиптов, потом хинных деревьев и казуаринов и, наконец, заросли колючего кустарника, тянувшегося вдоль ручья. Вскоре солнце осветило спящих детей.

На верхушку каучукового дерева, которое нависало над скалой, села небольшая птица с коричневатым оперением, хохолком на голове и широким массивным клювом. Знаменитая австралийская кукабурра широко открыла

клов, и скрипучие звуки нарушили тишину долины.

Девочка испуганно вскочила. Ее сердце бешено колотилось. Руки стали влажными. Объятая страхом, она стала озираться по сторонам. Птица снова издала громкий скрежещущий крик и с любопытством уставилась на детей. Мэри облегченно вздохнула — это только птица. Она даже улыбнулась и, вдруг спохватившись, повернулась к брату. Тот продолжал безмятежно спать. Какой он маленький и беспомощный! Теперь, когда они остались совсем одни, мальчуган целиком зависел от нее. Дяди Роджера нет. Сейчас девочка особенно остро осознала весь ужас их положения. У нее вдруг закружилась голова и засосало под ложечкой. Ведь она не ела со вчерашнего утра, когда хорошо позавтракала у дяди Роджера в уютном саду, заросшем акациями. Была яичница с ветчиной, овсянка и чай с чудесным душистым медом.

Девочка пошарила в кармане своего платья, вынула последний кусок сахара и, задумчиво покачав его на ладони, тихо опустила в карман брата.

Еда, как она понимала, для них самое главное. Воду они могут взять из ручья, но что они будут есть? Она читала про путешественников, которые умирали от голода в пустынях или диких джунглях.

Кукабурра резко, пронзительно захохотала и сорвалась вниз в долину.

Под скалой зашевелился Питер. Он приподнялся, потягиваясь и зевая, и забормотал спронею:

— Мэйми, Мэйми, мне снился такой сон, такой сон... Папочка все говорит что-то, а потом мы садимся в наш «моррис» и ма дает мне большущий кусок пудинга и улыбается...

Потом он протер заспанные глаза и спросил у сестры:

— Мэйми, а что у нас на завтрак? Так хочется есть!

— У тебя в кармане лежит ячменный сахар. Он вынул липкий кусок.

— Ну-у-у, он такой маленький.

Мальчик разломал его пополам и протянул половину сестре. Но Мэри покачала головой и отвернулась.

— Не беспокойся, пожалуйста, — прошептала она, — у меня есть еще.

Питер встал и, спотыкаясь, побрел вниз к ручью, засунув руки в карманы. Посасывая заложенный за щеку сахар, он с любопытством осматривался вокруг. Слава богу, его, кажется, ничто не беспокоило.

Питер потихоньку опускался вниз, поглядывая на противоположный берег ручья. Все было так необычно и интересно: белые песчаные волны, уходившие за горизонт, ослепительное солнце в дрожащем мареве прозрачного воздуха, деревья, ручей, тишина.

Вдруг он подпрыгнул, схватился за шорты и издал громкий вопль. Мэри вздрогнула и бросилась к нему на помощь. Оказалось, что это

были муравьи, прыгающие австралийские муравьи. Длинной в три четверти дюйма, они состояли наполовину из челюстей, наполовину из мощных ног. Мальчик случайно потревожил их гнездо.

Оттащив ревушего Питера прочь, Мэри стала снимать с него шорты.

— Ну, успокойся же, Пит! — говорила она. — Это только муравьи. Посмотри, они забрались под шорты и кусают тебя. Снимай их скорее!

С криком ярости Питер сбросил шорты и принялся топтать их, крича и размахивая руками. Мэри стояла в сторонке и улыбалась, наблюдая за братом. Наконец, с муравьями было покончено.

Она помогла ему одеться. Малыш захныкал — искусанные ноги распухли и болели.

— В чем дело, Пит? — строго спросила Мэри.

— Мне-е-е не нра-а-авится тут, — заревел он.

Вот и началось, подумала девочка. И я ничем не могу ему помочь.

— Я хочу домо-о-ой, к ма-а-аме...

— Но мы не можем попасть домой, Пит. Нам не на чем переплыть через океан в Америку.

Девочка крепилась изо всех сил, хотя она была растеряна и пустыня внушала ей страх. Как ей хотелось обнять брата и выплакаться, отвести душу. Но нужно держаться. Ради Пита, ради них обоих.

— Тогда пошли в Аделаиду, к бабушке Глэдис.

Мэри немного помолчала и потом медленно сказала:

— Ну, ладно, не плачь, я поведу тебя к бабушке Глэдис.

— Правда? Сейчас? — заулыбался Питер, размазывая слезы по щекам.

— Да, — ответила девочка. — Мы пойдем в Аделаиду сейчас же.

Самолет сгорел на северной окраине огромной пустыни, находящейся на границе между штатами Западная Австралия и Северная Территория. По площади пустыня равняется целой Великобритании. Но на такой огромной территории проживает всего несколько тысяч человек в трех небольших поселках: Банка-Банка, Тенант-Крик и Гранайтс.

Бесплодная унылая пустыня с разбросанными кое-где оазисами, грядами холмов да высохшими руслами рек.

У детей был наиболее надежный шанс на спасение — оставаться около разбитого самолета и ждать: может быть, их стали бы искать и нашли.

Аделаида была где-то на юге. Они летели туда. Но много ли они долетели — девочка и понятия не имела.

Солнце уже поднялось слева от долины. Следовательно, там должен быть восток. Юг, стало быть, прямо впереди, вниз по ручью. Это

здорово! Может быть, долина приведет их прямо к морю, к Аделаиде? Она завязала носовой платок по углам, намочила в воде и натянула Питеру на голову, потому что солнце стало припекать слишком сильно.

— Пошли, Питер, — решительно сказала она. — Вперед.

Они двинулись вниз по долине. Сначала идти было легко. Деревья и кусты давали спасительную тень. Мэри спокойно пробиралась сквозь заросли. Вскоре долина стала шире. Лес около воды стал гуще, но Мэри упорно шла вдоль ручья, боясь заблудиться. Дети перешагивали через гниющие стволы упавших деревьев, продирались сквозь лианы и колючие кусты, шлепали по отмелям, переходя с одного берега на другой.

В течение нескольких часов Питер мужественно тащился за сестрой, тяжело дыша и вытирая пот с лица. Наконец, он не выдержал и начал отставать. Мэри остановилась и присела на камень.

— Отдохнем немного, — сказала она.

Мальчуган свалился около нее на песок, еле переводя дух. Мэри погладила его по голове и подолом платья стерла с лица пот. Они долго молчали. А потом прозвучали слова, которых она так боялась:

— Я голоден, Мэйми. Дай мне поесть.

— Питер! Есть еще рано.

— А когда же мы будем есть?

— Я скажу когда.

Сама она почти не испытывала голода. Чувствовалась только тупая боль в желудке, которую девочка глушила водой из ручья.

— Ну, когда же мы будем есть? — снова захныкал Питер.

— Подожди, я что-нибудь найду.

С тех пор, как они пошли, девочка украдкой искала какие-нибудь ягоды или плоды. Мальчик почувствовал в ее тоне беспокойство. Губы у него начали кривиться.

— Я голо-о-одный, — заныл он.

Мэри встала.

— Хорошо, давай поищем чего-нибудь.

Сначала это казалось интересной игрой, охотой, по крайней мере для мальчика. Дети рассматривали в ручье рыбу, но вода была мутная. Они осматривали деревья, надеясь найти птиц, но те исчезли с восходом солнца. Они искали в кустах каких-нибудь животных, но все живое попряталось в укромных норах, ямах и пещерах, спасаясь от солнца. Они пытались ловить в камнях ящериц, но те исчезали в трещинах и расселинах.

Деревья, кусты, скалы спали. Неподвижная молчаливая пустыня замерла под лучами полуденного солнца.

Питеру скоро надоела эта игра, и он снова захныкал. Муки голода были нестерпимы. Постепенно, занятые поисками еды, они отошли от ручья, туда, где было меньше растительности и начиналась открытая пустыня. Отсюда примерно в полумиле от них, виднелся высокий холм. Мальчик схватил сестру за руку.

— Мэйми! Помнишь, как папочка водил нас на вершину Маунт Плезант? Помнишь, как мы увидели оттуда море?

— Да, помню.

— Пошли на эту гору! Мы тоже увидим море и Аделаиду!

Солнце уже садилось, когда они вышли на вершинный гребень. Перед ними простиралась угнетающая своим однообразием равнина, залитая золотым светом заходящего солнца. Мила за милей — пустыня: песок да чахлый кустарник. И только у самого горизонта дрожали и переливались голубым цветом полосы воды.

Мальчик восторженно запрыгал.

— Смотри, Мэйми, смотри! Море! Море! Оно близко!

Мэри схватила его, повернула к себе лицом и прижала к груди.

— Не смотри туда, Пит, — прошептала она, — не нужно.

Она-то знала, что это было вовсе не море, а всего лишь мираж в пустыне. И Питеру совсем не нужно было знать об этом.

— Пошли, милый, вниз. Мы переночуем у ручья, а утром обязательно найдем еду и пойдем к морю.

Еле волоча ноги от усталости и голода, они взялись за руки и начали медленно спускаться вниз.

Девочка проснулась рано. Она лежала, закинув руки за голову, и думала. Внешне спокойная, она едва сдерживала растущую волну страха. Ведь скоро проснется Питер и потребует идти к морю. Как будет ужасно сказать ему, что там нет никакого моря. Он снова будет просить есть. Где достать еды? Боже правый, они умрут с голоду! Как это страшно. У нее шевельнулась мысль — вернуться к самолету, но она скоро отбросила ее. Там был лишь раскаленный песок пустыни и наверняка не было никакой еды...

Вскоре проснулся Питер.

Все утро дети провели в отчаянных поисках еды. Они обыскали заросли леопардового дерева, эвкалиптов, деревьев курраджунг и малга, долго обшаривали кусты с натеками темнокрасного сока на стволах. Они совсем было упали духом, как вдруг наткнулись на группу небольших деревьев, покрытых серебристой листвой и усеянных мелкими плодами, похожими на абрикосы.

Питер издал невообразимый вопль и бросился к желанной еде. Какое-то мгновение Мэри еще колебалась, опасаясь отравиться, а потом тоже прыгнула к деревьям и вцепилась в плоды. Какими сладкими и сочными они оказались для изголодавшихся детей! Аборигены называют эти зеленовато-красные шарики куондонгом.

Дети долго сидели в тени деревьев и ели, ели и ели. Наконец, насытившись, Мэри встала и начала собирать плоды. Она радостно напевала и постепенно наполнила куондонгом сначала платок Питера, а потом и подол своего платья. Питер тоже нехотя встал, подошел к дереву и лениво начал срывать плоды. Несмотря на то, что голод больше не мучил мальчика, ему было как-то не по себе. Он с беспокойством поглядывал на окружающие кусты. У него было странное ощущение, словно на него оттуда внимательно смотрят чьи-то глаза. Он несколько раз быстро огляделся вокруг. Охваченный тревогой, Питер подбежал к сестре.

— Мэйми, — прошептал он, — я боюсь, кажется, тут кто-то есть.

— Кто? Где?

Она неуверенно осмотрелась кругом. Плоды куондонга посыпались на траву: там, у кустов, менее чем в четырех футах, так близко, что она могла протянуть руку и прикоснуться, стоял мальчик. Он был черный и совершенно голый.

Сначала девочка хотела схватить Питера и без оглядки бежать. Но по мере того как она осматривала незнакомца, ее страх ослабевал. Он был приблизительно ее возраста. Вся его поза выражала любопытство и недоумение. Никакой враждебности или признаков угрозы он не проявлял. Он был похож на негра, хотя и отличался от него: темно-шоколадная кожа отливала бронзовым цветом, волосы не вились и были почти прямые. Глубоко посаженные большие голубые глаза вопросительно смотрели на белых детей. У него не было никакого оружия. В левой руке он держал мертвого детеныша кенгуру.

Все это Мэри заметила и оценила. Она не могла примириться только с одним — мальчик был голым. Это было ужасно неприлично.

Трое детей стояли в австралийской пустыне и смотрели друг на друга. Между ними было расстояние чуть более вытянутой руки и одновременно — тысячи лет. Брат и сестра были представителями цивилизованного общества. Мальчик-aborиген принадлежал к одному из племен примитивной культуры, которая с незапамятных времен существовала в Австралии. Аборигены сумели приспособиться к суровой природе австралийской пустыни и выжить. Их жизнь удивительно несложная. У них нет домов и владений, нет хлеба и одежды, нет богатых и бедных. Они делят между собой пищу и воду, смех и слезы, голод и жажду. Мужчины с дротиками, женщины с блюдами, жерновами и копательной палочкой бродят от одного источника к другому. Уничтожив пищу в одном месте, они переходят к следующему. Они заняты только одним делом, которое полностью их поглощает. Это — борьба за существование, борьба со смертью. Смерть их постоянный враг. Она таится в высохшей соленой равнине, в зарослях кустов и деревьев, в нагромождениях скал и камней. Она никогда не уходит далеко. И по-

стоянная забота аборигенов состоит в том, чтобы не подпускать ее.

Мэри ничего этого не знала. Дети все смотрели друг на друга. Мэри решила не двигаться. Она вспомнила, как мама однажды рассказывала о человеке, который лицом к лицу столкнулся со львом и привел его в замешательство тем, что стал на него пристально смотреть.

Она сделает то же самое с этим черным мальчиком. Она будет смотреть на него до тех пор, пока ему не станет стыдно своей наготы и он не убежит. Она решительно вздернула подбородок и уставилась на аборигена.

Питер молчал. Он держался за руку сестры и ждал дальнейших событий.

Абориген не спешил. Сейчас время для него значило очень мало. Сегодняшний обед — кенгуру — был обеспечен. Вода рядом. А завтрашний день далеко. Пока ему было интересно рассматривать этих незнакомцев, следить за их неуклюжими движениями. Оружия у них не было, значит, они были неопасны. Глаза аборигена медленно обшаривали обоих детей с ног до головы. Это были первые белые люди, которых он увидел.

Через некоторое время Питер беспокойно зашевелился, переступая с ноги на ногу. Его начало раздражать гнетущее молчание.

И вдруг, совершенно непроизвольно, он нарушил тишину. У него затряслась голова, он затопал, зажмурил глаза, сделал несколько судорожных вдохов и... громко чихнул.

Мэри вздрогнула, повернулась к нему и дернула его за руку.

Тишину нарушил еще один звук. Это был мелодичный смех. Тихий вначале, он становился все громче и громче. Мэри удивленно смотрела на аборигена. Он смеялся совершенно непринужденно, откинув голову назад, хлопая себя руками по бокам. Он бросился на песок. Он катался по нему, не в силах сдержать своего восторга. Он хохотал, захлебываясь от удовольствия.

Веселье было заразительным. Несколько секунд Питер смущенно поглядывал на аборигена, а потом не выдержал и сам засмеялся. Тысячелетний барьер, стоявший между ними, исчез во мгновение ока.

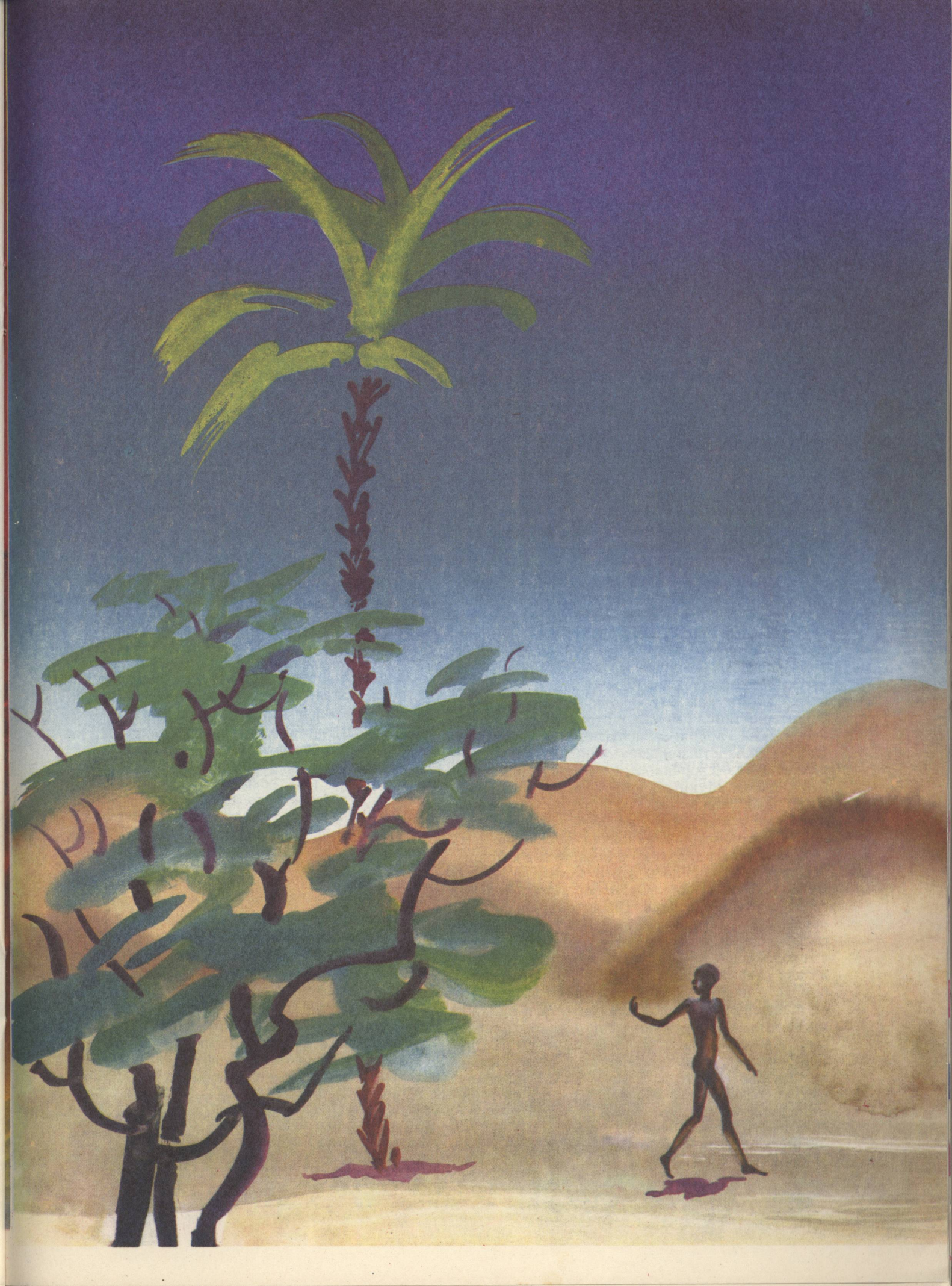
В гранитных скалах эхом отозвался смех мальчиков. Они начали прыгать и кривляться друг перед другом. Мэри смотрела на них, и ей вдруг страшно захотелось присоединиться к ним. Год-два назад, когда она была еще девочкой-сорванцом, она бы сделала это. Но теперь — нет. Она ведь взрослая. И девочка подавила свое желание. Она стояла в сторонке, поглядывая на дурачащихся детей. Потом подошла к Питеру, взяла его за руку.

— Хватит, Питер.

И веселье кончилось.

На мгновение воцарилось неловкое молчание, а потом абориген произнес:

— Ворум гала (откуда вы идете)? — Голос у него был веселый.

Мэри и Питер беспомощно посмотрели друг на друга.

Абориген снова спросил:

— Ворум мва (куда вы идете)?

Разговор начал Питер.

— Мы не понимаем тебя, черный. Видишь ли, мы заблудились. Наш самолет сгорел. Мы хотим попасть к морю, в Аделаиду. Там живет бабушка Глэдис. Как туда пройти?

Абориген ухмыльнулся. Его сместила бес-
связная болтовня мальчика, который трещал, как птенец сороки. Он подошел к Питеру, провел пальцами по его лицу, с любопытством посмотрел на них и снова взглянул на Питера. Его изумлению не было границ. Кожа осталась белой! Он притронулся к волосам Питера и снова был поражен. На них не было ни цветной глины, ни охры!

Он переключил свое внимание на одежду мальчика.

Питер нисколько не смутился. Напротив, он почувствовал гордость и удовлетворение. Он понял, что абориген никогда еще не видел чего-либо похожего. Мальчик встал прямо, выпятил грудь и начал медленно поворачиваться кругом. Тонкие темные пальцы аборигена ощупывали его рубашку, пробуя крепость ткани, постигая тайну пуговичных петель. После рубашки он принялся за брюки. Тут Питера про-
рвало.

— Это шорты, — затараторил он, — короткие штаны. А почему у тебя нет? Разве тут нет магазина, чтобы их купить?

Но абориген весь ушел в свое дело. Он обнаружил резинку, которая поддерживала шорты. И пока он ощупывал эту удивительную штуку, белый мальчик болтал.

— Смотри, как она хорошо растягивается.

Питер оттянул резинку и отпустил ее. От резкого звука абориген испуганно подпрыгнул. Вполне удовлетворенный собой, Питер повторил еще раз, скорчил рожу и зашатался, как будто бы его стукнули. Абориген понял шутку. Он только хмыкнул, но не потерял над собой контроля, потому что был занят важным делом. Свой осмотр он закончил исследованием сандалий Питера. Затем он повернулся к Мэри.

Девочка страшилась этого момента. И все же она не отступила. Один бог знал, сколько ей это стоило. Ее нервы были напряжены до предела, зубы стиснуты. Мысль о том, что этот голый черный мальчик может сделать с ней что-то ужасное, приводила ее в трепет. Это было так отвратительно. Дома, в Гринвуде, черномазого непременно бы линчевали за то, что он прикоснулся к белой девочке. Мэри однажды видела, как огромная толпа с топотом, свистом и улюлюканьем промчалась мимо их дома. Они вили молодого негра. Потом послышалось два выстрела. А за обедом отец говорил: «Сегодня утром линчевали одного ниггера с Восьмой улицы. Эта дрянь пыталась оскорбить Китти, дочь директора колледжа Эмерсона. Всех черных нужно перестрелять или отправить обратно в ихнюю Африку».

И все же она не сдвинулась с места. Даже тогда, когда черные пальцы, как пауки, ползали по ее телу. Она молча стояла и где-то в глубине души чувствовала, что не должна ничего бояться. Немного смущенная, немного обиженная и порядком сбита с толку, она стояла и ждала, что будет дальше.

Абориген закончил свой осмотр. Старший из этих двух незнакомцев выглядел так же, как и младший, за исключением того, что все вещи, висевшие на нем, были еще более смешными. Уже машинально еще раз он провел пальцами по лицу, платью и сандалиям Мэри. Он узнал все, что хотел. Повернувшись туда, где на песке лежал детеныш кенгуру, абориген поднял его. Несколько крупных муравьев уже копошились в его шерсти. Мальчик стряхнул их и тихо пошел прочь. Скоро он скрылся в кустарнике.

Это было так неожиданно, что дети даже опешили. Питер первый понял, что произошло.

— Мэйми, — голос у него был испуганным, — он бросает нас!

Девочка не ответила. В ней боролись противоречивые чувства. Облегчение, что голый черный мальчик скрылся, и сожаление, что она не попросила его о помощи. Страх, что никто больше не вызволит их из беды, и брезгливое ощущение, что это может сделать черный. Два дня назад Мэри знала бы, что делать и как делать. А что делать сейчас? Она закрыла лицо руками.

— Мэйми, — крикнул Питер, — пошли за ним!

Он сорвался с места и, ломая кусты, бросился за аборигеном. Медленно и нерешительно сестра двинулась за ним.

— Эй, ты! — пронзительный крик Питера раскатился по пустыне. — Подожди-и-и!

Абориген обернулся. Он почувствовал, что означает этот крик: незнакомцы решили идти за ним. Он уже слышал, как они продираются сквозь кусты.

Мальчик остановился. Поджидая, он с любопытством поглядывал на них.

Питер подбежал первым.

— Эй, не бросай нас, — тяжело дыша, воскликнул он. — Мы заблудились. Мы хотим есть и пить. Как пройти к морю, в Аделаиду?

Смешной голос Питера снова развеселил аборигена. Мэри заметила это по его глазам. Ах, как несправедливо, как ужасно несправедливо, что она и брат, белые люди, должны обратиться за помощью к негру, голому негру, который к тому же и насмехается над ними.

Она схватила Питера за руку, пытаясь оттащить его в сторону. Но малыш не терзался сомнениями, как сестра. Для него проблема была однозначна: им нужна помощь, и тут есть человек, который может ее оказать. Неважно,

кто он. Слегка смущенный собственной смелостью, он медленно проговорил:

— Послушай, мы заблудились. Мы хотим пить. Знаешь, что такое вода? Во-да, во-да.

Он сложил руки вместе, поднес их к губам и показал, что пьет.

Абориген кивнул.

— Арколола.

Его глаза стали серьезными и полными сочувствия. Уж он-то знал, что такое жажда.

— Арколола, — повторил он снова мягким, мелодичным голосом, словно это журчала вода по скалам. Он вытянул губы и задвигал ими, как будто пил.

Питер радостно подпрыгнул и захлопал в ладоши.

— Ура, ура! Это то, что нам нужно. И есть. Знаешь, что такое еда? Е-да, е-да.

Он изобразил работу ножом и вилкой, а потом начал жевать.

Лишь по движению губ абориген понял, о чем речь. Его глаза снова наполнились сочувствием.

— Йемара.

Его зубы защелкали в унисон с зубами Питера. Белый мальчик ликовал.

— Ты все понимаешь! Давай скорее свои ямара и арколола, мы голодные.

Абориген повернулся и двинулся направо в кусты. Потом остановился, глянул через плечо и снова пошел вперед.

— Курура! — произнес он.

Он был понят безошибочно.

— Пошли, Мэйми, — радостно крикнул мальш.

И он старательно зашагал вслед за аборигеном. Девочка двинулась медленно и неохотно.

Спустя некоторое время они вошли в лес. Под густой кроной листьев царил полумрак. Белые дети шли неуверенно и часто спотыкались. Их глаза, привыкшие к яркому свету, медленно приспосабливались к тени. Абориген двигался легко и быстро, словно он шел по знакомым местам. Питер и Мэри едва поспевали за ним.

Здесь было прохладно и тихо, как в парке. Час проходил за часом, а абориген все шел, скользя как тень. Скоро Питер начал задыхаться. От пота ему щипало глаза. Он стал отставать. Оглянувшись, Мэри подождала его, и измученный мальчуган схватил ее за руку. Девочка была довольна. Ей стало приятно, что Питер вернулся к ней. Она была глубоко обижена, что брат так быстро и легко променял ее на дикаря, на голого ниггера. Но теперь все приходило в норму, он снова был с ней.

— Все в порядке, Пит, — шепнула она, — я не брошу тебя. — Она обняла его и погладила по голове.

Мэри прекрасно понимала, что маленький мальчик больше всех страдает от голода, жажды и усталости. Неожиданно деревья кончились. Еще какое-то мгновение их тень покрывала путников, а затем вышли они на простор белого, сверкающего песка. Насколько хватало глаз, их окружали песчаные гребни с редкими

выходами скал. Великая пустыня, подернутая струящейся горячей дымкой, лежала у их ног.

— Курура, — сказал абориген и двинулся в пустыню.

Мэри остановилась. У нее сжалось сердце. Она не сомневалась, что абориген приведет их к воде, но как долго им еще идти? Хватит ли сил у Питера? Она устало опустила на колени в тени последнего дерева. Брат как мешок повалился рядом. Оба часто и тяжело дышали.

Абориген вернулся. Он заговорил мягко, неторопливо. Слова были непонятны, но его жесты и мимика говорили сами за себя. Если дети останутся здесь — они умрут. Абориген упал на землю и его пальцы зацарапали сухую корку песка. Он задергался и затих. Потом придут злые духи, чтобы забрать их тела. А могут пожаловать и демоны, чтобы похитить их души. Здесь очень плохое место. Глаза аборигена закрутились от ужаса, и он сделал страшное лицо. Но если они пойдут с ним, он приведет их к воде. Абориген начал глотать и двигать губами. Это недалеко, там, где священная гора Уби-Нулимади. Он показал пальцем на скалу, которая виднелась на горизонте.

Уж очень далекой кажется гора, а как хорошо сидеть и не двигаться! А почему, собственно, нам не вернуться обратно к ручью, думала девочка. Зачем тащиться по жаре? Она с сомнением посмотрела на далекую гору. И откуда он знает, что там есть вода? Она что-то не слышала, чтобы воду находили на вершине скалы в центре пустыни.

— Арколола, — воскликнул абориген. Он настойчиво повторил это несколько раз, показывая на гору, пока дети со стонами не зашевелились.

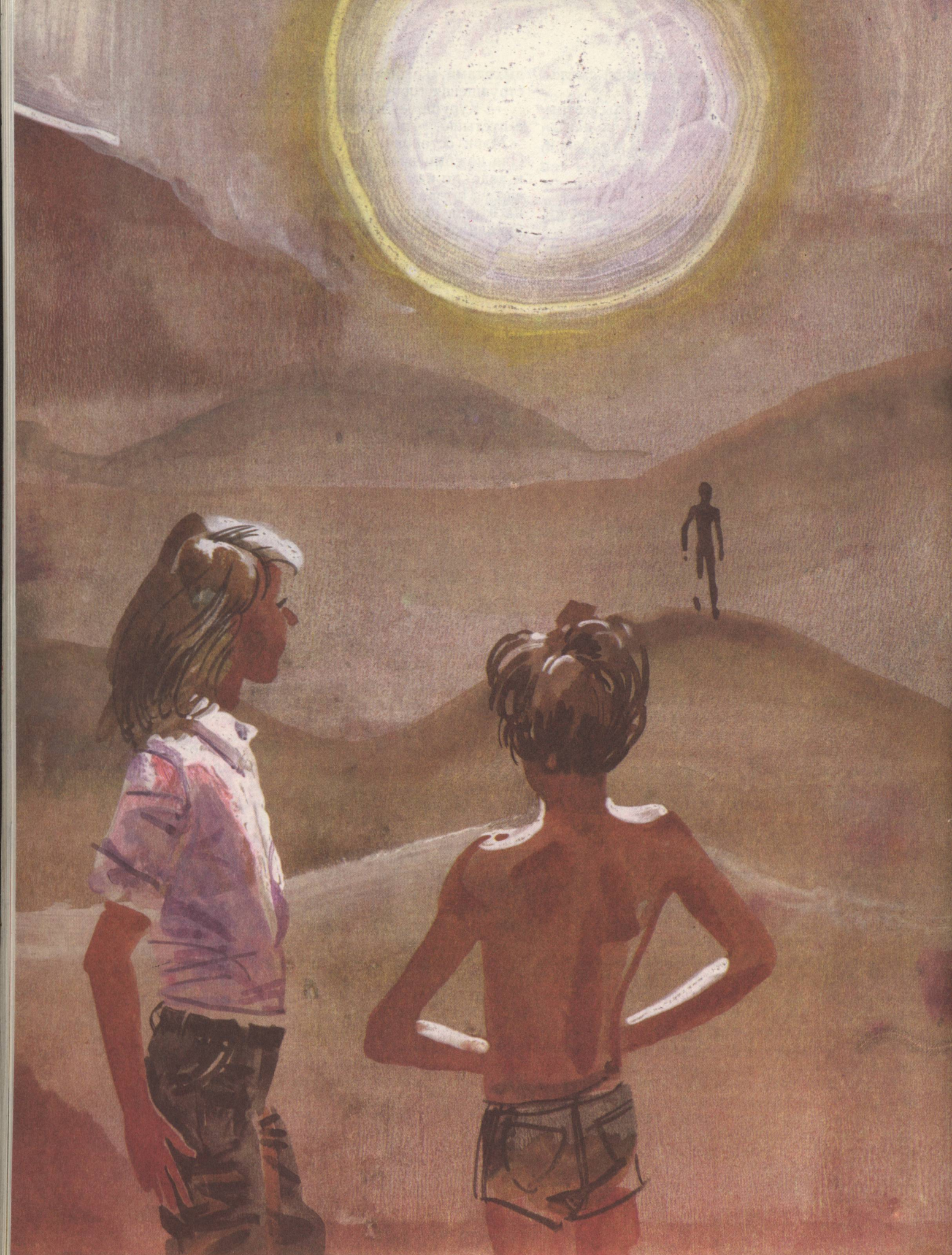
Путь к горе показался детям страшно долгим и тяжелым. Солнце уже садилось, когда они подошли к ней. Это был небольшой оазис с высокой скалой посередине. Она возвышалась над пустыней футов на триста. Вокруг скалы росли редкие пробковые деревья, окруженные кустами спинифекса и тростниковой травой, которая качалась и шелестела от вечернего ветра. Абориген сломал один стебель и воткнул его в песок. Когда он вытащил его обратно, конец был мокрый. Мальчик ободряюще улыбнулся.

— Арколола, — пробормотал он и пошел дальше.

Дети услышали плеск воды и бросились вперед, продираясь сквозь папоротник. Секунду спустя сестра услышала хриплый взволнованный крик Питера:

— Это вода, Мэйми! Вода, вода!

В небольшой каменный бассейн из расщелины в скале била струя воды. Совсем как фонтанчики на кленовой аллее в прекрасном парке Диснейленде. Питер уж пил, опустив лицо в прозрачную воду. Мэри опустила на камни около него. Они долго пили вкусную прохладную воду. Ах, какое это было блаженство! Они

остановились, чтобы перевести дух, и снова пили и пили, пока от холода не заломило лоб.

Абориген попил совсем немного. Он уселся на выступ скалы и наблюдал сверху за незнакомцами со все возрастающим любопытством. Они не только странно появились и неуклюже передвигались, но были удивительно беспомощны. Они ничего не умели делать и вряд ли могли постоять за себя. Если он не поможет им, они умрут. Это было ясно. Он еще раз критически осмотрел белых детей. В его поведении не было и намека на насмешку или презрение. Просто нужно было их вызволить из беды.

Люди его племени принимали других людей такими, какими они были, и помогали каждому. Тяжелая и полная лишений жизнь в пустыне приучила аборигенов делиться последним куском мяса, последним глотком воды. Здесь не было расчета и озлобления, все хорошо понимали друг друга.

Он заметил, что малыш уже кончил пить и теперь лезет к нему наверх. Наклонившись, абориген протянул ему руку и втащил на скалу. Питер снова почувствовал приступы голода. Его глаза остановились на кенгуру, которого абориген держал в руке. Мальчик вопросительно притронулся к нему и тихо спросил: — Еда? Ямара?

Солнце уже село, когда абориген принялся устраиваться на ночь. Он делал все ловко и споро. Обследовав оазис, он вскоре нашел подходящую ровную площадку, где решил устроить костер. Площадка заросла травой. Кое-где торчали камни. Абориген начал ее расчищать.

Питер с любопытством смотрел на него, а потом стал помогать. Он засыпал чернокожего вопросами.

— Что ты делаешь? Будешь строить дом? А зачем дергать траву?

Абориген хмыкнул. Он уже догадался, что хотел знать малыш. Он положил на ладонь веточки, а потом осторожно подул на них, словно раздувал слабый огонек.

— Ларана, — сказал он торжественно.

— Понятно, — обрадовался Питер. — Огоны! Ты делаешь огонь для костра.

— Ларана, — подтвердил абориген.

— О'кей, я помогу тебе. — И он засуетился около аборигена.

Мэри наблюдала за ними, сидя в сторонке на камне. Она снова почувствовала ревность, смешанную с завистью. Питер совсем забыл про нее. Ах, если бы она могла стать хоть ненадолго мальчишкой!

Питер преданно ходил за аборигеном, копируя все его движения. Острыми обломками камней они расчистили площадку, выкопали яму в земле, потом начали искать дрова. Им попался сухостой дерева якка. Невысокие стволы деревьев как нельзя лучше подходили для костра. Мальчики наломали дров, а среди камней абориген осторожно раскопал натеки смолы, похожей на воск.

Сложив дрова в яму, он растер смолу в порошок, насыпал горкой внутри костра и прикрыл тоненькими сухими веточками. Все приготовления были закончены. Осталось самое важное и ответственное дело — зажечь огонь.

Абориген выбрал ровную щепку якки, аккуратно высверлил обломком камня небольшое углубление и обсыпал его смолистым порошком. Затем выстрогал из ветки тоненькую палочку и вставил ее в углубление на щепке. Второй конец он зажал между ладоней и начал быстро крутить палочку. Прошло минут десять. Чернокожий мальчик усердно трудился, все быстрее и быстрее вращая палочку. Наконец, смолу охватило кроваво-красное свечение, в воздухе задрожали струйки дыма. Абориген осторожно подложил к отверстию пучок сухих прутиков, легонько подул, и в маленьком очажке заплясали язычки пламени. Огонь был добыт.

Костер весело разгорался. Затрещали сучья, столб дыма повалил в черное небо. Абориген повертел кенгуру над огнем, чтобы опалить шерсть, а когда огонь начал догорать, выгреб палкой из ямы угли, положил на дно кенгуру и завалил горячим песком и золой.

Через час дети уже ели. За ними подсматривали лишь одинокая динго да тонкий серп месяца. Кенгуру отлично запекся. Шкура снималась легко, мясо было сочное и вкусное. Его хватало всем.

Перед сном абориген развел вокруг площадки несколько маленьких костров, так как ночью в пустыне становится холодно. Разморенные теплом и едой белые дети быстро уснули, а абориген еще долго стоял, всматриваясь в пустыню, различая звуки, доступные зверям да птицам. Потом он улегся около детей и заснул.

Полоска облаков закрыла луну. Спустя некоторое время из кустов вышла динго и крадучись подобралась к площадке. Она поискала остатки еды, но ничего не нашла. В холодном воздухе просвистела летучая мышь. Священная гора Уби-Нулимади оделась в легкие волны тумана. Дети крепко спали.

Девочка проснулась рано, в тихий предсветный час, когда уже достаточно светло и пустыня особенно спокойна. Она лежала на спине и смотрела, как гаснут одна за другой звезды и бледнеет небо. Милые мама и папа, вы, наверное, тоже смотрите на эти звезды и думаете о нас. Боже праведный, как нам плохо без вас. Найдите нас, пожалуйста, поскорее, а то мы умрем в этой страшной пустыне! У нее выступили на глазах слезы. Она проглотила комок, подступивший к горлу, повернулась на бок, посмотрела на голого аборигена и закрыла глаза. Один господь бог знал, как она хотела быть мальчиком.

Девочке было ясно одно — абориген может спасти их. Он привык жить в пустыне. Они будут живы, пока будут с ниггером. Но как попасть домой? Может быть, он и не знает, где

Аделаида? И почему бродит по пустыне один, далеко от семьи и племени? Все это очень загадочно и непонятно.

В пустыне были свои законы. Правила и ценности того мира, из которого пришли белые дети, здесь ничего не значили. Дома Мэри хорошо представляла разницу понятий «добро» и «зло». Она никогда не позволила бы себе даже близко подойти к негру или не послушаться родителей. Она прилежно училась, при случае могла отчитать хулиганивших мальчишек и уже знала, какую силу имеют деньги. Ведь их семья имела три автомобиля и яхту.

Все это осталось в Гринвуде. А как быть здесь? Как себя вести и что делать? Мэри тяжело вздохнула. Она будет просто ждать, ни во что не вмешиваться и наблюдать за событиями.

От этой мысли ей стало легче. Она перевернулась на спину, закрыла глаза и погрузилась в глубокий освежающий сон.

Мэри проснулась часа через два от плеска воды. Привстав, она увидела, что мальчики купаются в маленьком озерце под скалой. Они весело толкали друг друга под маленький водопад, который каскадами спадал со скалы.

— Иди к нам, Мэйми, — крикнул Питер.

Она помахала рукой: потом, когда станет потеплее.

Питер открыл рот, чтобы ответить, но тут же получил порцию воды и захлебнулся. Он замотал руками по воде, поднял фонтан брызг и обрушился на своего противника. Абориген прикинулся побежденным. В притворном ужасе он выскочил из воды и зашлепал по берегу вокруг озерца. Вдруг он остановился и присел. Его внимание привлекли бугорки на прибрежном песке. Он осторожно расковырял своими длинными цепкими пальцами верхний слой и вытащил мягкий коричневый клубень, размером с кокосовый орех.

— Ворвовра! — прошептал он взволнованно.

Питер вылез из воды и подбежал к черному другу. Он с любопытством посмотрел на клубень и потом с надеждой прикоснулся к нему.

— Ямара?

Абориген кивнул, и мальчики дружно принялись выкапывать удивительные клубни. Это был один из парадоксов природы: растение росло кверху ногами. Клубни были плодами, ствол и листья росли не вверх, как обычно, а вниз, в землю. В пустыне живительную влагу можно получить только из глубины земли.

Постепенно, в поисках ворвовры абориген и Питер вышли из оазиса и углубились в пустыню. Когда они скрылись из глаз, Мэри быстро спустилась к воде и вскоре тоже с удовольствием плескалась под водопадом. Но она была начеку и внимательно прислушивалась, ожидая возвращения мальчиков. Как только стали слышны их голоса, она вылезла из воды и быстро оделась.

Мальчики тащили по крайней мере по дюжине клубней. И только тут Мэри заметила, что

Питер тоже голый. Она подняла с песка шорты и рубашку брата.

— Питер! — строго проговорила она. — Поди сейчас же ко мне. Это еще что?

Он нерхотно поплелся к ней.

— Ну, зачем мне шорты, Мэйми, ведь очень жарко. Почему черному можно, а мне нельзя?

— Оденься немедленно.

Неделю назад Питер и не подумал бы спорить. Но здесь, в пустыне, он чувствовал, что можно не послушаться.

— О'кей, — наконец сказал он. — Я надену только шорты.

Дома или у дяди Роджера девочке и в голову не пришло бы повторять свой приказ. Но здесь она тоже почувствовала, что обстоятельства изменились, и легко согласилась на уступку.

Через некоторое время собранные клубни запеклись в золе костра. Получилось очень вкусно, нечто среднее между картофелем и артишоком. Во время завтрака девочка украдкой поглядывала на аборигена. Они были обязаны ему своей жизнью, это бесспорно. Его поведение пока было безупречно, он был чист и, по видимому, здоров. Она была согласна со всем этим. Но нагота мальчика пугала и смущала ее. Ведь это было так безнравственно, так неприлично. Ей было не по себе. Неужели он не понимает этого? Мама часто ей рассказывала о диких народах, живущих в далеких жарких странах. Она рассказывала, как миссионеры шли к этим людям, несли им знания и опыт цивилизованного мира, учили добрым делам. Они одевали тех, кто ходил голым, мальчикам давали брюки, девочкам — юбки. Они терпели несправедливости и лишения ради своего дела. Они молились в церквах за этих несчастных людей.

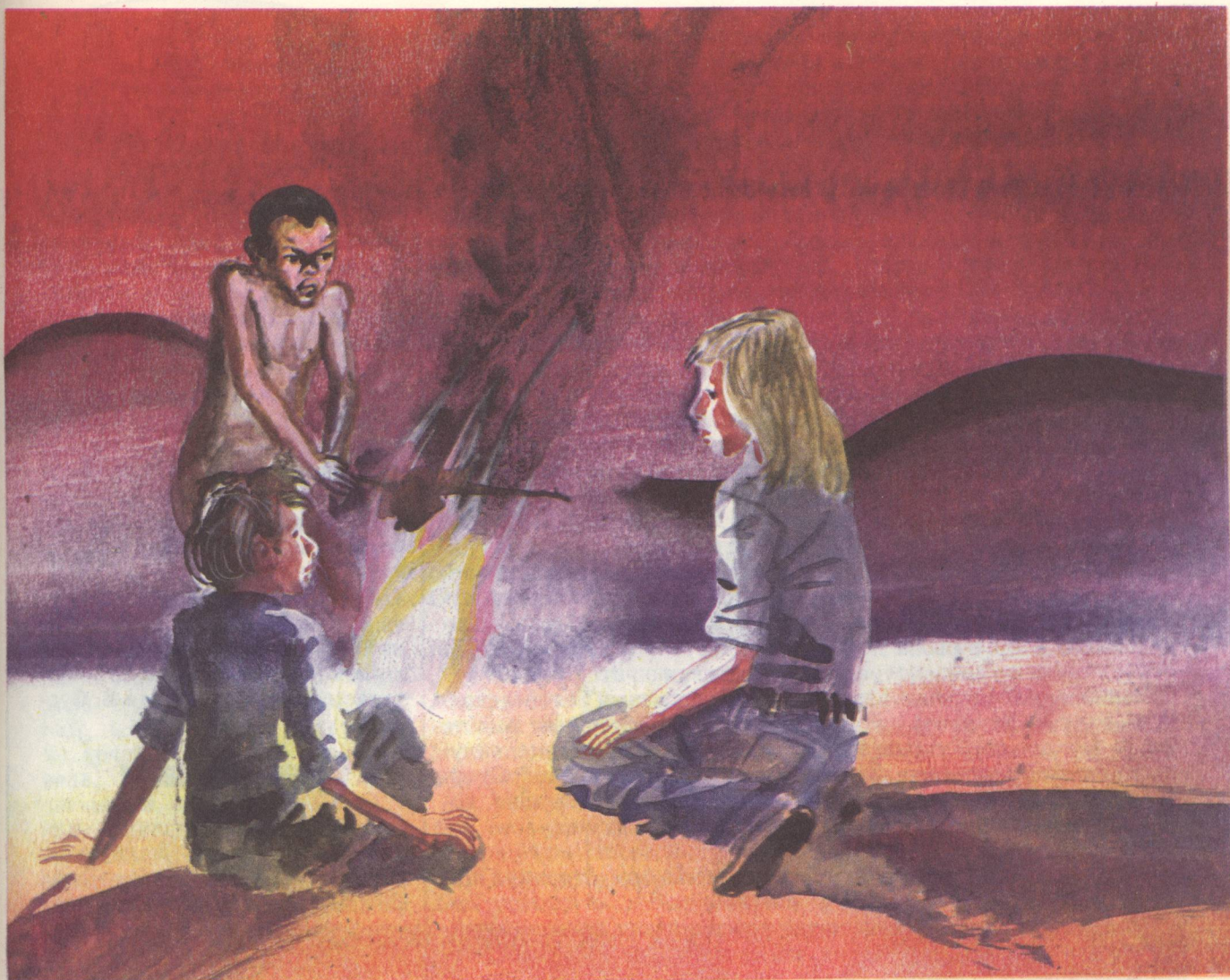
Внезапно ее осенила идея. Она тоже станет миссионером, она поможет несчастному чернокожему, и нравственность восторжествует. Пока мальчики копались в золе, она отошла в сторону и сняла с себя рубашку, отделанную кружевами. Потом тихо подошла к аборигену и тронула его за плечо. Как важный сановник, который награждает слугу драгоценным подарком, она торжественно протянула свою рубашку голому мальчику.

Тот взял ее испуганно и удивленно, не зная, для чего она. Он положил на землю недоеденную ворвовру и внимательно исследовал подарок.

И тут Питер пришел к нему на помощь.

— А, ты не знаешь, что это такое? Это рубашка. Сделай из нее набедренную повязку. Одну ногу сюда, другую туда, здесь завяжи. Вот так!

Смысл слов для аборигена был непонятен, но жесты малыша оказались достаточно ясными. Вначале он был настороже, опасаясь попасть в затруднительное положение. И все же инстинкт подсказал ему, что незнакомцы не причинят ему зла. Их мягкое, похожее на во-

локна коры подношение было подарком, знаком благодарности. Отказ обидит их. С помощью Питера он обернул себя рубашкой.

Мэри с облегчением вздохнула. Благопристойность восстановлена. Ее миссионерское рвение было вознаграждено.

Питер критически осмотрел чернокожего. Что-то было не так. Сначала он не мог понять, в чем же дело! Ха! Кружево на повязке. Его стало распирать от смеха. Он сдерживался изо всех сил, так как знал, что сестра не одобрит его насмешек. Он зажал рот рукой, но это не помогло — его прорвало. Он внезапно заверещал и загоготал, как птенец кукабурры. А потом, давая волю веселью, он начал скакать вокруг аборигена, хохоча во все горло и показывая на него пальцем:

— Смотрите! Смотрите! У него повязка с кружевами! Девчонка! Девчонка, девчонка!

Он закружился в невообразимом восторге.

Мэри была шокирована. Но абориген знал теперь точно, зачем этот незнакомец постарше дал ему подарок. Облачение было сигналом к началу ритуального танца, началом праздника. Вот уже и малыш стал танцевать. Теперь очередь за ним.

Радостные скачки Питера были ничто по сравнению с прыжками аборигена. Он скакал и прыгал по всему оазису, символизируя поединок с врагом, изображая одновременно победителя и побежденного. Это был поединок между жизнью и смертью. У него в волосах не было перьев эму, его грудь и лицо не были окрашены красной охрой, но он держал над головой ствол яки, как дротик, и кусок эвкалипта — как дубину. Пронзая невидимого врага, увертываясь и делая ложные выпады, он парировал удары, сражаясь до изнеможения. Это был великолепный военный танец, который не раз исполняли на празднествах самые лучшие охотники племени.

Мэри с ужасом смотрела на это представление.

— Куп, куп, юрр-р-ра! Куп, куп, курр-р-ра!

Военный клич аборигена был похож на таяканье нападающего динго и гортанное рычание лисицы. Он весь ушел в свое сражение. Это был триумф победителя. Кругом сыпались удары дротика, дубина крушила и ломала все вокруг. Потом абориген начал превращаться в погибающего. Он хватался за грудь, выдергивая воображаемый дротик. Он ударял себя по лбу

и со стоном валился на песок. Противник с оглушительным победным криком набросился на него. С душераздирающим воплем побежденный воин повалился с гребня песчаной дюны и задержался на песке. А потом затих. Сражение закончилось. Начался победный парад.

Как взлетающий Вирикун-ворон, победитель спрыгнул с распростертого тела врага. Он потрясал сжатыми кулаками над головой. Его ноги высоко поднимались в гордом победном марше. После нескольких шагов он высоко подпрыгивал в воздух, забрасывая пятки назад так, что они звучно шлепались о ягодицы. Он извивался как ящерица, прыгал как кенгуру, носился как эму. Быстрей! Выше!

— Мугарей, мугарей, Мей, Мей,
Иху, иху, Дун-Гара,
Думу! Думу! Думу!

Так кричал абориген. Еще один прыжок, еще один поворот, и он вдруг замер перед белыми детьми.

Он снова был голым. Во время танца повязка распалась и подарок — символ цивилизации и нравственности — оказался втоптаным в песок пустыни.

Мэри сделала шаг назад. Ей стало страшно. Она не понимала символики танца. Может, этот дикарь-чернокожий решил убить их и для этого специально заманил подальше в пустыню. Она ведь читала про людоедов, которые устраивают дикие танцы вокруг своих несчастных жертв. Расширенными от страха глазами она смотрела на аборигена.

Чернокожий мальчик неподвижно стоял перед белой девочкой недоумевая, почему этот незнакомец не совершает вместе с ним ритуального танца. И вдруг ужасная догадка мелькнула молнией в его голове. Как он не понял этого раньше? Старший белый не был мужчиной. Это была лубра — девушка, коварная западня, которую поставили на его пути нинуа — ледяные люди, всегда приносящие несчастья!

Он сделал полшага вперед к девочке. Потом отпрянул назад.

Для аборигена вся жизнь четко разграничена на определенные стадии. Существует время, когда его носят на руках; когда его отнимают от груди, время, когда он ходит один; время, когда он становится мужчиной.

Черный мальчик сейчас находился в стадии обрядового изгнания и ходил по пустыне один. Каждый подросток, достигший тринадцати-четырнадцати лет, изгонялся из племени на определенное время. Детство кончалось. Теперь подросток, подчиняясь суровым наказам мудрых стариков, постепенно превращался во взрослого мужчину, полноправного члена племени.

Этот обычай бытует не во всех племенах австралийских аборигенов. Его придерживается только племя биндибу.

Испытуемый должен пройти по определенному маршруту, известному только старейшинам племени, от одного источника к другому. Переход занимает от шести до восьми месяцев и совершается в одиночку без всякой помощи со стороны племени. Это тяжелое испытание физических сил молодого аборигена, его способностей выжить в суровой пустыне.

Мальчик успешно выполнял обряд и уже прошел самую трудную часть маршрута. Но его тайный священный путь стал известен женщине. Это было страшное несчастье.

Питер удивленно смотрел на обоих. Он не мог взять в толк, что же случилось, ведь было так весело. И почему все так внезапно переменялось. Его недавняя беспечность исчезла, и он с тревогой прижался к сестре. И вдруг неожиданно заплакал.

Слезы малыша еще больше укрепили догадку аборигена: несчастье подкрадывалось к нему! Он медленно повернулся и по-нурому пошел в пустыню.

Окончание следует

В октябрьском номере журнала юнкоров появилось письмо-жалоба Иры Носовой из Магнитогорска на одноклассников: «Мне удалось услышать, что двое мальчиков собираются «сорваться» куда-нибудь на комсомольскую стройку или на Северный полюс. Они накопили денег...»

Я все рассказала учительнице! А она высмеяла их перед всем классом. А теперь они меня презирают! Что мне делать?»

В новом выпуске «Барабана» (см. стр. 18) Ире отвечают пионеры школы № 337. Печатаем и ответ писателя В. Суслова.

ДВЕ ОШИБКИ

Если говорить честно, мне симпатичны двое мальчиков, которые собирались удрать. Они ведь не на солнечные пляжи Черного моря нацелились, не на виноградники Грузии. Маршрут себе выбрали они на комсомольскую стройку: туда, где трудно, где ждет работа, где рождается новый, завтрашний день страны. А если на Северный полюс, то там тоже не позагораешь...

Но если говорить честно, то я бы этим двум симпатичным мальчикам все-таки всыпал. За ошибку в расчете. Допустим, добрались бы они до комсомольской стройки. Думаете, стали бы помощниками строителей! Ничего подобного! Обузой бы они стали. Что эти двое беглецов умеют делать? Валить лес? Сваривать металл? Строить дома? Увы, — ничего они еще не умеют. Нет в их руках никакой специальности. Не штукатуры и не плотники. А также не столяры, не бульдозеристы, не слесари. И пришлось бы комсомольцам-строителям думать: куда этих энтузиастов на жилье устроить? Чем кормить? Во что одевать

на морозе? И вообще — что с ними делать? Нет, не кричали бы строители громкое «ура» при встрече. Ругали бы двух симпатичных крепко и справедливо. Строителям работать надо, каждая минута на счету, а тут возись с этими несмышлянышами!..

Не учили этого два симпатичных беглеца. А не учили — значит, совершили ошибку.

Однако почему они вдруг бежать решили? Наверное, потому, что там — на стройке — интересно. Трудно, но интересно. А тут, дома, в Магнитогорске? Наверное, не интересно. Легко и не интересно. Пионерские сборы — все сплошь праздничные, ни одного делового, ни одного просто так — чтобы собраться вместе да поиграть хоть. Стенные газеты — тоже только по большим праздникам да к Новому году. Трудовые дела — лом да бумага... А что-нибудь еще — никто придумать не хочет. Зачем? Не требуют ведь... Есть у них отряд, есть звеньевые, а запевалы в отряде нету, заводилы нету... Самим взяться? Попробовать рассказать полусонных? Н-да... Это тебе не удрать куда-нибудь на

готовенькую комсомольскую, тут самому надо... На стройке-то проще: конструкторы все уже продумали, инженеры рассчитали, бригадиры в карманах наряды на производство работ имеют. А тут — самим думать надо. Потом набраться смелости — и предложить. А потом еще бороться с теми, кто давно привык ничего в отряде не делать, которым все «до лампочки», у которых одна забота: лишь бы их не трогали, не беспокоили. Попробуйте-ка в этот «пассив» пальцем ткнуть! Он, знаете, каким сразу «активным» станет, как выступит против любого начинания! Безобразие, мол, потревожили!..

С равнодушными воевать еще ой-е-ей какая смелость нужна! Со скукой бороться, знаете, сколько сил приложить нужно?!

Н-да, симпатичные мои беглецы, вы себе наиболее легкий вариант выбрали: удрать — и дело с концом! Пусть они сами там разбираются.

И, если уж говорить честно, мне совсем не симпатичен поступок Иры Носовой.

Ей, значит, «однажды удалось услышать...» Вслушайтесь

в эти слова! Ничего в них определенного, все расплывчато: кто-то где-то что-то случайно сказал... А если это неправда? А если это сплетня? Зачем же немедленно верить и также немедленно бежать сообщать дальше? Ведь если тебя что-то взволновало — узнай как следует! Так ли это? Ира ведь могла и самих мальчишек спросить. Они ведь в одном с нею пионерском отряде, в одном классе! Ведь если Иру настоящее беспокойство одолело — зачем шептать? Громко надо, во всеуслышание. Открыто и честно!

«Теперь они меня презируют...» «Что мне делать?..»

Сложный вопрос. Утраченного доверия мгновенно назад не воротишь. Необходимо время. Мальчишки, наверное, уже поняли, что не со зла ты бежала к учительнице, а просто допустила ошибку. Из самых добрых побуждений. Теперь нужно время на то, чтобы мальчишки поверили: больше ты таких ошибок не совершишь, поняла — и не повторишь.

А поверить они должны. Ведь ошибок-то было две: у тебя и у них.

Вольт Николаевич Суслов рассказывает ребятам о своей новой книге стихов

Раздел ведет писатель Н. СЛАДКОВ

Зайчата

Я хочу рассказать про трех зайчат. Были они совсем маленькие, когда в весеннее половодье попали на маленький островок. С островка их спасли и привезли в наш дом. Зайчата лежали в углу не шевелясь. Но на другой день они запрыгали, осмелели и к вечеру забегали по всем комнатам. Зайчата залезали под диван, под холодильник и куда только удавалось. Ели они капусту, морковь и хлеб. Потом зайчат пересадили в клетку во дворе. Наверное, это им не понравилось, они прогрызли дырки, и два зайчонка успели убежать. Через несколько дней мне удалось поймать одного, но самый-то маленький убежал неизвестно куда. Когда вода сошла, я и моя сестра Аня понесли двух оставшихся зайчат выпускать. Посадили их на траву. Зайчата отбежали недалеко и прислушались. Они как будто не верили, что их отпустили на свободу. Но потом они поскакали и скрылись в траве...

Марина Сильдос,
Томская обл.

Сообщают Голубые патрули

Наш отряд помогает ихтиологам вот уже третий год. Руководит отрядом Светлана Георгиевна Горьковенко, ихтиолог Амуррыбвода.

В дни весенних каникул наши ребята вместе с работниками Амгуньской инспекции поехали на озеро Кривое — оно у нашего патруля под наблюдением. На озере создалось угрожающее положение: рыбе не хватало кислорода. Времени терять было нельзя. Мальчики вместе со взрослыми принялись вырубать во льду проруби. Это было трудно, лед был метровой толщины. Проруби соединяли желобами и тогда за дело брались мы, девочки. Лопатами мы гнали воду по желобам, чтобы насытить ее кислородом... Так была спасена рыба в озере Кривом...

Как щука воробья проглотила

Собрались мы с дедом на рыбалку. Дед запряг старую лошадь Машку, и мы поехали. Приехав на место, развернули удочки, наладили блесны, стали ловить. Дед быстро поймал здорового линя. Потом я вытащил окуня. Тут я увидел в небе ястреба. Ястреб снижался, и тогда стал заметен и маленький воробышек. Воробышек летел совсем над самой водой. Мы с дедом стали кричать, отпугивать ястреба. Он улетел. Но воробей со страху все равно шлепнулся в реку. Мы стали думать, как его спасать: воробей хоть и наглотался воды, но шевелил крылышками. Тут я услышал сильный всплеск. Воробья не было... «Это щука», — покачал головой дед и, раскрутив блесну, забросил ее в камыши. Через час мы поймали большую щуку. Когда дома бабушка выпотрошила ее вместе с другой рыбой, она позвала меня и сказала, что первый раз видит в щуке птичьи перья. Но я понял, что это бедный воробей...

Слава Карпаев,
Северо-Казахстанская обл.

Потом наш Голубой патруль помогал санитарной комиссии осматривать берега Амгуни. Наши ребята выявляли нарушения санитарных правил, объясняли населению прибрежных деревень законы, охраняющие рыбу, составляли акты и протоколы. За эту помощь членам Голубого патруля были вручены памятные медали и значки — «Юному другу природы».

В Хабаровске на краевом слете юннатов мы узнали, что наш Голубой патруль за работу по охране родной природы занял первое место. Нам вручили грамоту Хабаровского крайкома ВЛКСМ. Еще мы получили в подарок настоящую лодку.

В этом году мы постараемся сделать еще больше в деле охраны природы и будем дружно и крепко держать свое первое место!

Галя Светлова,
председатель отряда «Голубой патруль»

Сообщения Зеленых патрулей

Наши Зеленые патрули действуют в школьном лесничестве «Берендей». Мы помогаем ученым Института леса и по их заданиям решаем научные проблемы. Наши Зеленые патрули проводят рейды в пригородных лесах, ухаживают за посадками, разыскивают памятники растительного мира и проводят «Дни лесной науки» в школах — чтобы научить малышей беречь родную природу. Лесничество «Берендей» — одно из лучших в Карелии, а многие наши «берендеи» — слушатели Малой Лесной академии при Институте леса.

*„Берендей“,
слушатели 3-го курса
Малой Лесной академии*

Зеленый патруль

ТУК-ТУК, ИЛИ СПРАВОЧНЫЙ ОТДЕЛ СТАРОГО ДЯТЛА

наблюдать и ухаживать. Но где мне прочитать об аквариуме и рыбках?

С пионерским приветом *Таня Хомылева,
Якутск*

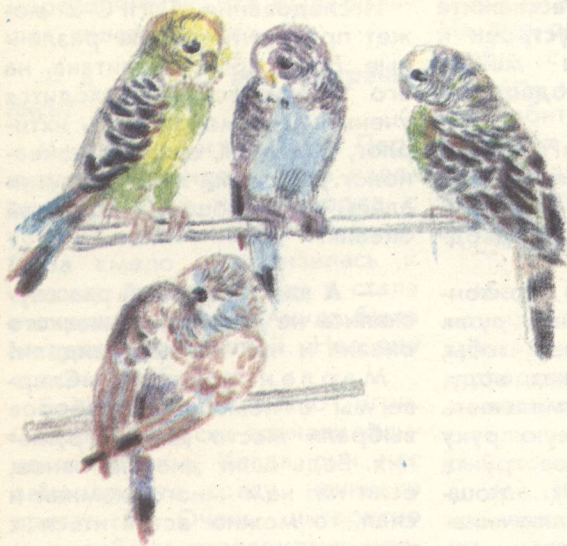
Тук-тук, дорогая Таня!

Я назову тебе две книги. Прочитав хотя бы одну из них, ты будешь знать, как ухаживать за аквариумными рыбками.

1. Полканов Ф. М. Подводный мир в комнате. М., «Детская литература», 1970.
2. Махлин М. Д. Занимательный аквариум. М., «Пищевая промышленность», 1966.

СТАРЫЙ ДЯТЕЛ,
зав. справочным отделом

Оформление Е. Галеркиной

Дорогой Дятел! У меня появился волнистый попугайчик. Расскажите, пожалуйста, как за ним ухаживать и как его кормить? Привыкнет ли он ко мне?

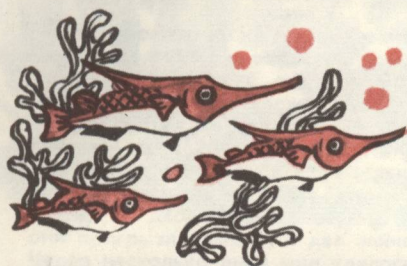
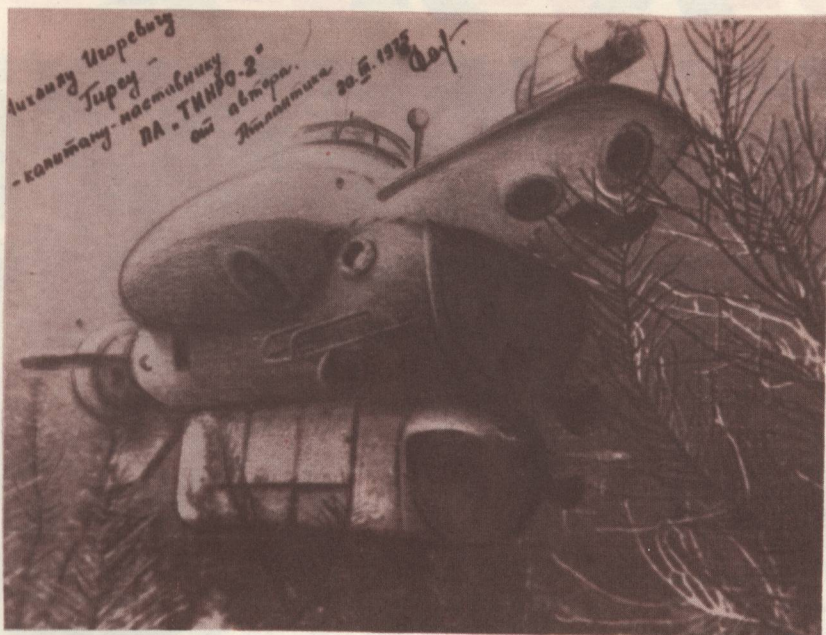
Валерий Рябов, Тамбов

Тук-тук, дорогой Валерий!

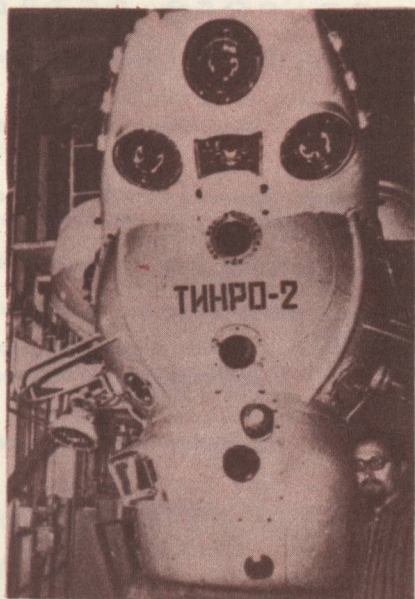
Волнистый попугайчик особенного ухода и не требует, главное, не забывай его кормить два раза в день: утром давай зерновую смесь, а вечером подкормку — свежую капусту, тертую морковь, салат, творог, рубленое яйцо, измельченную яичную скорлупу, кашу, булку, размоченную в молоке... Привыкнет попугайчик к тебе быстро...

Дорогой Дятел! У меня к тебе большая просьба. У нас — аквариум с рыбками. Мне интересно за ними

У нас в гостях известные советские гидронавты: капитан — наставник подводного аппарата ТИНРО-2 Михаил Игоревич Гирс и начальник лаборатории подводных исследований Всесоюзного научно-исследовательского института рыбного хозяйства и океанологии Марлен Павлович Аронов.

— Пожалуйста, расскажите о ТИНРО-2. Как он устроен и какие исследования можно проводить на этом подводном корабле?

Михаил Гирс: «По своим размерам ТИНРО-2 похож на маленький катер, а еще точнее, на миниатюрную подводную лодку.

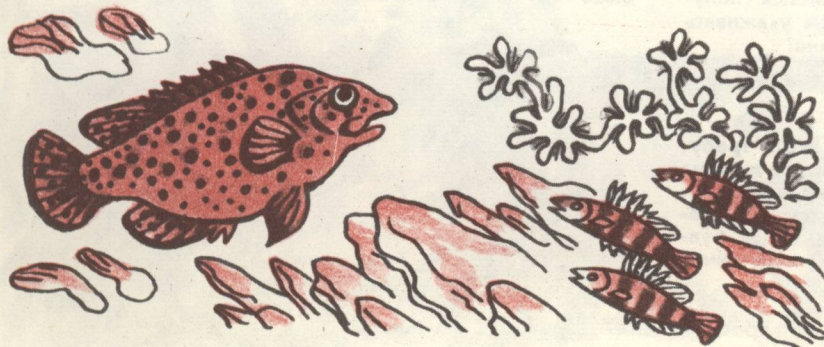
Аппарат имеет горизонтальные и вертикальные рули. Специальные цистерны, чтобы, принимая или выпуская воду, увеличивать или уменьшать свой вес. Механическую руку для подъема образцов грунта или донных животных. Мощные прожектора и иллюминаторы для наблюдения.

Исследования ТИНРО-2 может проводить самые различные. Ведь, кроме капитана, на его борту всегда находится ученый. Это может быть ихтиолог, гидролог, археолог, океанолог. Словом, любой специалист, изучающий Мировой океан».

— А как вы первый раз спустились на дно Атлантического океана и что вы там увидели?

Марлен Аронов: «Сперва мы с помощью приборов выбрали место для погружения. Ведь если дно неровное, если на нем много камней и скал, то можно встретиться с трапами или сетями, которые теряют рыбаки. Мы не хотели встречаться с оборванным трапом и сетями, и выбрали на дне океана ровную, гладкую поляну.

Когда стали спускаться, мы подумали, что все будет так, как пишут в книгах, что вода за бортом будет сперва желтая, потом зеленая, затем темно-синяя и темно-фиолетовая, за которой наступит чернильная темнота.

Атлантического океана

А тут, мы спустились на 200 метров — и вода за стеклом иллюминатора была светлая. Не включая прожектора, мы хорошо видели дно океана. Оно было гладкое и песчаное, а водорослей совсем мало. Но зато рыб было много.

Первыми к нам подплыли рыбы-бекасы. У них были очень длинные носы, и они были очень любознательные. За ними появились похожие на блюдечки рыбы-пятаки. Потом важно приплыл мероу — морской судак. Это была большая толстая рыба».

— А акулы вам встречались?

Михаил Гирс: «Да. Первую акулу увидели еще издали. Огромная тупая морда с узкой щелевидной пастью. Рыба смело приблизилась к самому иллюминатору и стала нас разглядывать. Акула была метров пять длиной. Нас она совсем не боялась».

Боялись нас только угри. Обычно из песка торчали только их головы. Когда они нас замечали, то сразу начинали прятаться. Очень интересно вели себя и головоногие моллюски-кальмары. Завидя нас, они подплывали на несколько метров и, выстрелив своей «чернильной бомбой», ждали, что с нами будет».

— А что было самое интересное?

Марлен Аронов: «Самое интересное было не в Атлантическом океане, а в Средиземном море. Когда мы опустили на дно и вклю-

чили прожектор, подводный мир сразу же расцветился яркими и неожиданными красками».

Красивые морские губки были розового цвета, а усатые лангусты — красного.

Все растения и рыбы имели свой цвет и оттенок. Это была незабываемая картина».

— Но вы спускались на дно океана не для того, чтобы полюбоваться красотой его обитателей?

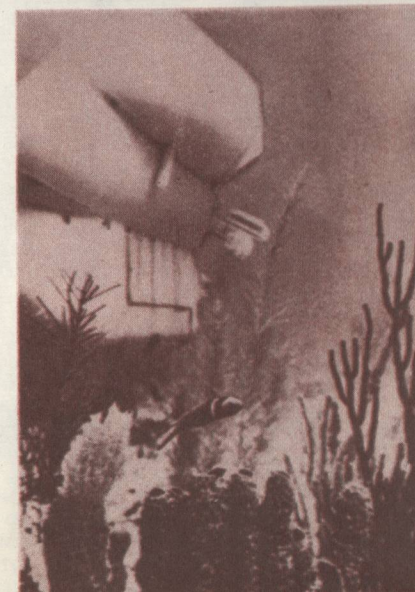
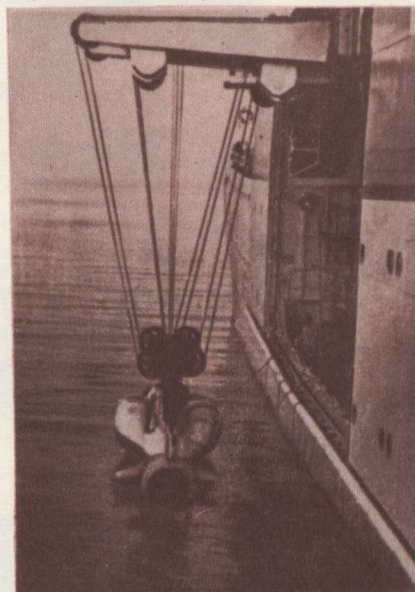
Михаил Гирс: «Конечно! На дно океана мы спускались, чтобы с помощью аппарата изучать миграции рыб и других обитателей океана, для изучения биологических ресурсов, для наблюдений за нерестилищами и грунтами».

— А что такое «Ихтиандр»?

Марлен Аронов: «Для исследования космоса существуют ракеты-носители. А для исследования океана — корабли-носители. «Ихтиандр» — носитель нашего ТИНРО, который помещается на корабле в ангаре. И вообще, профессии космонавта и гидронавта имеют много общего. Там и здесь нужна большая предварительная подготовка. Там и здесь еще много неясного и неизведанного. Да, да, не удивляйтесь: Мировой океан ученые пока знают не намного лучше, чем Луну».

Настоящая работа у космонавтов и гидронавтов, по существу, только начинается».

Записал В. ВЕРХОВСКИЙ
Фото М. Аронова
и М. Гирса

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит
под редакцией
контр-адмирала
Н. СКОСЫРЕВА

Оформление
Р. Попова

Год издания 20-й

СМЕЛОЕ РЕШЕНИЕ

Однажды советская подводная лодка патрулировала в норвежских фьордах. Командовал лодкой отважный подводник Магомед Гаджиев. Шестые сутки были на исходе, но море оставалось пустынным...

«Неужели так и вернемся ни с чем?» — думал Гаджиев. Вдруг он заметил в перископ большой фашистский транспорт. Транспорт шел далеко — торпедами не достать. И шел полным ходом, удаляясь от подлодки. «Уйдет, — подумал Гаджиев. — А на транспорте — пушки, танки, фашистские солдаты!»

Гаджиев на глаз прикинул скорость транспорта, расстояние до него и решил: «Догоним и будем драться наверху...»

По отсекам лодки раздалась команда: «К всплытию! Артиллеристам — в центральный пост!»

Лодка вынырнула на поверхность моря. Командоры бросились к орудиям. Полным ходом лодка догоняла транспорт. Риск был велик: ведь транспорт мог быть хорошо вооружен! Все расчеты Гаджиев строил на неожиданности да на том, что фашисты никак не ожидают такого: чтобы лодка сама завязала бой наверху. Ближе и ближе транспорт. Приготовились комендоры. И тогда Гаджиев скомандовал: «По транспорту! Залп!»

Снаряды сразу же поразили цель. Транспорт загорелся и начал оседать на корму. Его капитан повернул к берегу и попытался уйти. Должно быть, он решил выбросить судно на скалы и спасти груз... Но было уже поздно. Отлично работали комендоры подлодки. Снаряд за снарядом достигал транспорт. Его не могли спасти даже подоспевшие на помощь фашистские самолеты. Еще мгновение — на транспорте взорвались котлы и он быстро пошел ко дну...

А подлодка Гаджиева погрузилась на глубину и ушла от преследования.

Это был первый случай в Великой Отечественной войне, когда подводный корабль на поверхности моря догнал неприятельское судно и потопил его своей артиллерией. И недаром коммунисту-подводнику Магомеду Гаджиеву позднее за многие подвиги было присвоено высокое звание Героя Советского Союза...

Магомед Гаджиев

Г. ГУСЕВ

ОКЕАНСКИЙ ТЕЛЕГРАФ

СООБЩЕНИЕ С БАЛТИКИ

Сигнал «SOS» приняли советские спасательные суда со шведского теплохода «Луосса». Повреждения «Луоссы» были серьезные: из-за большой трещины тяжело нагруженное судно могло переломиться пополам. Советские спасатели помогли снять с «Луоссы» груз — несколько тысяч тонн. Облегченная «Луосса» была отбуксирована с мели. И груз и судно были спасены. Шведские моряки сказали, что они никогда не забудут помощи советских моряков.

Организовали КЮМ

Мы организовали Клуб юных моряков в нашем четвертом «а» классе. Пока в КЮМе десять человек. Начали изучать азбуку Морзе, флажный семафор и сигналы кораблей. Летом мечтаем построить парусную лодку. На последнем занятии решили выпускать морскую стенную газету.

*Капитан клуба Вова Иванюков,
поселок Актау
Карагандинской области*

С ЧЕГО ЖЕ НАЧАТЬ?

«Нам никто не хочет помогать!», «Хотим создать клуб, а как?», «Мечтаем о море, а море — далеко...», «Хорошо тем, кто в городе, а мы живем на селе. Как же быть?», «С чего начать? Не знаем...» — вот с такими вопросами обращаются многие читатели в «Морскую газету»...

Нам кажется, причина совсем не в том, что живешь не в городе. И даже не в том, что никто не хочет помогать... По-настоящему хотеть и самим всего добиться — вот в чем дело.

Живут в одном маленьком поселке ребята. И от моря они далеко. И начинали все сами, без чьей-либо помощи. Теперь у них — настоящий КЮМ, свой морской музей. Они участвовали в заочных морских экспедициях, ездили на экскурсии к морю, дружат с экипажами настоящих судов, переписываются со знаменитыми моряками и делают еще многое и многое — важное, нужное и интересное... «Морская газета» не раз писала об этих ребятах и помещала их корреспонденции (посмотрите хотя бы «Морскую газету» № 4, 1975 год). И если вы тоже не знаете, с чего же начать, напишите этим ребятам, они не откажут, помогут — и советом и делом. Их адрес: Иркутская область, Бодайбинский район, поселок Мамакан, школа, клуб «Золотой Рог», юным морякам...

«Морская газета»

Юные моряки из Мамакана

ВЫСТАВКА ПИНГВИНА

В ПОРТУ, Володя Ильин, Павлодар

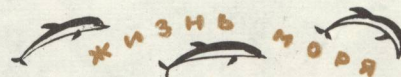
Маленький кораблик

Скоро пристань будет,
скоро — Юность.
Уплывает мой кораблик детства.
Подожди, мой маленький кораблик,
Дай ты мне на детство наглядеться!

Насмотреться на его просторы,
На счастливых дней его минуты...
Уплывает маленький кораблик —
Впереди туманом путь окутан.

И видна уже одна лишь мачта —
За туманы уплывает детство.
Ты вернись, мой маленький кораблик!
Дай ты мне на детство наглядеться.

Лена Сахарук, 6 класс, Кемерово

ЗАБОТЛИВЫЕ ПАПЫ

Папа — морской конек носит новорожденных детенышей на животе, в складках кожи, словно в сумке.

Папа-симфизодон — есть такая рыбка в Бразилии — таскает своих детенышей на спине.

Но лучше всех, пожалуй, бережет свое потомство папа-телания — африканская рыба. Телания носит потомство прямо во рту! Малютки телании сидят во рту тихо, не высовываются... А когда подрастут и начнут затевать в папином рту возню и драки, папа открывает рот пошире и маленькие телании отправляются в самостоятельное плавание.

УМИРАЮЩИЙ РАЙ

Александр ИВАНЧЕНКО

Рисунок В. Топкова

Когдаходишь к Нукухиве с востока, кажется — остров висит в воздухе. Его скалистые пики словно вколочены в плотные сизые облака. А сам берег скрывает дымка.

В прошлом, когда возле Нукухивы появлялись иностранные корабли, навстречу им из бухты Тайохайе, отгороженной от океана двумя лобастыми базальтовыми кряжами, выходили сотни боевых катамаранов и туземных пирог.

К нам не вышел даже лоцманский катер. Напрасно ждали мы его на рейде. Пришлось промерять глубины и входить

в бухту самим. Как позже выяснилось, лоцмана в Тайохайе нет. Столица Маркизского архипелага — всего лишь деревенька: полсотни хижин, несколько домов, крытых красным железом, две церквушки — протестантская и католическая, ветхий дощатый магазинчик и длинный приземистый пакгауз — склад копры.

Всю администрацию девяти островов Маркизского архипелага представляют управляющий, пять чиновников, два священника, врач, два агента по заготовке копры, лавочник, радист и полицейский сержант,

вручивший нам отпечатанный на глянцевого бумаги «Нотис» — правила поведения для иностранцев, прибывших на Маркизы. Длинный список всевозможных запрещений: нельзя заниматься обменной торговлей с туземцами, продавать им спиртные напитки или что-нибудь покупать у них, запрещается делать покупки в местном магазине на иную валюту, кроме французских тихоокеанских франков, нельзя выходить за пределы поселка без разрешения администрации... Всех «нельзя» и «запрещается» в «Нотисе» больше сотни.

— Э, мсье, ерунда все это, можете не читать, — сказал сержант с улыбкой, совсем не похожей на улыбку полицейского. Он был забавный, этот белобрысый толстяк. На широком кожаном ремне, там, где обычно у полицейских должна быть кобура с пистолетом, у него висело длинное махровое полотенце, которым он время от времени вытирал лицо и шею. — Вы, думаете, мсье, — говорил он, работая полотенцем, — мы часто видим иностранцев? Как бы не так! Последнее судно было лет пять назад, англичане заходили. Они со мной облазили весь остров, если желаете, могу и вам кое-что показать.

— Ну, нет, сержант, теперь моя очередь, — запротестовал коренастый парень, стоящий в толпе любопытных. — Не слу-

шайте его, мсье, он заговорит зубы кому угодно. Это же Этьен Фризон, он набрасывается на каждого свежего человека и заставляет его лазить по всем нашим горам.

— Конечно, — театрально взмахнул руками сержант, — Фризон набрасывается на всех приезжих, а Жак Паради скромно стоит в сторонке! Поговорить с новым человеком ему совершенно не интересно. Вы думаете, мсье, это правда?

Не знаю, чем закончился бы этот спор за право быть нашим гидом, если бы к нам не подошел главный администратор архипелага Альберт Руан, молодой худощавый брюнет в ослепительно белом тропическом костюме. Шорты, шелковая безрукавка и традиционный пробковый шлем.

— Добро пожаловать, — по-

здоровался он, учтиво улыбаясь. — Чем могу быть полезным?

Наше научное судно работало в тропиках, где вечное лето, а в своей столовой питались по-северному: мясо мороженое, овощи и фрукты сухие или соленые. Давно хотелось чего-нибудь свеженького. Да и вода пресная была на исходе. За этим мы и зашли на Маркизы.

— О, фрукты вы можете взять у нас бесплатно. Здесь их не меньше, чем воды. Пожалуйста, собирайте сколько пожелаете.

Народу нас встречало сотни четыре, все население поселка, и было видно, что щедрость администратора все одобряют. Мы не ожидали такого приема и чувствовали себя неловко. Администратор, наверно, понял это, снова улыбнулся.

— Вы уже заплатили нам тем, что зашли к нам. Мы давно не видели людей с материка.

Пока наши матросы во главе с сержантом Фризоном и чиновником Паради собирали в окрестностях поселка фрукты, я бродил по острову, любовался природой.

Правду писал о Маркизах известный ученый Тур Хейердал: «Если рай существует, то здесь для него самое подходящее место». Тут звенит ручей, там шумит речка, а там, дробясь и сверкая на солнце, гремит водопад. В воздухе горьковатый привкус моря, запах сочной листвы, цветов, перезрелых цитрусов. Стоял январь — месяц созревания третьего урожая. Я шел обрывистым берегом моря, и ноги мои тонули в гниющих апельсинах. Убирать их некому. Да и незачем. Кому они нужны? Раз в месяц с Таити приходит торговая шхуна.

Однако на Таити фруктов и своих довольно, поэтому население Маркизского архипелага живет, в основном, за счет копры — высушенной мякоти кокосовых орехов, из которой потом выжимают кокосовое масло. Но все маслостроения находятся на Таити. На Маркизах вообще нет никаких промышленных предприятий. Правда, кроме заготовки копры, местные жители занимаются еще рыбным промыслом и ловлей жемчуга, но рыбу промышляют только для себя, а жемчуг никакой особой прибыли не дает. В здешних водах его слишком мало и за жемчужницами охотятся не профессиональные водолазы, а просто ныряльщики-любители.

Я смотрел на чудесную природу Нукухивы и думал о маркизанцах, о могучем стотысячном племени, которое так быстро исчезло с лица земли. Еще живы посаженные ими, но уже одичавшие сады, еще стоят в кущах буйной зелени их полусгнившие хижины, еще высятся над черными пропастями их неприступные каменные крепости, а сами они исчезли.

В начале прошлого века на Маркизском архипелаге жил

один из самых могущественных и наиболее развитых народов Полинезии. Никто на тихоокеанских островах не сопротивлялся так нашествию европейцев, как маркизанцы.

Дольше всех держались племена, населявшие остров Фату-Хива.

Впервые с европейцами фатухивцы столкнулись в 1595 году, в день открытия Маркизского архипелага. У Фату-Хивы стали на якорь три корабля испанского конкистадора Менданьи. Потрясенные зрелищем невиданных кораблей, островитяне вышли на своих каноэ приветствовать гостей. В руках они держали кисти бананов и другие тропические плоды, — показывая, что идут с мирными намерениями. Испанцы пригласили их на корабли, отобрали подарки и тут же шесть человек убили — продемонстрировали силу огнестрельного оружия.

Потом, уже в восемнадцатом веке, на Фату-Хиву зачастили английские и американские китобои. Они никогда не убивали, но, угрожая громом пушек, требовали свиней, фруктов, жемчуга.

Взяв дань, китобои уходили, а на острове вспыхивали эпидемии. Ни один визит европейцев не приносил островитянам ничего, кроме жертв. В конце концов фатухивцы поняли, что с чужестранцами лучше не связываться. Покинув легко доступные прибрежные районы, они переселились в высокогорные каменные крепости и никого туда не допускали. Завладеть их бастиями, которые были построены по всем правилам оборонительного искусства, французы не могли очень долго. Они пытались было укрепиться на побережье, но всякий раз, когда гарнизон европейцев высаживался на остров, среди солдат скоро начиналась паника.

Неуловимые фатухивцы, казалась, сидели за каждым кустом. Стоило солдату зазеваться, и он тотчас попадал в руки островитян.

Только после длительной войны, которая продолжалась

несколько десятилетий, французам удалось захватить восемь из девяти островов архипелага. Это им удалось после того, когда острова стало некому защищать. Стотысячный народ погиб почти полностью. Французам оставалось только объявить опустевшие острова своей собственностью.

Фатухивцы были удивительным народом. Светлокожие, как мало кто в Полинезии, с правильными чертами лица, они были отважные воины и великолепные мореходы, чьи катамараны делали набеги на самые дальние острова Полинезии. Они строили грандиозные сооружения из камня и славились умением высекать в скалах величественные скульптуры. Занимались земледелием, морскими промыслами, любили песни, пляски и в общем были незлобивы. Но все это не мешало им слыть страшными людоедами. Именно слыть.

«Нет сомнения в том, — писал Миклухо-Маклай, — что спасению папуасов от полного истребления в значительной мере способствовала выдумка европейцев о якобы населяющих Новую Гвинею страшных людоедах. Да, представьте себе, у них хватило сообразительности не развеивать ужасные мифы, а сочинять о себе еще более неприглядные небылицы, от которых у легковверных европейцев холодела кровь».

Не меньший ужас на европейцев наводила и Фату-Хива.

Но теперь все в прошлом, все было когда-то. Как и на других Маркизских островах, на Фату-Хиве сейчас живет всего несколько десятков метисов. Рыбаки и сборщики копры.

Перед нашим отплытием из Тайохайе я был в гостях у администратора архипелага. Мы говорили о прошлом, настоящем и будущем Маркизских островов. Я запомнил его слова:

— Маркизы — умирающий рай. Здесь можно жить, но для этого нужны люди, а людей нет.

Без человека все умирает, даже острова вечной весны.

ДЕВУШКА УХОДИТ В РЕВОЛЮЦИЮ

У нее были красивые длинные косы и большие лучистые глаза.

Только косы ей часто приходилось прятать под парик — так проще было скрыться от шпиков.

В рыжем парике, в мужском потертом пальтишке она проходила мимо царских жандармов с чемоданом, полным браунингов, и жандармы пропускали ее, приняв за парнишку-рабочего, и потом долго ждали девицу-революционера.

В письмах к Ленину в «Искру» она подписывалась своим именем — Таня. Но знали это имя лишь несколько человек в партийном комитете. Для других у нее были конспиративные клички: Волгина, Новорыбная, Акушерка, Волевая, даже Гейна Гейновна Генрих.

В 14 лет она приехала из провинциального городка в Одессу, стала работать на уксусной фабрике — мыла бутылки. Рабочий день устанавливал на фабрике сам хозяин. К концу смены он незаметно переводил стрелки часов, как хотел, иногда на час — полтора, иногда и на три. Таня однажды выследила его и позвала работниц. Женщины едва не разорвали жульничающего хозяина, и на фабрике был установлен нормальный рабочий день.

В партию Таня вступила в 1903 году, а в 1905 уже дралась на баррикадах.

Из Одессы ее, как опытного конспиратора, потребовали для революционной работы в Петербург. Там она познакомилась сначала с Надеждой Константиновной Крупской, а потом и с Владимиром Ильичем Лениным.

Долгое время она была неуловимой для шпииков. Устраивала подпольную типографию, руководила доставкой транспорта оружия для большевистских дружин, была агитатором в рабочих районах столицы.

Несколько раз жандармам удавалось напасть на ее след, ее сажали в тюрьму, но доказать ничего не могли, так умело маскировала свою революционную работу двадцатилетняя Таня.

Больной, с простреленным на баррикадах легким, ей удалось скрыться за границу. Там, под Парижем, в Лонжюмо она училась в ленинской партийной школе.

А потом снова подпольная работа и, наконец, революция. Татьяна Федоровна в Москве — руководит боевыми отрядами большевиков.

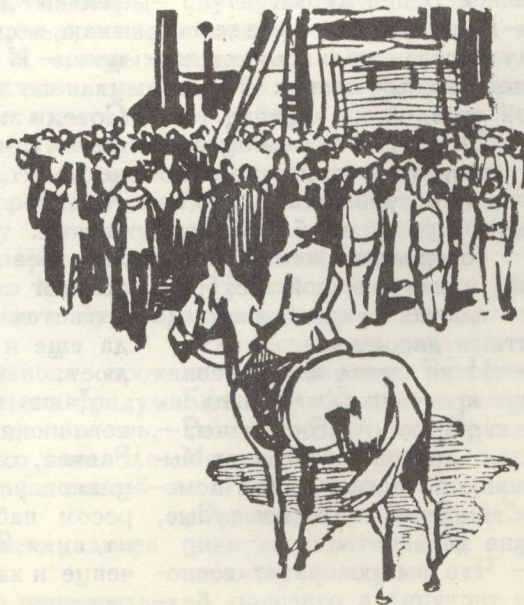
Татьяна Федоровна стала коммунисткой семьдесят три года назад, и каждый день ее жизни был отдан делу нашей партии. Не зря,

обращаясь к читателям книги, сама Татьяна Федоровна пишет: «Нет на земле высшего счастья, чем быть членом великой партии Ленина».

О героической жизни известной революционерки Татьяны Федоровны Людвиновской рассказывает писательница Вера Морозова в книге «Пятое окно от угла». Книга вышла в издательстве «Детская литература» в 1975 году.

Валерий ВОСКОБОЙНИКОВ

Портрет девушки

Крестьянка Тверской губернии

Петербург прошлого века. В конференц-зале Академии художеств выставка.

Публика, привыкшая к чопорным произведениям художников старой школы, удивленно рассматривает портреты крестьянок Венецианова.

— Ве-не-ци-анов, — раздельно, вслух прочел подпись под картиной важный старик с орденой звездой на лацкане.

— Видать, из итальянцев, — все супротив правил: и колера, и рисунок, да и содержание картин не благородно. Нет совершенно тем из римской или греческой истории! Все какие-то крестьянки да скотные дворы...

— И не видал я в деревнях таких крестьян. Уж больно они на картинах благообразны, — сказал другой посетитель выставки, по виду заезжий помещик. — Деревенские все тупые, тощие да забитые.

— Что вы говорите, господа! — вступил в разговор бед-

но одетый студент. — И не итальянец он вовсе, а наш российский живописец — Венецианов Алексей Гаврилович.

— Это не тот ли Венецианов, которому деревня Сафонково принадлежит? Я ведь тоже из Тверской губернии, все деревеньки да усадьбы тамошние знаю, — сказал заезжий помещик. — И о господине Венецианове тоже кое-что слышал. Соседи про него говорят, что ни с кем из них он дружбы не водит, на балы не ездит, только художествами и занимается.

— Безобразие! — заворчал сарановный старик. — Помещик называется! Распустил холопов да еще и портреты с них маляет.

Давно не было такого жаркого июля, как летом 1823 года. Раннее, солнечное утро, Венецианов уже на ногах и с интересом наблюдает, как его жена, сидя за столом, в утреннем чепце и халате, отдает распоряжения дворовым девушкам.

ДОБРАЯ

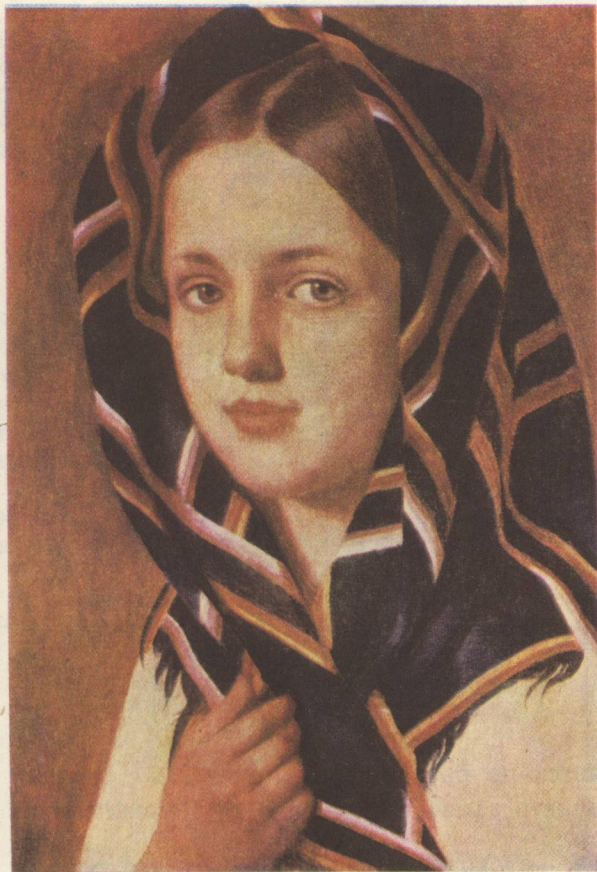
Лицо помещицы немногим отличается от лиц этих двух крестьянок. В нем нет ничего „помещичьего“. Одна из девушек внимательно, без рабского подобострастия слушает барыню, другая же с удивлением смотрит на Венецианова, который, стоя в дверях с карандашом и бумагой, что-то рисует.

— Вот чудной барин! — думает девушка. — Барыня с утра до вечера по хозяйству хлопочет, а он картинки рисует!

Картинки? Нет, не картинки! Так рождалось одно из самых выдающихся полотен русской живописи — „Утро помещицы“.

Венецианов вышел на двор. Там его ждали самые любимые ученики — Григорий Сорока и Тыранов, оба с этюдниками.

— Какое чудесное утро, друзья мои! — воскликнул Ве-

Девушка в платке

Девушка с бурачком

КИСТЬ

нецианов, — самое подходящее для этюдов! Пойдемте-ка в лес!

И они отправились в небольшой лесок, где крестьянские девушки собирали ягоды.

— Вы только взгляните, господа! — сказал Венецианов. — Какие красавицы. Учась в Академии, я исколесил всю Италию вдоль и поперек, но, поверьте мне, не найти более замечательных, более красивых и живописных девушек, чем наши, русские! Зачем изображать сцены из римской истории! Разве видели мы своими глазами сражения Юлия Цезаря! Переход Ганнибала через Альпы? Разве они нас волнуют? Лишь повинувшись приказу профессора в чиновничьем мундире, холодно и равнодушно рисует на эти темы студент Академии. Взгляните, насколько

ко ближе нам, чем греческие и римские герои, вот хотя бы та девочка с бурачком, собирающая ягоды?

Услышав, что барин говорит о ней, девочка обернулась. Венецианов и его ученики залобовались ее прекрасным лицом, здоровым, густо покрывавшим щеки румянцем, красиво вышитой рубашкой и зеленым сарафаном. Множество самых разнообразных чувств выражало девичье лицо: тут и легкий испуг, и удивление, и досада.

Картина, на которой вы можете увидеть эту девушку, находится в Государственном Русском музее. Она так и называется — „Девушка с бурачком“.

Картины Венецианова просты. В них нет ничего придуманного. Ведь когда знаешь, что тебя рисуют, то поневоле напрягаешься, теряешь спокойствие.

О крестьянках Венецианова этого не скажешь.

Вглядитесь в его изумитель-

ную по теплоте чувства картину „Гадание по картам“.

Представьте себе темный вечер. Проходя мимо людской, художник заглянул в приотворенную дверь и увидел двух горничных, гадавших на картах. Осторожно, стараясь не спугнуть, смотрел он на эту спокойную, дышащую миром сценку... Потом, поднявшись к себе в мастерскую, принялся за работу.

Наверное, так оно все и было. Впрочем, почему „наверное“? Замыслы всех его работ рождались в наблюдении за повседневной жизнью.

Целые поколения русских художников воспитывались на художественном наследии Алексея Гавриловича Венецианова. Его полотнами восхищались Репин и Суриков, Куинджи и Маковский.

И до наших дней сохраняют „Крестьянские женщины“ Венецианова свое обаяние и притягательную силу.

Д. НОРИН

МИЛЛИОН

Даниил ХАРМС

*Шел по улице отряд —
сорок мальчиков подряд:
раз,
два,
три,
четыре,
и четыре
на четыре,
и четырежды
четыре,
и еще потом четыре.*

*В переулке шел отряд —
сорок девочек подряд:
раз, два, три, четыре,
и четыре на четыре,
и четырежды четыре,
и еще потом четыре.*

*Да как встретились вдруг,
стало восемьдесят вдруг!
Раз,
два,
три,
четыре,
и четыре
на четыре,
на четырнадцать
четыре,
и еще потом четыре.*

*А на площадь
повернули,
а на площади стоит
не компания,
не рота,
не толпа,
не батальон,
и не сорок,
и не сотня,
а почти что
МИЛЛИОН!*

*Раз, два, три, четыре,
и четыре
на четыре,
сто четыре
на четыре,
полтора
на четыре,
двести тысяч
на четыре,
и еще потом четыре!
Все!*

ВЫ НЕПРЕМЕННО ПОЛЮБИТЕ ЕГО

Мне часто случается по разным причинам и даже без всяких причин вспоминать замечательного поэта Даниила Ивановича Хармса.

— Какое счастье, — говорю я себе, — что мне удалось познакомиться с ним и даже участвовать в его жизни, работать с ним локоть о локоть, бывать в его квартире, набитой всяческими диковинками, слушать, как он читает стихи, распевает своего обожаемого Баха...

Прошло бесконечно много лет, а я все так же отчетливо, как в хорошо наведенном бинокле, вижу его симпатичное лицо, явственно различаю, как шевелятся его губы в разговоре, как он откидывается назад, смеясь от души удачной шутке, а его светлые глаза так и сияют от удовольствия...

С первой же минуты знакомства Хармс показался мне совершенно необыкновенным человеком — странным, загадочным, словно с другой планеты, обладающим какими-то прекрасными тайнами.

Я заметил, что люди, хоть раз встречавшие Хармса, поспешат сообщить вам, что был он чудаковат, любил показывать фокусы, не прочь был разыграть кого-нибудь, подурачиться и что вот этот фотопортрет был сделан на высоте 6 этажа Дома книги в тот день, когда на спор с поэтом Н. М. Олейниковым Даниил Иванович, завязав глаза платком, перешел по карнизу из окна одного издательского кабинета в другой...

Действительно, в натуре Хармса было немало странностей, можно даже сказать, из них был вылеплен и он сам, и весь его чудесный талант.

Неиссякаемый выдумщик, оригинал, Даниил Иванович в жизни выглядел, как персонаж собственных, диковинных произведений. Он был и ученейший Карл Иванович Шустерлинг, и таинственный профессор Трубочкин. И хитрый таксик «с морщинками на лбу» — тоже он сам, да и развеселый Колька Панкин, слетавший в Бразилию, также сам Даниил Иванович — беспечный, искренний, по-детски простодушный.

Читая Хармса, вы узнаете, что страна Фистолия находится в Компотии, и даже научитесь разговаривать на трамвайном языке и поймете, зачем индейцы привязывают на шею бизонам колокольчики.

Как я завидую тем, кому еще предстоит про-
честь «Вруна», «Ивана Иваныча Самовара»,
«Охоту на хорька»... Или тем, кто будет читать,
подпрыгивая от неудержимого смеха, сказку о
короле, который сел пить чай с яблоками, и
что из этого вышло.

*Из дома вышел человек с дубинкой и мешком.
И в дальний путь, и в дальний путь
отправился пешком...*

Когда сегодня припоминаешь эту песенку,
которую давным-давно сочинил Даниил Ива-
нович (а он читал ее нараспев, на собственный
мотив) — то так и видишь его размеренную,
пружинящую походку путешественника, при-
стукивающего увесистой палкой в ритм широ-
ким шагам.

Да и одевался он как подобает путнику-пи-
лигриму — в удобный походный костюм, сши-
тый по собственному проекту.

Мы часто видели его в журнале «Чиж».

Рисунки
художника Б. Семенова к
стихам Д. Хармса

Однажды мне, художнику-редактору журна-
ла, принесли рисунок для зимнего номера. Мо-
розное солнечное утро. Из заснеженной избуш-
ки выбегает мальчуган, становится на коньки
и ловко скользит по поверхности льда... Ниже
художник изобразил, как мальчик, докатив до
крутого берега, вскакивает на лыжи и мчится
через засыпанный снегом лесок...

Рисунок был узкий и занимал по высоте как
раз половину страницы. Я показал эту слав-
ную картинку Хармсу, сидевшему за столом
напротив, и попросил его придумать какой-ни-
будь веселый стишок, ну, хотя бы о том, как
полезен зимний спорт. Рисунок Хармсу по-
нравился.

Вечером мы ехали с ним в гости, разговари-
вали о том о сем, сидя в холодном автобусе...
Вдруг на остановке Даниил Иванович умолк,
вынул из кармана свою красивую записную
книжечку и вписал туда меленьким почерком
четыре слова:

болото — очки — дощечки — крючки.

Я и подумать не мог, что у него в эту минуту
сложилось уже готовое стихотворение, да еще
какое!

В полдень следующего дня на редакторском
столе лежали эти стихи, прекрасным образом
дополнившие рисунок.

Они назывались:

ЧТО ЭТО БЫЛО?

*Я шел зимою вдоль болота
В галошах,
в шляпе*

и в очках

*Вдруг по реке пронесся кто-то
На металлических*

крючках.

*Я побежал скорее к речке,
А он бегом пустился в лес,
К ногам приделал две дощечки,*

*Присел,
Подпрыгнул
И исчез.*

*И долго я стоял у речки,
И долго думал, сняв очки:*

«Какие странные

*Дощечки
И непонятные
Крючки!»*

Это очаровательное, так искусно выполнен-
ное стихотворение запомнилось мне в один миг
и на всю жизнь. Трудно сказать, сколько раз
я читал его очень многим детям как веселую
загадку. И всегда и везде «дощечки и крючки»
встречали самый радостный отклик.

Стихи и картинка были напечатаны, только
художнику А. А. Успенскому пришлось срочно
дорисовать над заголовком нелепо удивленно-
го человечка в очках и в галошах, похожего на
человека в футляре.

Никогда уж потом я не встречал другого та-
кого увлекательного, бесконечно веселого фан-
тазера, каким был Даниил Иванович Хармс.

Среди многих лукавых и мудрых рассказов есть у него — «Молодой человек, удививший сторожа».

Герой этого рассказика — самый обыкновенный парень, после споров с тупым и упрямым сторожем, улучив момент, с поразительной легкостью устремляется в небо, всего лишь покрутив для этого в воздухе рукою в желтой перчатке.

— Ишь ты! — говорит (очевидно, с огромной завистью) сторож, удаляясь в свою сторожку... На этом повествование и кончается.

Тема свободно парящего в воздухе человека была всегда очень важной для Хармса. Он любил рассуждать о полетах в будущем, а также считал, что учеными до сих пор не исследована (пока еще глубоко затаенная) способность человеческого организма летать — левитация.

Совершенно серьезно рассказывал он об опытах известного московского художника Татлина (впоследствии ставшего конструктором самолета «ЛЕТАТЛИН»).

— Представьте себе, — говорил Хармс так убедительно, словно сам был свидетелем успеха своего московского друга, — в полнейшей тишине Владимир Евграфович ложится навзничь на ковер, отключается от посторонних дум, затем в невероятном усилии сосредоточивает свою волю и... постепенно отрывается от пола, поднимаясь ныне уже на 12—15 сантиметров...

В этих запальчивых рассказах Даниила Ивановича не было и тени какого-то суеверия или мракобесия. Просто был он великим мечтателем (таким же, как В. Е. Татлин) и верил в неограниченные способности человека.

— Ведь не случайно же, — доказывал он, — художники всех времен изображали летающих людей. Вспомните хотя бы фрески Ватикана или картины современного нам Шагала... Да и во сне мы летаем, испытывая несказанное счастье, не потому ли, что чувствуем полную раскованность и сознаем, что мечта о свободном полете уже свершилась!..

Многое можно было бы рассказать о разнообразии интересов Хармса. О его высоком вкусе в литературе, музыке, в искусстве.

Однажды во время застольной беседы он разделил чертой сверху вниз листок бумаги и предложил заполнить (только быстро, не раздумывая) две графы. Требовалось перечислить за одну минуту — слева то, что очень любишь, справа — наоборот. Надо было припомнить самых любимых людей искусства, их произведения, вкусные вещи, — словом, все что угодно.

Уж не помню, что там настроил я, а у Даниила Ивановича выглядело примерно так:

ОЧЕНЬ ЛЮБЛЮ:

Гоголя, Чехова, Рабле, Генделя, Баха, Моцарта, Козьму Пруткову, Зошенко, бродячих кошек, Георга Гросса, грецкие орехи, краски Конашевича и Ю. Васнецова, печеную картошку, лохматых собак, старинные книги...

ТЕРПЕТЬ НЕ МОГУ:

Трескучую музыку Вагнера, статую Лаокона, соевую колбасу, картины Маковского и Клевера, галстуки-самовязы, запах карболки, карточные игры, стихи Бальмонта и Щепкиной-Куперник, гремучих змей, вегетарианскую кухню и гнусавые патефоны...

Я чуть было не упустил заметить, что список слева начинается у него с имени Пушкина. И казалось бы, ну что общего у поэта Хармса, как известно, шутейного, мальчишеского, озорного, — с классической пушкинской музыкой.

Но если бы вам довелось хоть раз услышать, как проникновенно сильно, с каким огнем читал стихи Пушкина этот «легкомысленный шутник»!

Уж на что казалась мне «запетой», зачитанной в лоск еще на школьной скамье и даже скучной «Песнь о вещем Олеге», а в чтении Хармса дивное это стихотворение вдруг расцвело и засияло первозданным блеском, как будто смыло с него налет хрестоматийной засаленности. И дело вовсе не в том, что читал Даниил Иванович как-то «красиво», как читают артисты со сцены... Вовсе нет. Просто, читая, он бережно и внимательно раздвигал перед вами полотно любимого художника, останавливаясь, чтобы показать крупным планом живописные детали, любясь, словно отборными жемчужинами, достоинствами волшебного пушкинского стиха.

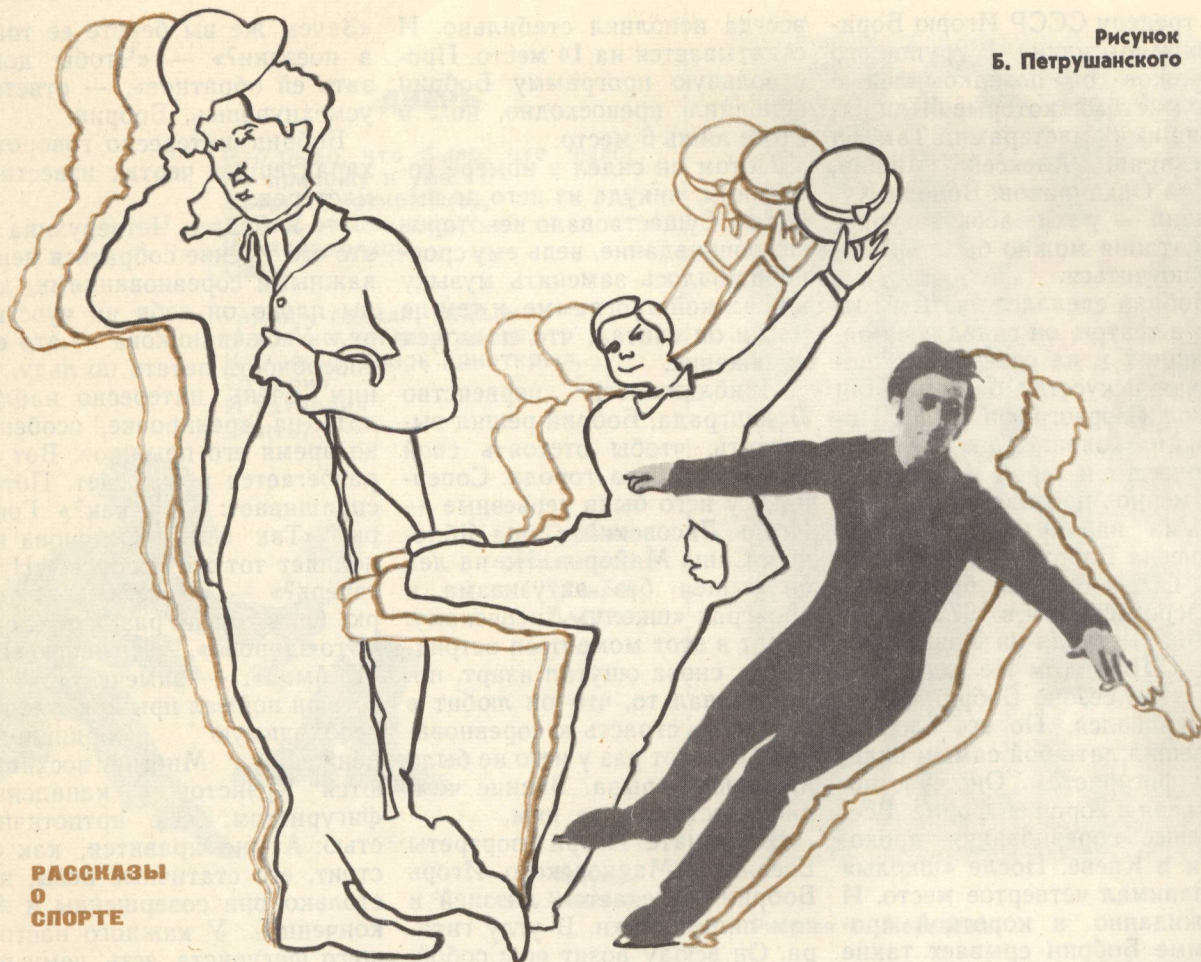
А еще вспоминается — с каким душевным волнением, словно речь шла о его собственной судьбе, читал он строфы «Медного всадника», особенно сцены наводнения. Пушкина почитал он за своего первого учителя, изучал его творчество и всегда преклонялся перед светлой памятью великого поэта...

Максим Горький сказал однажды в беседе с литераторами, что писать для детей надо ЗАБАВНО. И как же радостно видеть, что произведения Хармса — забавного стихотворца, сработанные замечательно прочно, живут и сейчас полной жизнью и не меркнут вот уже почти сорок лет!

В его стихах отражена кипучая и обаятельная личность самого поэта, в них начисто отсутствует шаблонность и скука, и вы не найдете у него вялой, неточной, лишней строки.

Стихи Хармса неизменно удивляют своеобразием и новизной...

Борис СЕМЕНОВ

РАССКАЗЫ
О
СПОРТЕ

ЧАРЛИ ЧАПЛИН, БУБА-ОДЕССИТ И ДРУГИЕ

По льду мчится Буба-одессит, герой смешных одесских историй. Его шляпа-канотье лихо сдвинута на лоб, клетчатый пиджак развевается, пестрая рубашка сверху расстегнута, руки у пояса. Буба-одессит — это фигурист Игорь Бобрин.

А вот другой персонаж. Под музыку Чарли Чаплина выезжает смешной и трогательный человек в широких штанах. На руке его болтается тросточка, он хочет казаться франтом, и оттого еще более уморительны его наряд и его движения. На него сыплются удары судьбы, но он стойко держится и тем самым вызывает у нас к себе сочувствие и уважение. Этот персонаж — тоже Игорь Бобрин.

Бобрин очень любят зрители, хотя он еще не имеет гром-

ких титулов. Он ни на кого не похож. Его показательные программы — настоящее искусство.

Первый его тренер — Татьяна Ивановна Ловейко. Когда восьмилетним мальчиком он познакомился с ней, он увидел перед собой суровую женщину в большой лисьей шапке, в очках, которая метлой чертила на льду круги. Он так ее испугался, что убежал и спрятался в раздевалке под скамейкой.

Татьяна Ивановна нашла его и вытащила на каток. В тот день Игорь не знал, что благодаря ей он вырастет настоящим фигуристом, а тренер не догадывалась, что этот мальчик станет одним из лучших и любимых ею учеников.

В течение восьми лет она пестовала Бобрину. Вместе с дру-

гими учениками он целыми днями разъезжал с одного катка на другой. Тренировки в то время проходили на открытом воздухе, порой они были тяжелыми, изнурительными, но это было необходимо.

Из этих лет Бобрину больше всего запомнились самые первые соревнования. В его группе было всего два участника. Бобрин занял первое место, а его соперник — второе. Они поднялись на пьедестал почета, и оба были совершенно счастливы. Потом они с удивлением услышали: «Слезайте же, наконец, слезайте». Но они никак не хотели сходить с пьедестала — так им понравилось быть победителями.

Переломным моментом в своей спортивной жизни Бобрин считает переход к заслуженно-

му тренеру СССР Игорю Борисовичу Москвину. В группе его учеников он познакомился с фигуристами, которые были настоящими мастерами: Тамара Москвина, Алексей Мишин, Юрий Овчинников, Володя Куренбин — у этих асов фигурного катания можно было многому научиться.

Бобрин сделался частым гостем в театре, он сидел и на репетициях и на спектаклях, постигая искусство балета. При помощи хореографа Ю. Ю. Потемкина появился на льду Буба-одессит и герой Чаплина.

Именно произвольная программа на музыку Чаплина принесла Бобрину большой успех. С ней он стал бронзовым призером страны в 1972 году, с ней он выступал на Универсиаде в США в том же году.

В этом сезоне Бобрин много тренировался. По его словам, он решил дать бой самым сильным фигуристам. Он чувствовал себя в хорошей форме. Всесоюзные соревнования проходили в Киеве. После «школы» он занимал четвертое место. И неожиданно в короткой программе Бобрин срывает такие элементы, как вращение и двойной «лутц», которые он

всегда исполнял стабильно. И откатывается на 14 место. Произвольную программу Бобрин исполнил превосходно, но... в итоге лишь 6 место.

Потом он сидел в номере гостиницы, никуда из него не выходил. Существовало некоторое самооправдание, ведь ему срочно пришлось заменить музыку к короткой программе, и тем не менее он считал, что потерпел поражение.

Приближалось первенство Ленинграда, Бобрин решил выступить, чтобы отстоять свой титул чемпиона города. Соперники у него были серьезные — Игорь Лисовский, Саша Яблоков, Саша Майоров. Но на лед он вышел без энтузиазма и проиграл «школу» Лисовскому. И вот в этот момент он встряхнулся, снова ощутил азарт, почувствовал то, что он любит в спорте — страсть к соревнованию. На этот раз у него не было ни одного срыва. Звание чемпиона осталось за ним.

В комнате Игоря портреты Есенина и Маяковского. Игорь Бобрин увлекается поэзией и сам пишет стихи. В углу гитара. Он всюду возит ее с собой, хотя и считает, что она не приносит ему удачи. Спросили:

«Зачем же вы берете ее тогда в поездки?» — «Чтобы доказать ей обратное», — ответил, усмехнувшись, Бобрин.

Бобрин интересно говорит о характерных чертах известных мастеров:

— У Сергея Четверухина — это его умение собраться перед важными соревнованиями, как бы плохо он себя ни чувствовал. У Овчинникова — это его способность летать по льду. За ним очень интересно наблюдать на тренировке, особенно во время его прыжков. Вот он разбегається и взлетает. Потом спрашивает: «Ну как?» Говорю: «Так себе». Он снова исполняет тот же прыжок. «Ну а теперь?» — «Ничего», — говорю. Он в третий раз делает его. «Это здорово», — я говорю ему. «Поймал», — замечает он. То есть он поймал прыжок, уловил необходимую координацию движений... Многие восхищаются Крэнстоном, канадским фигуристом, его артистичностью. А мне нравится, как он стоит, его статичные позы, настолько они совершенны и законченны... У каждого настоящего фигуриста есть чему поучиться.

В. НЕЧАЕВ

ОТВЕТЫ БЕЛОЙ ВИКТОРИНЫ

(смотри „Костер“ № 9, 1975 год)

Тринадцать вопросов-загадок о зимних олимпийских играх ждут ответов. Вот эти ответы:

1. В футболе такой гол будет засчитан. А в хоккее — нет. Дело тут в традиции. Футбол много старше хоккея, в нем живут остатки старых обычаев, иногда не совсем справедливых.

2. На вопросы отвечала замечательная спортсменка Галина Кулакова.

3. Шведская команда вообще не будет участвовать в олимпиаде. Бережет силы для чемпионата мира. Кроме того, шведское правительство отказало в денежной субсидии команде. Два турнира подряд — дорого.

4. «Хоккейный» лед должен быть тверже, жестче: хоккеисты бурно стартуют и резко тормозят. «Фигурный» лед должен слегка пружинить. Чем теплее, тем мягче лед.

5. Этот войлочный щиток, покрытый кожей, с тремя полиэтиленовы-

ми бляхами, защищает голень хоккеиста.

6. Это Инсбрук. Название означает «мост на реке Инн». Австрийский город, столица Тироля, крупный транспортный узел, связывающий Италию, Швейцарию и ФРГ.

7. Чемпионы мира и Европы Ирина Роднина и Александр Зайцев.

8. Золотых медалей на олимпийских играх 1964 года были удостоены Людмила Белоусова и Олег Протопопов.

9. Благодаря исключительным достижениям Людмилы Пахомовой и Александра Горшкова впервые будут разыграны золотые медали за спортивные танцы на льду.

10. Гренобль, 1968 год. Владимир Белоусов (золотая медаль).

11. Кортин д'Ампеццо, 1956 год. Евгений Гришин (золотая медаль).

12. Инсбрук, 1964 год. Лидия Скобликова (золотые медали за дистанции в 500, 1000, 1500 и 3000 метров).

13. На снимке — Кубок чемпионата мира по хоккею. Наши хоккеисты завоевывали его 14 раз!

А теперь — имена победителей.

Первое место — Нина Манина (Кемеровская область). Кроме правильных ответов, Нина прислала замечательный альбом с фотографиями чемпионов и множеством интересных сведений о спорте.

Второе место — Надя и Марина Подъяпольские (село Днепровка Запорожской области).

Третье место — Лена Минасенко (Жирновск Волгоградской области). Отмечаем еще троих участников викторины. Это **Сергея Букирев** (Пермь), **Лилия Чуркаева** (Якутия) и **Саша Кирсанов** (Находка).

Желаем всем участникам викторины здоровья и больших успехов в спорте!

ДВЕРЬ

Что было, что было, что было!
Не приложу я ума...
Дверь приоткрылась,
Дверь отворилась
И затворилась
Сама.

Гадали, гадали, гадали
И все не могли угадать,
Кто нашу дверь приоткрыл,
Отворил
И затворил
Опять?

Перевел
с еврейского
Генрих
САПГИР

Рисунки
Ю. Клыкова

8

Рисунок О. Морозовой

ГЛУХАРЬ

В чаще леса словно бубнил шаман — шелестели листья старых берез. Ветер надсадно урчал и набрасывался на деревья.

Глухарю было тоскливо. Он сидел на вырубке у пня, возле которого покачивались желтые колоски на высоких соломинках. Он заметил: колоски распрямили головки и поднялись выше оттого, что семена их высыпались и давно разнеслись ветром. И теперь качаются они без дела...

Глаза у Глухаря были красными. Он плакал. Птицы улетали на юг, а он оставался один со своей глухарихой-копалухой: за лето отяжелел, летал плохо. Разве добраться ему до теплых мест.

Березы опадали, и каждый листок, оставшийся на ветках, ясел. Глухарь хмуро смотрел на них, когда они говорили ему: „Ну, не расстраивайся! Улетим! Наши братья-листки лежат на земле, похрустывают от злости, что мы еще не опали, а мы подождем ветра сильного и улетим! Вслед за лебедями...“

5

4

ПЕСНЯ О СЛАВНЫХ ТАНЦОРАХ

Встретились в мусорной яме
И стали навеки друзьями
Утенок, Котенок, Черный Ботинок
И Десять Копченых Сардинок.
Радуюсь, что подружился,
В лезгинке лихой закружился
Утенок, Котенок, Черный Ботинок
И Десять Копченых Сардинок.
Сутки подряд проплясали,
Весь мусор кругом разбросали
Утенок, Котенок, Черный Ботинок
И Десять Копченых Сардинок.
Дни и недели бежали,
Но все танцевать продолжали
Утенок, Котенок, Черный Ботинок
И Десять Копченых Сардинок.
Десять Плетеных Корзинок
Больших граммофонных пластинок
Сменили Утенок, Котенок, Ботинок
И Десять Проворных Сардинок.
Тысячу полек и вальсов
Сплясали на кончиках пальцев
Они без единой запинки,
И глянец сияли их спинки.
Черный Ботинок в присядке
Носился по всей танцплощадке.
А черная полночь скрывала от взоров
Порой наших славных танцоров.
Все городские зеваки,
Толкаясь, толпились во мраке,
Мечтая к утру в середину пробиться
И танцем Сардин насладиться.
И звали на сто вечеринок,
Как граждан особо почетных,

2

Но дул сильный ветер — листья, пытаясь
взлететь, кружились в воздухе и, обессилев,
падали желтыми бабочками на землю. Когда
Глухарь ходил по ним, они недовольно скри-
пели: „Ну, что ходишь, старая тетеря? Сам
не можешь взлететь и нам не даешь — при-
минаешь к старухе-траве!“

Копалуха не грустила. Она готовилась
к зиме. Целый день бродила по песчаным
придорожным куртинам и склевывала ка-
мешки. Зимой глухари питались хвоей, а хвоя,
жесткая и острая, трудно переваривалась
в желудке. Была сухой и твердой, как прово-
лока. Камешки, как жернова, ее перемалы-
вают.

Глухарь тоже искал их. Искал и плакал:
ему не хотелось отставать от других птиц,
тоже желал он жить в тепле и есть не сухую
хвою, а что-нибудь повкуснее.

Лебеди уносили тепло на хвостах. Они ле-
тели в синей выси и громко трубили, созы-
вая своих собратьев.

Старый Лебедь-кликун заметил Глухаря и
позвал его в путь.

— Не могу, — сказал Глухарь и закрыл от
горечи красные веки. — Я не дотяну до юга...

Лебеди пожалели его и сбросили вниз по
белому перышку. „На память! — кричали они. —
Жди нас! Мы расскажем тебе о жарких
странах. Только бы долететь до оазиса...“

Глухарю стало веселей. Только глаза у него
все равно остались красными: он слишком
долго плакал и грустил.

Глухарь всегда живет в одном месте и зи-
мой, и летом. Ждет лебедей.

Николай СЕМЧЕНКО

Рисунки А. Орлова

6

Овсей ДРИЗ

КОГДА ГОРОД ОСАЖДЕН

За семью воротами,
За семью замками
Кузнецы куют мечи,
Точат их о камень.

Разве может жить беспечно
В городе народ,
Если враг чадит огнями
У семи ворот?

Разве можно спать спокойно,
Спать и видеть сны,
Если вражеские кони
Ржали у стены?

И звенят, искрят мечи
О точильный камень
За семью воротами,
За семью замками.

7

Котенка, Утенка, Черный Ботинок
И Десять Сардинок Копченых.
Ведь нет веселее картины,
Чем та, когда пляшут Сардины,
А с ними Ботинок, Утенок, Котенок
Танцуют с утра до потемок.
Кто эту картину представит,
В душе его что-то растет.
Он станет любить сиротинок:
Утят, и Котят, и Сардинок.
И перед тем, как друзей навещать,
Ботинки он будет свои начищать,
И будет на танцах в них красоваться,
Покамест пора не придет расставаться.

В. Уфлянд

Рисунки Ю. Клыкова

8

ЗДЕСЬ СРАЖАЮТСЯ ОЛИМПЙЦЫ

Борьба в Олимпийском турнире АРЧЕБЕКА разгорается — сегодня третий тур. Кому он принесет очки? Они так нужны!..

Задание шахматистам.

А. Белые: Kpf2, Фf6, Ch7; черные: Kpg4, п. g5. Мат в 2 хода.

Б. Белые: Kpc2, Лh8, Cf8, Kh6; черные: Кра1, Сс3, п. а2. Мат в 3 хода.

Задание шашистам.

А. Белые: b2, d4, e1, f4, g1, h2, h4; черные: b6, c3, c7, d6, f6, g7, h6.

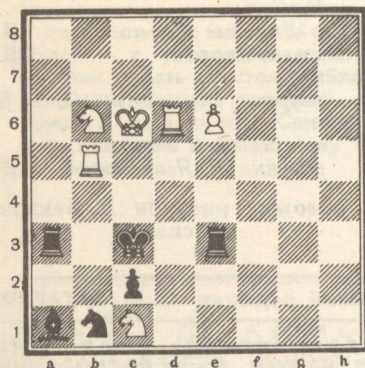
Б. Белые: a3, d2, f2, g3, h4, h6; черные: b4, c5, d6, f6, f8, g7.

Автор этих концовок — Сергей Мальцев (Новосибирск). В первой белые проводят победную комбинацию. Во второй — тоже, но после вступительного тихого (то есть без жертвы) хода.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК „С ДОБРЫМ ШАХОМ!“

«Здравствуй, шахмат-адмирал Ферзьбери!

В одном журнале я увидел задачу. Вот такую —

Написано было «Белые дают мат в 3 хода». И я дал. Даже в два дал. Вот как — 1. e7 Л:е7 2. Лd3X. Разве неправильно? Разве это не мат? А посмотрел я потом напечатанное решение — там не так. Совсем не так! В чем же дело? Я удивляюсь! Костя Блинов».

Доблестный рыцарь Костя Блинов! Ты удивляешься... А я еще больше удивляюсь! Кто же так решает задачи?! В любой задаче между белыми и черными идет яростная борьба. Белые обязаны выполнить задание (тут оно — мат в 3 хода), а черные всеми силами сопротивляются, мешают им. Поэтому решение заключается в том, чтобы найти ходы за белых, которые обеспечат выполнение задания при любом сопротивлении черных. А у тебя? Ты играешь 1. e7, а затем черными отвечаешь Л:е7. Чтобы белые смогли дать мат в два хода, что ли? Выходит, черные у тебя не боются, а помогают белым! Ведь пой-

ди они 1... Ле6, разве белые дали бы мат в три хода? Нет. А это значит, что твой ход 1. e7 к решению не ведет: он опровергается ответом Ле6!

Какое же решение этой задачи (ее автор — А. Максимовских, Курганская обл.) и как его записать? Смотри —

1. Kpb7! И теперь, если:
1... Сb2, то 2. Лb3+! Л:b3 3. Ka2X,
1... Kd2, то 2. Лd3+! Л:d3 3. Ke2X,
1... Ла7+, то 2. Кр:a7 и при любом ходе черных им будет дан мат.

Чтобы укоротить запись решения, можно вторые ходы черных и матующие ходы белых не приводить.

А теперь, Костя, напиши мне (не на открытке с решениями турнирных задач, а отдельно!) — чем так хорош ход 1. Kpb7, что он позволяет выполнить задание?

Этот вопрос задается и всем другим рыцарям.

Шахмат-адмирал Ферзьбери

ОРУЖЕНОСЦЫ, ШАГ ВПЕРЕД!

Внимание: боевое задание!

Овладел ли ты уже главным оружием АРЧЕБЕКА — быстроматом? Прояви-ка свое умение. К стрельбе из быстромата по черному королю приготовься!

Белые: Kpc6, Ла2; черные: Kpd8.

Черный король сопротивляется; дай ему самый быстрый мат. Огонь!

ТРЕНИРОВОЧНАЯ КАБИНА

Приглашаем всех рыцарей на тренировку! Очков здесь, правда, не приобретешь, но зато и не потеряешь. А польза огромная.

Проводит сегодня тренировку Юрий Селявкин из Воронежа. Он предлагает три свои задачи и утверждает, что в каждой можно дать мат в три хода. Вы согласны, рыцари?

№ 1. Белые: Kpd2, Лh1, Лh3; черные: Kpb2, п. а2.

№ 2. Белые: Kpf4, Лh2, Са8, п. а7; черные: Kpg1.

№ 3. Белые: Kpc2, Ла8, п. d2; черные: Кра1, Ка2.

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

В этом бюро, рыцари, вы будете проверять свои решения. Заведите «Листок учета» и за каждую верно решенную турнирную задачу записывайте туда 5 очков. Этот листок шахмат-адмирал потребует от вас в июле. Так же должны действовать и оруженосцы.

В «Костре» № 1 задачи решаются так.

Шахматы. А. 1. Kh6! и при любом ответе черных им будет мат.
Б. 1. Фd5! и черным от мата не спас-тись.

Шашки. А. 1. fe3! 2. e:g3 3. de3X.
Б. 1. fg5! 2. fg3X.

ПРИКАЗ № 3

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕКОМ, приказываю:

§ 1. Рыцарям-олимпийцам, а также оруженосцам — послать рапорты до 1 мая. И только на открытках!

§ 2. В левом верхнем углу открытки обязательно указать номер тура и свой пароль.

Шахмат-адмирал Ферзьбери

СОВЕТ БЕСПЕЧНЫМ

Греческий философ Диоген, путешествуя, набрел на совсем маленький городок с большими воротами.

— Заприте ваши ворота, — посоветовал Диоген, — а то как бы ваш город не убежал.

ОТВЕТ НЕВЕЖДЕ

Немецкий физик Конрад Рентген получил письмо. Некий господин просил прислать ему немного икс-лучей и инструкцию по их применению, так как лично явиться к ученому у него нет времени.

Рентген ответил:

„В настоящий момент у меня, к сожалению, нет лучей. Замечу при этом, что пересылка их является необычайно сложным делом. Единственный выход — переслать мне вашу грудную клетку“.

ОТКРЫТИЕ УДАЛИЛОСЬ

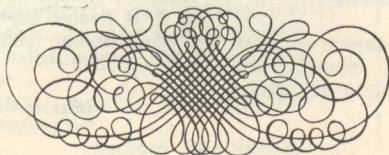
Французский математик Ампер шел как-то по улице, производя в уме сложные вычисления, и вдруг наткнулся на черную доску, такую же, как в аудитории. Обрадовавшись, он подбежал к доске, вынул кусочек мела, который всегда носил с собой, и начал быстро испещрять черную поверхность формулами. Доска, однако, тронулась с места. Увлеченный расчетами ученый машинально двинулся за ней. Доска набирала скорость. Ампер побежал. И только смех прохожих привел его в себя. Доска, исписанная формулами, оказалась задней стенкой черной кареты.

БРАТЯ С ФАРФОРОВОЙ ТАРЕЛКИ

В доме, где жила датская семья по фамилии Бор, висела фарфоровая тарелка с изображением двух братьев, сыновей хозяйки. Как-то в отсутствие матери один из друзей дома сказал, разглядывая тарелку:

— Да, вид у этих детей простоватый, пороку они не выдумают. Что ж, были бы славными, добрыми людьми.

Прошло время, и один из братьев, Нильс, стал великим физиком, национальной гордостью Дании. Заслуги другого брата, Харальда, оказались скромнее: он сделался самым крупным датским математиком.

СОДЕРЖАНИЕ

Гвоздь с двумя шляпками беседа с токарем-изобретателем М. А. Зайцевым	1
Окно пятилетки фото В. Егоровского	4
Голова античной богини повесть И. Дворкина	5
Наш Пионерстрой Барaban	16
журнал юнкоров	18
Пекшеевы из Мари-Васькова фото М. Кутюкова	22
Наш петух рассказ Н. Катерли	24
Стихи О. Григорьева	26
Учусь на грибовода! репортаж Л. Пожидаевой	28
Арколола повесть Дж. В. Маршалла	30
Почта „Барабана“	42
Зеленые страницы	44
На дне Атлантического океана оформление А. Курушина	46
Морская газета	48
Умиравший рай очерк А. Иванченко	50
Библиотека КОСТИ ТЕРкина	53
Добрая кисть очерк Д. Норина	54
Вы непременно полюбите его воспоминания Б. Семенова о Данииле Хармсе	56
Рассказы о спорте	59
Уголёк журнал для малышей	61
Арчебек шахматы и шашки рисунки Г. Ясинского	63
На обложке рисунок Д. Бекарян „Весна“	

Главный редактор С. В. САХАРНОВ

Редакционная коллегия:
Г. В. БАЛУЕВ, В. М. ВОСКОВОЙНИКОВ, Т. В. ЗАХАРОВА, Л. С. КОКОРИНА [отв. секретарь], А. И. ПАНТЕЛЕЕВ, Л. Н. ПОЖИДАЕВА, Р. П. ПОГОДИН, Е. В. СЕРОВА, Н. И. СЛАДКОВ, В. В. ТОРОПЫГИН, Н. А. ХОДЗА, Г. М. ЧЕРНЯКОВА, Ю. А. ЮРКАН [зам. редактора]

Художник-редактор
М. С. БЕЛОМЛИНСКИЙ
Технический редактор
В. И. МЕЦАТУНОВА
Корректор В. А. МАЕВСКАЯ

Рукописи и фотографии не возвращаются.
Адрес редакции: 193015, Ленинград,
Таврическая, 37, телефон 74-93-84.

М-29521. Сдано в набор 4/XII 1975 г.
Подписано к печати 26/I 1976 г.
Формат 60×90 $\frac{1}{4}$. Печ. л. 8+обл. 8,8 уч.-изд. л.
Тираж 600 000 экз. Заказ 1749. Цена 25 коп.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1
Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
Ленинград, 197101, Кронверкская ул., 7.

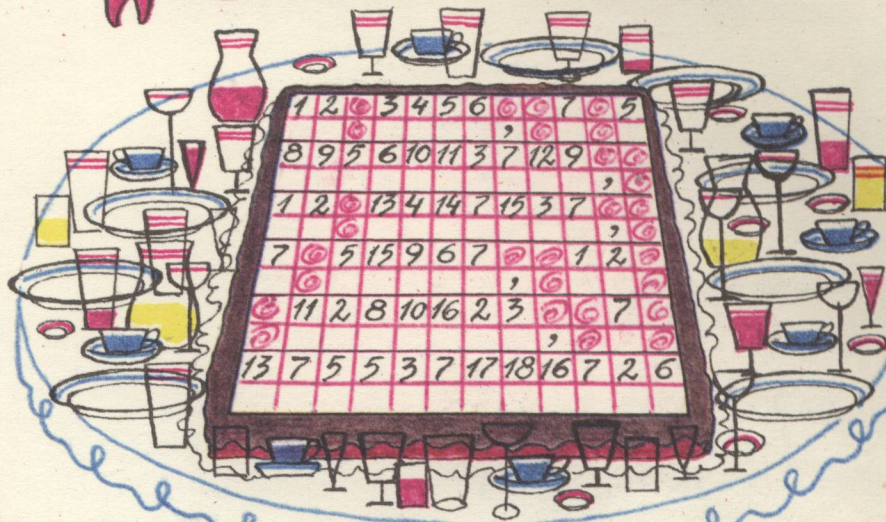
8 Марта клуб «За семью печатями» устроил в честь бабушки Яги, вещей Сороки, Алисы из Страны Чудес и Маши-искусницы традиционный праздничный ужин.

В меню ужина вошли следующие напитки и десерт из различных томов обширного собрания кулинарных сочинений Гнома-Гастронома:

ТОМАТНЫЙ КОКТЕЙЛЬ. 200 г томатного сока смешать с $\frac{1}{2}$ стакана холодного кипяченого молока, добавив щепотку соли и сахарного песка, и взбить в пену взбивалкой или миксером. На стол подать в стаканах, посыпав мелко нарезанной зеленью петрушки.

ЛИМОННЫЙ КОКТЕЙЛЬ. Натереть на терке корку одного лимона и залить ее 2 стаканами молока. Растереть добела яичный желток с 2 столовыми ложками сахара, добавить сок, выжатый из лимона, лимонные корки с молоком и хорошо взбить. Перед подачей на стол охладить в холодильнике.

ДОМАШНЕЕ МОРОЖЕНОЕ ИЗ ПРОСТОКВАШИ. 2 литра простокваши завернуть в марлю и подвесить так, чтобы к утру отделилась сыворотка. На другой день отцеженную гущу хорошо взбить с 2 стаканами сахарной пудры и разделить на 3 равные части. Одну часть смешать с 1 порошком ванилина и натертой коркой 1 лимона. Вторую часть смешать с 2 столовыми ложками какао. Растереть 2 яичных желтка с 2 столовыми ложками сахарного песка и перемешать с оставшейся гущей. Охладить в холодильнике и, перед тем как подать на стол, положить в каждый стакан по столовой ложке каждого вида смеси. Сверху украсить взбитыми в густую пену яичными белками.

Составил
и оформил
В. Уфлянд

За ужином решали криптограмму «ЗАГАДКИ» Гали ЗАРЕЧНЕВОЙ, почетного члена клуба «За семью печатями» из села Кытманово Алтайского края. Разгадав загадки и поставив под числами соответствующие им буквы, можно прочесть новую загадку.

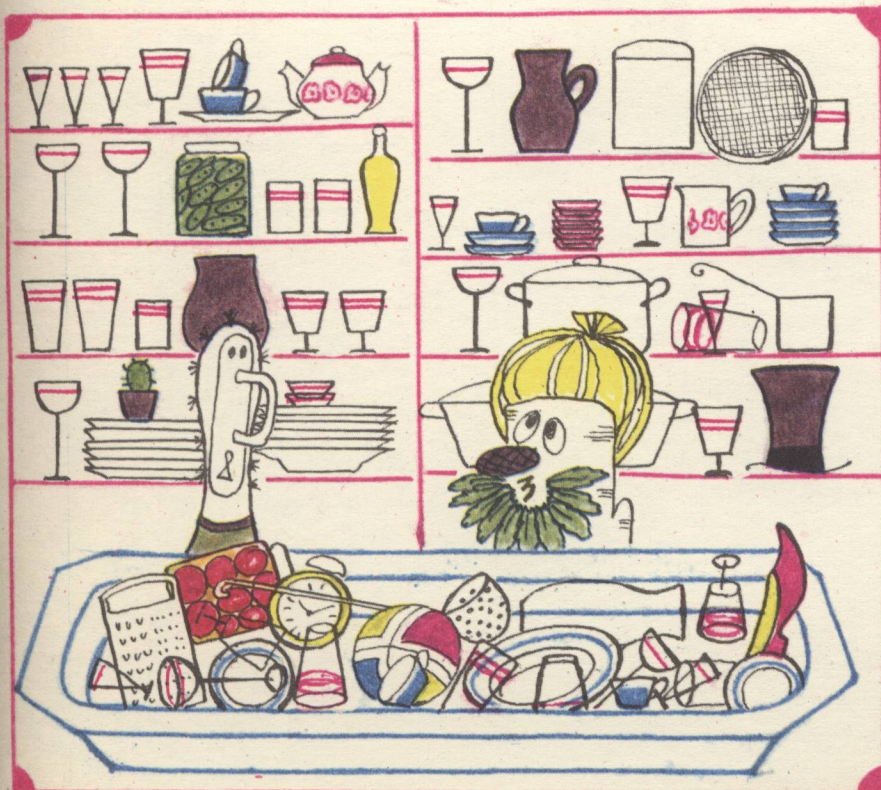
«Весной веселит, летом холодит, осенью питает, зимой согревает» — 8. 2. 5. «Когда ненастье, он гуляет, а в ясный день в углу стоит» — 17. 10. 1. 6. 9. 3. «Без ног, а ходят, без рук, а указывают» — 11. 7. 5. 18. «Вокруг проруби сидят белые голуби» — 17. 4. 14. 18. «Утка в воде, а хвост на горе» — 3. 10. 16. 15. «Не зверь, не птица, а нос как спица» — 3. 10. 12. 7. 13.

После ужина Демьяша и Сиволапыч мыли посуду. В результате обнаружилось, что из сервиза, в котором было по 8 одинаковых стаканов, фужеров, бокалов, вазочек, розеток, блюдец, чашек, глубоких и мелких тарелок, исчезло множество предметов, очевидно, превратившихся в осколки. Помогите Хуссейну и Гному подсчитать убыток.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАНИЯ № 2.

Порядок, в каком должны быть сцеплены вагоны: Владивосток, Хабаровск, Чита, Улан-Удэ, Иркутск, Красноярск, Новосибирск, Омск, Тюмень, Свердловск, Казань, Москва.

Плетенка. Сверху вниз: Кузнец, Доярка, Зодчий, Пастух, Шахтер, Артист. Слева направо: Летчик, Монтер, Токарь, Столяр, Матрос, Сторож.

НА ВЫСТАВКЕ
Люба Кузьминых, 9 лет

РИСУНКИ НАШИХ ЧИТАТЕЛЬНИЦ

ЗИМОЙ

Света Николаева, 9 лет

ХОЗЯЙКА Света Зайцева, 9 лет

Индекс 70445